

Уроки
обольщения

Мой
желанный
и неприступный
маркиз

АЛЕКСАНДРА
ХОУКИНЗ

КНИЖКА
СЕМЕЙНОГО
ЧТЕНИЯ

Она — юная недотрога леди Темпест. Девушка много раз слышала от отца нелестные отзывы о Фейрлэмах и даже разделяла его мнение. Но случайная встреча с белокурый красавцем на берегу реки изменила все. Сначала она не догадывалась, что этот обаятельный мужчина — враг ее семьи. А когда узнала его имя, было слишком поздно... Он — маркиз Матиас, лорд Фейрлэм, привыкший кружить головы дамам, разбивший не одно женское сердце и... безоружный перед этой прелестницей. Что скажут его родные, когда узнают, кого он полюбил?

Александра Хоукинз

Мой желанный и неприступный маркиз

Удовольствие — это грех, а иногда грех — это удовольствие.

Лорд Байрон

— Ты меня поражаешь, Фейрлэм. Обычно ты не столь беспечен. Но все же я не намерен искушать судьбу. Теперь ты видишь, что преимущество на моей стороне и я полностью завладел твоим вниманием... Ты готов принести извинения?

Любой другой, поумнее, кивнул бы и извинился. Но Матиас Рук, маркиз Фейрлэм, руки которого были заломлены за спину невидимым противником, находился в явно невыигрышном положении. Прищурившись, он смотрел, как к нему, упиваясь собственным превосходством, приближается знакомый темноволосый джентльмен.

Лицо Матиаса оставалось непроницаемым, но он отметил и его неряшливый смокинг, и небрежно повязанный галстук. Казалось, Оливер Брант, граф Маркрофт, в этот вечер уже с кем-то подрался или просто провел время в борделе. Матиаса не очень беспокоило, что Маркрофт подцепит сифилис от несчастной проститутки. Однако дамы высшего света были о нем довольно высокого мнения, тем более что граф был изысканным красавцем с волевым подбородком и высокими скулами.

Матиас же видел одно: ненависть, горящую в карих глазах соперника.

В возникшей неприятной ситуации винить приходилось только себя. В конце концов, он сам предложил приятелям перед возвращением домой заглянуть в эту таверну, выпить пару кружек пива. И сам же отослал приятелей за лошадьми, пока он будет расплачиваться по счету. Если бы все было иначе, их с Маркрофтом дорожки в этот день едва ли пересеклись бы.

К несчастью для всех присутствующих, именно из-за собственного решения он оказался рядом с Маркрофтом, ибо этому джентльмену всегда удавалось разбудить в нем зверя.

Матиас расправил плечи.

— Извинения? За что именно? Мои слова о том, что твоя любовница больше похожа на лошадь, не предназначались для твоих больших ушей, Маркрофт. Если ты обиделся на правду о своей милашке — жалуйся ее матушке и батюшке. Моей вины в том, что у тебя такой отвратительный вкус...

Боль фейерверком взорвалась в голове, когда правый кулак графа повстречался с левой скулой Матиаса. Голова маркиза дернулась вправо, из левого глаза посыпались искры, голова просто раскалывалась.

Матиас покачал головой, пытаясь избавиться от боли, как будто отряхивался от воды, вылитой на него из ведра. Презрительно усмехнулся, намеренно дразня противника.

— Должен признать — это достойный удар, Маркрофт! Вели своей дворняжке отпустить меня, и тогда посмотрим, чего ты стоишь, когда у противника развязаны руки — или ты у батюшки своего научился... нападаешь только на беззащитных?

— Я сам себе господин, — прорычал Матиасу на ухо тот, кто безжалостно заламывал его руки за спину.

Граф Маркрофт стал чернее тучи — несомненно, Матиас сумел нанести сокрушительный удар, даже не пошевелив и пальцем. Хотя сам Матиас не был лично знаком с отцом графа, маркизом Норгрейвом, до него доходили мерзкие слухи о чудовищных

злодеяниях маркиза: всю жизнь он ради забавы не раз подстрекал неопытных соперников к дуэлям. А еще Матиас слышал, что его собственный отец, герцог Блекберн, когда-то считал маркиза своим близким другом, хотя и полагал, что это — явное преувеличение. Даже если бы герцог лично подтвердил, что слухи имеют под собой основание, Матиас никогда в это не поверил бы. Его отец — уважаемый, достойный джентльмен. Он не имеет ничего общего ни с Маркрофтом, ни с его распутным отцом.

— Отпусти его! — отрывисто приказал граф.

«Давно бы так!» — зло подумал Матиас.

Но не успел Матиас высвободить руки, как Маркрофт нанес удар кулаком ему прямо в живот. Матиас согнулся пополам, внутренние органы подскочили, выражая молчаливый протест против такого жестокого обращения. Матиасу пришлось изо всех сил бороться с тошнотой: ему очень не хотелось, чтобы все то пиво, что он выпил с друзьями, выплеснулось наружу.

Граф ухватил затянутой в перчатку рукой Матиаса за плечо, нагнулся, чтобы их взгляды встретились.

— Я устал слушать, как ты бесстыдно метешь языком, упражняясь в тупоумии, Фейрлэм. Пока ты окончательно не опозорился, я готов принять твои извинения, а потом дать тебе уйти.

Матиас медленно выпрямился и нахмурился, заметив, что Маркрофт повторяет его движения. Господи боже, как же он презирает этого темноволосого громилу!

— Отчего же ты торопишься меня выпроводить, если приложил столько усилий, чтобы завладеть моим вниманием?

Граф чуть заметно наморщил лоб — было ясно, что этот тупица со стальными мышцами не смог оценить столь тонкую остроту.

Матиас сложил губы и послал воздушный поцелуй.

— Будьте осторожнее, сэр. Страсти до добра не доведут. — И в подтверждение своих слов Матиас провел пальцем вдоль ширилки бриджей, а потом поперек горла.

Завсегдатаи таверны замерли, заметив, как скептическое выражение на лице Маркрофта мгновенно сменилось возмущением от невысказанного обвинения. Спутник графа, который стоял у Матиаса за спиной, что-то пробормотал, но сам Матиас смог разобрать только слова «ухаживать» и «смерть».

В следующую секунду Маркрофт бросился на него.

Стороннего наблюдателя расслабленная поза Матиаса могла ввести в заблуждение: казалось, что он слишком пьян, чтобы защищаться. Хотя следует признаться, что, как только Матиас заметил графа, все выпитое пиво бросилось ему в голову, и он решил спровоцировать ссору. Как бы то ни было, но именно из-за этой склонности родные и друзья давно прозвали его Забиякой-Шансом.

К счастью, удача часто улыбалась ему.

Матиас не был готов к выпадку Маркрофта. В ответ он ухватил дорогой сюртук соперника за талию, мгновенно извернулся таким образом, что создалось впечатление, что они танцуют. Где-то на середине этого грациозного поворота Матиас ослабил хватку и отправил своего обозленного противника в ближайшую деревянную стойку. Все присутствующие в таверне вздрогнули, а стойка покачнулась, но устояла.

Лорд Маркрофт упал на колени, а потом повалился на бок. И даже не пытался сесть. Или вообще пошевелиться. Кто-то из присутствующих бросился к графу оценить серьезность

полученных травм.

Громила, который минуту назад помогал сдерживать Матиаса, угрожающе шагнул ему навстречу.

— Ты за все заплатишь.

Матиас оставался безучастным.

— Не волнуйся, побитая молью дворняжка. Я всегда плачу по счетам. Кроме того, сильно сомневаюсь, что от такой ласковой плюхи хоть один зуб твоего приятеля покинул его непробиваемый череп.

Собеседник Матиаса раздул щеки, как будто не выдохнул, а выпустил горячий пар. Лицо его пошло красными пятнами, он сжал кулаки, готовый сию же минуту отомстить за Маркрофта. Но тут его внимание привлекло какое-то негромкое шарканье, взгляд переместился с лица Матиаса на источник звука за спиной. Блондин остановился настолько резко, что его едва не занесло.

— Долго же вы ходили, — произнес Матиас, даже не потрудившись взглянуть на двух джентльменов по обе стороны от него. Появление его двоюродного брата лорда Кемпторна и их общего доброго друга лорда Бастрелла означало, что обмен любезностями с Маркрофтом подошел к концу. — Пока вас не было, я оказался беззащитен и в меньшинстве.

— Да уж, вижу, — брат ухватил Матиаса за подбородок, чтобы получше рассмотреть кровоподтек на щеке. Убедившись, что полученные травмы угрозы не представляют, он убрал руку и, прищурившись, посмотрел на человека, лежащего без сознания на полу. — Наказание ты мое! Это Маркрофт?

— Боюсь, что да, — ответил Матиас, пытаясь придать голосу хоть нотку раскаяния. — По-моему, он не слишком меня любит.

— Да уж, тут трудно спорить — определенно «не слишком», — согласился с этим утверждением Кристиан Лион, виконт Бастрелл. Все звали его Сент-Лион, видимо потому что многочисленные романы с дамами из высшего света без слов говорили, что для этого обаятельного джентльмена нет ничего святого. С каменным выражением на красивом лице он смотрел на лежащего Маркрофта. — И очень сомневаюсь, что эта встреча поможет рождению ваших добрых отношений. Между прочим, лошади уже готовы. Полагаю, нам пора.

— Разумное решение, — ответил Матиас. Он открыл свой кошелек и вытащил гинею. Обращаясь к джентльмену, который называл себя приятелем графа Маркрофта, Матиас сказал: — К сожалению, нам пора идти, не дожидаясь, пока твой друг придет в чувства, пусть и те немногие, что у него есть. Поэтому давай сведем счеты.

Небрежно щелкнув большим пальцем, он подбросил монетку вверх. Когда посетитель шагнул ближе, чтобы перехватить эту монету, Матиас справа кулаком стукнул его прямо в живот. Матиас поймал золотую гинею и хладнокровно наблюдал, как соперник со стоном согнулся.

Матиас спрятал монету в кармашек своего жилета.

— Это тебе за то, что заламывал мне руки, — я вижу, ты уже научился у Маркрофта нечестным приемам. Думаю, на досуге тебе наверняка захочется еще раз оценить все преимущества дружбы с графом. Если нет, следующая наша встреча состоится на рассвете, на травянистой лужайке.

Матиас поднял голову и заметил изумленные лица своих спутников.

— По счетам уплачено. Может, уже пойдем?

Все молча наблюдали, как трое джентльменов направились к ожидающим их лошадям.

Матиас положил затянутую в перчатку руку на луку седла и пытался отдышаться, а его спутники грациозно запрыгивали на коней. Плечи Матиаса ломило из-за того, что ему грубо заламывали назад руки, а мышцы живота, защищающие его внутренности, болели от жестоких кулаков Маркрофта. Матиас размышлял о том, сможет ли он взобраться на коня без посторонней помощи.

— Сильно досталось? — приглушенным голосом поинтересовался его двоюродный брат.

— Со мной все в порядке, Торн, — заверил Матиас, обращаясь к кузену по прозвищу. И все же даже не сделал попытки запрыгнуть на коня.

Сент-Лиона, казалось, не убедили слова приятеля.

— Стоит минут на десять оставить тебя одного, как тебе удастся найти человека, который готов стереть усмешку с твоего лица. Что, черт побери, произошло? Судя по всему, Маркрофт не только изукрасил тебе лицо.

— Ну, ты же сам знаешь, что за человек Маркрофт. Зачем наносить один удар, если можно нанести несколько... Хватит меня опекать, со мной все будет в порядке. — Матиас поморщился, вставив ногу в стремя. Затем, охнув, быстро перебросил ногу через круп лошади и уселся в седло.

— Почему ты не послал за нами слугу? — гневно вопрошал Торн, рассердившись на своего двоюродного брата.

Слава богу, что его брат-близнец, Гидеон, был сейчас за границей. Вместе братья были угрозой для любого противника. Но когда дело касалось членов семьи Брант, помощь была не нужна.

— И спугнуть Маркрофта? — фыркнул Матиас. — Я рассчитывал, что он наверняка воспользуется численным преимуществом.

Глаза виконта понимающе блеснули, когда он искоса взглянул на Матиаса.

— Значит, именно поэтому ты отослал из таверны нас обоих? — произнес Сент-Лион, недоверчиво покачивая головой. — Надеюсь, нашлась весомая причина, чтобы позволить графу оттачивать мастерство на твоём лице?

Матиас коснулся припухшей щеки и поморщился.

— Ты хочешь меня обидеть. Только не забывай — это не я остался без сознания на грязном полу таверны.

— Черт побери! — пробормотал Торн. — Ты спровоцировал его, заставил напасть на себя, чтобы потом избить? — По голосу кузена было слышно, что его изумила подобная стратегия.

Матиас в ответ пожал плечами.

— Я же не утверждал, что действовал разумно. Кроме того, я уже не в первый раз теряю голову, когда вижу Маркрофта. Как же я его презираю!

— В этом вы с ним похожи! — сухо заметил Сент-Лион.

— Я тоже этого мерзавца не жалую, но было бы лучше, если бы ты избегал встреч с ним.

Родители, герцог и герцогиня Блекберн, уже множество раз повторяли ему то же самое. Между родителями Матиаса и родителями Маркрофта, маркизом и маркизой Норгрейв, задолго до его рождения случилась какая-то неприятная история. И несмотря на то что он не знал всех подробностей, Бранты были его врагами.

— Отличный совет, но практически невыполнимый. Маркрофт был для меня занозой в заднице с самого детства. И с годами его характер лучше не стал.

Матиас с Маркрофтом обменивались как физическими, так и словесными ударами с самой первой своей встречи. И никто не верил, что что-либо в их будущих встречах сможет поменяться к лучшему. Только шпага или пуля в сердце графа могла остановить докучливого джентльмена от вмешательства в дела Матиаса.

— Если уж мы вспомнили о скверном характере Маркрофта... Наверное, нам стоит уехать, пока он не очнулся, — заметил Торн, кивая в сторону таверны. — Твой отец и так расстроится, когда узнает, что на тебя напал один из Брантов. Да еще рядом с домом.

Матиас крепче вцепился в поводья.

— Сколько раз повторять? Никто на меня не нападал. И, по-моему, победителем из стычки вышел я. — Он вздохнул. — Позволь мне самому поведать эту историю, договорились? — Он пришпорил коня.

Сент-Лион расхохотался за спиной у приятеля.

— Думаю, их обмануть не удастся, друг мой. Как ты намерен объяснить родителям побитое лицо?

Виртуозную брань Матиаса заглушил громкий хохот его приятелей. Лошади скакали во весь опор, и расстояние между маркизом и его врагом все увеличивалось.

Через несколько часов после примечательной встречи в таверне Матиас подходил ко входной двери, подходил в одиночку. Сент-Лион и его кузен задержались в конюшне, давая маркизу возможность оправдаться перед родителями. Молодой человек раздумывал, как объяснить родителям, почему он явился домой в столь поздний час. Мало того что он явился на несколько дней позже, он к тому же на три часа опоздал к завтраку. С тех пор как Матиас достиг зрелости — двадцати двух лет — он считал, что обязанность представлять перед родительскими очами в образе блудного сына оскорбляет его достоинство. Впрочем, если все пойдет по намеченному плану, ему сегодня придется это делать в последний раз.

— Доброе утро, Макки, — от души приветствовал он дворецкого, передавая ему свою шляпу и перчатки. Этот человек стал служить его отцу, герцогу Блекберну, задолго до того, как тот женился на леди Имоджин Сантер. Верный слуга мог бы уже давно, причем с благословения его родителей, получать щедрую пенсию, однако считал своим долгом присматривать за семейством Рук. Подобная преданность делала его почти членом семьи.

— Как всегда, лорд Фейрлэм, — ответил Макки, как будто в приветствии Матиаса звучал вопрос. — И если не ходить вокруг да около — глядя на вас, этого не скажешь!

Матиас засмеялся, притворяясь, что подобное мягкое порицание относится к его опозданию.

— Как всегда.

Его матушка любила подтрунивать над отцом, уверяя, что тот должен винить самого себя за то, что произвел на свет свою точную копию. И любое сравнение с отцом было для Матиаса высшей наградой. Он заработал свое прозвище «Шанс» еще до того, как научился говорить. Много позднее его уже не такие невинные забавы за карточным столом и другие безрассудные поступки и проказы вместе с приятелями привели к тому, что Шансом его стали называть уже не только члены семьи.

— Надеюсь, наш повар не против накормить еще парочку ртов? — поинтересовался Матиас, намеренно пряча синяк на лице от пронизательного взора дворецкого. — Со мной приехали Торн и Сент-Лион. Мы планируем вместе вернуться в Лондон.

— Я немедленно распоряжусь, чтобы им приготовили комнаты, — сказал дворецкий, многозначительно глядя на Матиаса, когда тот стал бочком обходить старика слугу. — Как долго лорд Кемпторн и лорд Бастрелл планируют у нас гостить?

У Матиаса были свои причины побыстрее вернуться в Лондон, но он не имел ни малейшего желания делиться сведениями с Макки. Маркиз мог бы отправиться сразу в Лондон, однако уже целый месяц не видел родителей. Матиас очень соскучился по своей красавице матери и чрезмерно опекающему его отцу. Они даже повздорили на эту тему, когда он отправлялся в одно из семейных поместий на севере, и сейчас Матиас сожалел о том, что они так холодно расстались. К тому же были еще младшие братья и сестры: Бенджамин, которому уже исполнилось двадцать и который коже ощущал на себе бдительное отцовское око, Онор, которой исполнилось семнадцать — и она не могла дожидаться, когда же ее представят ко двору. Пятнадцатилетняя Мерси, которая не проявляла желания знакомиться с высшим светом Лондона, застенчивый двенадцатилетний Фредерик, который предпочитал общество животных и книг обществу людей. И малышка Констанция, которой было всего семь, — младшая дочь в семье Рук. Он даже не подозревал, насколько

сильно он по ним соскучился.

— Мы еще не решили. Может быть, останутся на пару дней, может, на неделю.

Макки невозмутимо кивнул, ничуть не смутившись неопределенным ответом Матиаса.

— Очень хорошо. Ваша матушка сокрушается, что вас все чаще не бывает дома. Она обрадуется, что вы с друзьями погостите у нее.

— Если родители не передумали, я обязательно увижусь с ними в Лондоне, — заметил Матиас, преисполненный чувства вины, которое зародилось в душе и сжимало сердце.

— Ваши родители планов не меняли. Однако у каждого свои предпочтения — развлечения молодого человека не всегда совпадают с развлечениями его семьи.

— Откуда ты...

— Кто, по-вашему, приглядывал за вашим батюшкой, когда он потерял родителей? Он был еще моложе вас, когда унаследовал свой титул, поэтому я предполагаю, что ему лучше многих известно, насколько юный джентльмен жаждет свободы.

Интересно, а его отец обращался к старику Макки за советом после отъезда сына? Задел ли его отъезд отца за живое? Мучимый сомнениями, Матиас отвлекся и Опустил голову.

А Макки только этого и ждал. Молодой человек поморщился, когда дворецкий крепко ухватил его за подбородок и развернул лицо так, чтобы получше рассмотреть синяки.

— Вы подрались! — спокойно заметил дворецкий. — Вы повздорили с кузеном? Лордом Бастреллом?

— Нет! — Матиас мотнул головой, высвобождаясь из рук дворецкого, и отошел подальше. — Я даже не дрался. В таверне произошел неприятный инцидент.

— С кем? Отец обязательно захочет узнать.

Именно этого разговора он намеревался избежать любой ценой. Если он упомянет фамилию Брант в присутствии родителей, последствия могут быть непредсказуемыми. Когда дело касалось маркиза Норгрейва, разум отца сразу переставал ему служить. Матиас отлично это понимал. Что-то в поведении сына маркиза провоцировало его на жестокость. Наверное, неприязнь у него в крови, передалась от отца сыну.

— Ни с кем. Нарвался на кулак одного хулигана. В таверне было слишком много людей. Такое происходит сплошь и рядом, — ответил он, не обращая внимания на недоверчивое лицо старого слуги. — Я буду благодарен, если ты не скажешь об этом родителям.

Макки усмехнулся.

— Полагаете, вы сможете это утаить?

Матиас подошел к большому прямоугольному зеркалу, висящему на стене, и взгляделся в свое отражение. Потрогал небольшую припухлость на щеке. Поморщился. За минувшие несколько часов синяки потемнели. И, несмотря на то что Торну и Сент-

Лиону было отлично известно о вражде между семьями Рук и Брант, он все же напомнил приятелям, чтобы те не упоминали имя Маркрофта в присутствии его отца. Если повезет, ему удастся придумать разумное объяснение, которое удовлетворит его обеспокоенную семью.

— Кровоподтеки не так заметны, — солгал он, но дворецкий за спиной только фыркнул.

— Скажу-ка повару, чтобы приготовил припарку — посмотрим, можно ли снять отек. — Макки повернулся в сторону кухни. — Прежде чем подняться к себе в спальню, загляните в библиотеку, поздоровайтесь с родителями, как примерный сын.

Матиас нахмурился. Он не был готов к встрече с родителями и не знал, как объяснить

появление синяков у себя на лице.

— А как же примочки?

— Милорд, не ждите от примочек чудес. И от матушки не спрячетесь. Ступайте к родителям. Я прослежу за тем, чтобы ваши друзья хорошо устроились в своих комнатах.

— От тебя пользы чуть, Макки, — пробормотал он.

— А вы слышали, что я упомянул фамилию Брант? — Хитрый старый слуга кивнул, когда Матиаса передернуло. — Я тоже так подумал. Ступайте! И ступайте не спеша, чтобы у вас было время придумать историю поубедительнее, чем лепет о том, что вы нарвались на кулак незнакомца.

Несмотря на то что у дворецкого были причины подтрунивать над маркизом, гордость Матиаса была так же уязвлена, как и его щека. К тому же он воспользовался советом старика и с пользой употребил те минуты, которые ему понадобились, чтобы дойти до библиотеки. К сожалению, идти по только что отполированному мраморному полу, выложенному мозаикой, было не так далеко. Когда он оказался у входа в библиотеку, то заметил, что кто-то не потрудился закрыть двустворчатые двери. Через широкую щель открывался неплохой, хотя и ограниченный обзор. Матиас уже потянулся к блестящим латунным дверным ручкам, но замер, заслышав голос отца. Сколько раз в детстве он стоял у этих дверей, а его сердце переполняли страх и раскаяние из-за какого-то мелкого проступка? Даже не перечесать! Оглядываясь назад, он признавал, что отец всегда поступал справедливо, хотя, когда был малышом, он воспринимал наказания иначе. Выходит, с тех пор изменилось немного, если звук отцовского голоса разбудил в нем те детские чувства, которые, как он полагал, уже давным-давно остались в прошлом.

Мрачные мысли тут же рассеялись — маркиз услышал негромкий, с хрипотцой женский смех. Это мама. Имоджин Рук, герцогиня Блекберн. Уже сам звук ее голоса заставлял напряженные плечи расслабиться. Дочь герцога, она обладала врожденной грацией и умением держаться в свете. Эти качества прекрасно дополняли силу и высокомерие его отца. Если кто и способен был удерживать мужчин от того, чтобы они перегрызли друг другу глотки, соперничая в мелочах, то это его мать.

Матиас подался вперед, чтобы заглянуть в щелку между створками двери и практически мгновенно заметил, что его опоздание не слишком занимает мысли герцога и герцогини. Отец обошел письменный стол с намерением отобрать какую-то безделушку, которую прятала в руке мама. Через приоткрытые двери Матиас заметил, насколько герцог был поглощен женщиной, которая откровенно кокетничала, делая вид, что хочет ускользнуть от него. Сам Матиас прекрасно видел, что его отец просто играет со своей добычей. Любой, кто был знаком с герцогом Блекберном, знал, что он совершенно без ума от герцогини. Матиас и его младшие братья и сестры с первых дней жизни наблюдали, как их родители играют в эту игру. В конце герцог всегда ловил свою леди.

Возможно, со стороны Матиаса невежливо было подглядывать, но от него не укрылось, что мать только самую малость сопротивлялась ухаживаниям мужа. Дважды обогнув стол и один раз мягкий диван, отец наконец поймал свою герцогиню за бедра.

— А теперь ты готова поступить разумно? — спросил герцог Блекберн, прижимая к себе жену.

— Нет, не готова! — ответила герцогиня, не разжимая кулачка за спиной. Она поцеловала мужа в подбородок, чтобы отвлечь его и выскользнуть из крепких объятий.

Ей это удалось, и она, смеясь, побежала к столу. Изумленный Матиас покачал головой, когда отец бросился следом. Семья Рук имела достойную репутацию в свете. Но, очевидно, все понятия о приличиях были сегодня забыты. Никто бы ни за что не догадался, что его отец в следующем году отметит пятидесятилетие. Особенно когда герцог ведет себя как томящийся от любви юнец.

Матиас оглянулся в сторону прихожей, откуда донесся звук открываемой двери и голоса Торна и Сент-Лиона — джентльмены приветствовали Макки. Довольно скоро приятели начнут его разыскивать, поэтому Матиасу необходимо покончить с неприятным разговором с родителями.

Матиас ухватился за обе дверные ручки, распахнул двери, чтобы войти в библиотеку. Сделал два шага и застыл. Пока он отвлекся на голоса приятелей, его отцу удалось поставить герцогиню в очень компрометирующую позу. Его изящную мать распластали на столе; обычно аккуратная прическа растрепалась, потому что отец крепко обхватил ее затылок, чтобы запечатлеть на губах страстный поцелуй.

У Матиаса уже было пятеро младших братьев и сестер, и ему совершенно не хотелось стать свидетелем зачатия шестого. Из уважения к матери Матиас потупил взгляд и предусмотрительно кашлянул в кулак.

Он поднял голову, когда мама негромко ахнула. Герцогине пришлось откидывать голову назад, чтобы удостовериться, что в дверях стоит ее первенец.

— Матиас! — Герцогиня Блекберн попыталась оттолкнуть мужа, но ее суета лишь позабавила герцога. — Дай мне встать, негодник! — велела она, виновато глядя на сына. — А мы тебя не ждали.

Герцог озорно улыбнулся сыну.

— Для беспокойства, любимая, нет причин, — пробормотал он, галантно помогая жене встать со стола. Он игриво потянул ее за лиф платья. — Уже не в первый раз наши дети застают нас за поцелуями. И не в последний, надеюсь.

— Неужели ты не можешь хоть слегка изобразить раскаяние, когда наше поведение шокирует детей? — прошептала сконфуженная мать, взяла со стола упавшую шпильку и закрепила выбившуюся прядь белокурых волос. Герцогиня шагнула к сыну, он пошел матери навстречу.

— Как хорошо, что ты снова дома! — сказала она, обнимая Матиаса. Он опустил голову, мать поцеловала его в щеку. Все еще занятая своими чувствами, герцогиня сразу не обратила внимания на кровоподтек у него на щеке. Но когда кончиками пальцев коснулась опухшего лица сына, тут же прищурилась: — Боже правый! Что ты с собой сделал?

— Если бы это сделал я, было бы не так больно, — заметил Матиас, встретившись с удивленным отцовским взглядом. — Не волнуйтесь, матушка. Уже почти ничего не заметно. — Он в отчаянии смотрел на отца, молча умоляя его прийти на помощь. — Я прекрасно понимаю, что опоздал, да и время, чтобы все же появиться, я выбрал неудачное. Примите мои искренние извинения. Оба.

— Что за вздор! — возразила мама, отходя в сторону, чтобы сын мог должным образом поздороваться с отцом. — Я очень хочу знать, что произошло...

— Имоджин, дай парню дух перевести. Извинения принимаются, — вкрадчиво произнес герцог, пожимая руку сыну. Герцог подмигнул, когда положил вторую руку Матиасу на плечо и коротко обнял сына. — Однако время ты действительно выбрал исключительно неудачное... еще пара минут, и мы бы с твоей мамой...

— Ваша светлость, еще одно слово — и будете ночевать на конюшне! — предостерегла мама, заливаясь краской от подтрунивания мужа. Она коснулась руки Матиаса — она была мастерица сменить тему разговора. — Сынок... ты приехал один... или привез с собой друзей?

— Мы приехали с Торном и Сент-Лионом, — ответил он. — Обещаю, мы недолго будем вам докучать.

Мама наморщила носик и отмахнулась от сыновних обещаний.

— Оставайтесь столько, сколько заходите. Но мы уже готовимся к поездке в Лондон. Если хотите, вы с друзьями можете отправиться туда вместе с нами.

— Дорогая, я очень сомневаюсь, что Шанс, Торн и Сент-Лион захотят обременять себя нашим семейством. — Герцог многозначительно взглянул на сына. — Насколько я понимаю, как только мы обсудим вопрос с поместьем, вы незамедлительно отправитесь в Лондон.

Матиас так и хотел сделать, но промолчал, заметив разочарование на мамином лице.

— Мы планируем погостить недельку, а потом вернемся в Лондон.

— Вернетесь? — вежливо переспросила она.

Взгляд отца посуровел от оговорки сына. Матиас поморщился и мимоходом почесал затылок.

— Мы... Я ненадолго останавливался в Лондоне перед тем, как вернуться домой.

— И дела были настолько важными, что не могли подождать? — поинтересовалась герцогиня, сбитая с толку решением сына. — Там ты и нашел неприятности, так тебя разукрасившие?

Неприятности? Матиас нахмурился. Ах да, его лицо. Он не собирался упоминать имени Маркрофта. Никогда.

— Нет, не в Лондоне. Это случилось в таверне «Черный козел»... да это неважно. Небольшое недоразумение.

— О да, я вижу!

К сожалению, всем своим поведением он показывал, что матери все же удалось спутать его мысли, и он не мог, как ни пытался, придумать правдоподобное объяснение своим синякам. Он поцеловал мать в щеку.

— Не стоит тревожиться. Это не стоящий внимания инцидент. Случается сплошь и рядом. — И заметив ужас на ее лице, исправился: — Нет-нет, не сплошь и рядом. Забудь все, что я сказал, — вздохнул Матиас.

Отец засмеялся.

— Имоджин, ты смущаешь парня. От пары синяков еще никто не умирал. — И чтобы не обидеть ее мягким укором, он обнял жену. — Я уверен, что у Шанса в городе были неотложные дела. Я прав?

— Да, — кивнул Матиас, испытывая благодарность к отцу за помощь. — Ничего важного, но у меня появилась возможность обследовать помещения и нанять прислугу.

— Очень мило, но в этом не было нужды... еще месяц назад твой отец написал адвокату и сообщил о нашем приезде, — объяснила герцогиня.

— Прости меня, но я имел в виду другой дом. — Он взглянул на отца. — Чтобы не снимать номера, я решил открыть старый дом твоей матери. — В комнате возникло едва уловимое напряжение, от которого у Матиаса сразу же зачесалась шея. — В прошлом году ты предлагал мне поселиться там, отец. Неужели передумал?

Герцог Блекберн покачал головой. Шагнул вперед, ловко оттесняя сына к двери, уводя подальше от герцогини.

— Нет, конечно, не передумал. Дом твой, ты волен распоряжаться им, как пожелаешь.

Матиас бросил настороженный взгляд на молчащую маму.

— Меня там ждут Сент-Лион с Торном. Давайте обсудим дела за ужином?

— Мы можем о поместье и завтра поговорить, — легко согласился герцог. — Тебе, наверное, пора к друзьям.

Отец не оставлял ему ни малейшего шанса. Дверь закрылась у него прямо перед носом — он даже не сумел попрощаться с матерью. Матиас глубоко вздохнул, медленно выдохнул. С самой сложной частью визита было покончено. Улыбнувшись, Матиас отправился искать приятелей.

А тем временем оставшийся в библиотеке герцог Блекберн отвернулся от двери и вновь подошел к жене.

— Сильно сердишься? — негромко поинтересовался он.

От напрямую заданного вопроса рассеянный взгляд Имоджин прояснился, она вздернула вверх подбородок.

— А с чего бы мне сердиться?

— Из-за того, что я предложил Матиасу распоряжаться домом, не посоветовавшись с тобой. Я бы раньше тебе рассказал... — Остаток извинений он проглотил, когда жена резко подняла вверх руку, призывая герцога молчать.

Она отвернулась, обхватила себя за талию, чтобы успокоиться, — этот жест задел герцога за живое.

— Мне следовало давно сжечь этот дом дотла.

Заслышав отчаяние в голосе мужа, Имоджин взглянула на него. Герцогиня села на диван. Скрестив руки на груди, она пальцами поглаживала предплечья.

— Ты двадцать четыре года назад уже мне это предлагал. Если помнишь, я тебе ответила отказом.

Тристан подошел к дивану, опустился перед женой на колени.

— Ты обиделась.

Она покачала головой, но глаза наполнились непрошеными слезами.

— Это просто дом. Всего лишь дом.

Обезоруженный герцог не знал, кого Имоджин пытается убедить.

— Я могу забрать свое предложение назад. Могу сказать ему, что уже сдал дом.

На лице герцогини появилась кривая улыбка.

— Ты очень редко сдаешь этот дом. Кроме того, он уже его осмотрел. Матиас сразу поймет, что ты его обманываешь, и станет задавать вопросы.

— У парня будут иные заботы, если он решится послушаться, — мрачно пообещал он. Герцог злился на самого себя. Несмотря на все ее заверения, ему следовало понимать: сама мысль о том, что кто-то из их детей поселится в этом злосчастном особняке, наверняка ее расстроит. — Прости меня.

Он зарылся лицом в ее юбки и вздохнул, находя успокоение в ее запахе. Тристан от прикосновения жены закрыл глаза.

— Мне не за что тебя прощать, любимый. Мы уже обсуждали это много лет назад, когда

стало очевидно, что Матиас стремится к независимости. Он все меньше времени проводит с нами, поэтому я понимаю... — Она задрожала.

Тристан поднял голову с ее колен, обхватил ладони.

— Это всего лишь дом. Неужели если мы оставим его пустовать годами, то сможем изменить прошлое?

В душе герцога бурлила застарелая ненависть.

— Нет. И тем не менее... никогда не поздно сжечь этот дом дотла.

С губ герцогини слетел то ли негромкий смех, то ли всхлип.

— Я тебе верю. Но мои чувства неизменны. Тот особняк перешел тебе по наследству от матери, и теперь ты отдаешь его нашему сыну. Кроме того, сжигать недвижимость только потому, что меня напугало сообщение Матиаса — слишком дорогое удовольствие.

Тристан обхватил ладонями лицо жены.

— Ты не просто испугалась, дорогая.

Имоджин не стала отрицать очевидное.

— Мы не можем, как в детстве, следить за каждым его шагом. Я боюсь, что... кто-то... сможет ему рассказать.

— Имоджин, это было двадцать четыре года назад. Нет причин ворошить прошлое.

Тристан усадил жену себе на колени, она не сопротивлялась, когда он усаживался поудобнее. Имоджин прижалась к мужу теснее, зарывшись лицом ему в шею. Оба молчали, но герцог мысленно возвращался к тому дому, который унаследовал от матери. Старый особняк был роскошным подарком из времен его бурной молодости и источником болезненных воспоминаний. Двадцать четыре года назад ему захотелось стереть с лица земли это проклятое место. Однажды вечером, в приступе пьяного гнева, он поджег старую спальню своей матери, и все восточное крыло пострадало от огня. Имоджин не спросила тогда, что им двигало. Именно по ее настоянию крыло восстановили. До сего дня его жена никогда не возвращалась в тот дом. Да и Тристан тоже избегал посещать особняк.

Наверное, у него помутился рассудок, когда он предложил Матиасу использовать особняк по собственному усмотрению.

Тристан еще крепче обнял жену. Он очень хотел, чтобы Имоджин поступила с этим особняком, как ей заблагорассудится, но если ее настолько расстраивает сложившаяся ситуация — он намерен ее исправить. Матиас может пожить в другом месте.

Мысли герцога привычно омрачились, когда в памяти всплыло еще одно имя. Ему показалось, что повеяло затхлостью из комнаты, которая годами была заперта на замок. Этот человек был виновен в бедах Имоджин больше, чем сам особняк. И из-за воспоминаний Тристан злился сильнее, чем хотел показать жене: ведь это было напоминанием о том, что один раз он уже подставил ее под удар. Больше никогда. Только не ее. Только не свою семью. Если этот человек посмеет только приблизиться к Матиасу или кому-то из членов семьи — ублюдку не сносить головы.

Леди Темпест Элизабет Брант казалось, что день сегодня прекрасна как никогда. На небе ни облачка, воздух ароматен и свеж, благодаря легкому ветерку жара совсем не чувствуется. Стоя с альбомом для эскизов под мышкой, девушка оглядывала окрестности. Ее брат Оливер принес для нее стул и мольберт, чтобы она могла продолжать работать над пейзажем, эскизы которого набросала еще вчера. Однако она усидела за работой только час. Девушка решила прогуляться, чтобы размять затекшие ноги.

Ее младшие сестры, конечно, тут же заметили это. Арабелла оторвала взгляд от книги, которую держала в руках, прищурилась — прямо в глаза ей ударило солнце. В свои девятнадцать она превратилась в настоящую красавицу. Белокурые волосы и карие глаза делали все более заметным для всех ее сходство с матерью. Рядом с ней была десятилетняя Августа. Самая юная из семьи Брант лежала на животе, рассматривая то ли муравьишку, то ли другое насекомое, которое привлекло ее внимание. Рядом в кресле сидела их наставница, миссис Шиэн. Ее, тридцатидвухлетнюю вдову, наняли полгода назад, чтобы сопровождать девиц Брант.

— И куда это вы собрались, леди Темпест? — поинтересовалась миссис Шиэн, даже не отрываясь от шитья.

— Я тут недалеко, — ответила та, похлопав по альбому. — Подумала, что похожу вокруг, присмотрю интересные места для набросков.

Августа улыбнулась сестре.

— Ты будешь снимать туфли и чулки, чтобы перейти вброд реку?

— Нет, разумеется, — ответила Темпест, прекрасно понимая, что именно так бы и поступила Августа, случись ей остаться без присмотра. Маленькая речушка была чрезвычайно живописной, но слишком мелкой даже для небольших шлюпок. — У меня нет желания остаток дня ходить с грязью, засохшей между пальцами.

Это благовоспитанное высказывание лишь насмешило Августу.

— Хочешь, составлю тебе компанию? — спросила Августа. — Я позже дочитаю.

Темпест покачала головой.

— Не нужно. Честно признаться, я ищу причину размять ноги.

— Ты до сих пор злишься на Оливера за то, что он оставил нас одних? — спросила Августа.

— Я совсем на него не злюсь.

На самом деле Темпест немного рассердил поступок брата. Несколько дней он ходил угрюмым и готов был наброситься на любого, кто решится с ним заговорить. Никто не понимал, в чем причина, но лоб Оливера украшал ужасный кровоподтек. Опять этот несносный с кем-то подрался — ничего нового. Несмотря на то что чаще всего он вел себя достаточно сдержанно, нрав у брата был взрывной.

И не только у него. Похоже, Оливер снова повздорил с их отцом, маркизом Норгрейвом. Брат отказался объяснять, что случилось, но когда маркиз велел сыну сопровождать сестер, Оливер воспринял отцовский приказ как наказание. Вероятно, всему виной была драка. И Темпест решила, что подробности уже значения не имеют. Оливер сопровождал их к реке. Как только они расположились на берегу, он отвязал одну из лошадей и сообщил, что через пару часов вернется.

Таким образом он, с одной стороны, исполнил отцовскую волю, а с другой стороны — ослушался его.

Оливер знал, что сестры ни слова отцу не скажут, а миссис Шиэн была настолько очарована молодым графом, что никогда бы его не предала. Поскольку сам Оливер не пояснил, куда направляется, Темпест предположила, что он отправился на поиски своих приятелей или к одной из местных дам, с которой сейчас делит ложе.

Темпест не должна была даже догадываться о подобных вещах, но ей уже исполнилось двадцать два, и она была старшей из дочерей маркиза и маркизы Норгрейв. Поистине удивительно, сколько может узнать леди, если будет внимательной.

— Кроме того, Оливер нас не бросал. Он обязательно вернется.

— Конечно, вернется, — пробормотала миссис Шиэн, мельком оценивающе взглянув на Темпест. — Вы ничего не забыли, леди?

Темпест нахмурилась. У нее был с собой альбом для эскизов и карандаш.

— По-моему, нет.

Наставница постучала пальцем по виску.

— Ваша шляпка, дорогая. Вам никогда не захмутать изысканного лондонского джентльмена, если все ваше лицо будет в веснушках.

Темпест вернулась к креслу и взяла соломенную шляпку.

Августа засмеялась.

— А по-моему, моя сестрица недостаточно проворна, чтобы кого-то захмутать.

— А может быть, я просто не хочу никого хомутать, — отмахнулась Темпест.

Сама того не сознавая, младшая сестра повторила слова, сказанные их отцом. Дело не в том, что Арабелла уже стала достаточно взрослой, чтобы предстать перед лондонским светом, о нет. Просто отец поддразнивал свою старшую дочь, утверждая, что ее шансы снижаются вдвое, поскольку многие джентльмены предпочитают юных красавиц прямо от маминой юбки. Маркиз не хотел показаться жестоким, но его слова задели Темпест за живое. Арабелла была моложе и красивее.

— Тихо ты, — предостерегла Арабелла, щипая младшую сестричку за ногу.

Августа возмущенно запищала.

— Миссис Шиэн, моя сестра щиплется!

Рыжеволосая дуэнья засмеялась.

— Прямо сейчас?

— Прекрати дразнить Темпест, — полушепотом велела Арабелла. — Если твоей сестре приглянется какой-нибудь джентльмен, она сможет захмутать его даже с веснушками на лице.

Услышав этот «тонкий» намек, Темпест скорчила рожицу и надела шляпку, но завязывать длинные ленты не стала. Она пошла прочь от ссорящихся сестер и миссис Шиэн. Чем дальше она уходила, тем заметнее стихали их голоса.

Она шагала по высокой траве, следуя вдоль узкой тропинки, которая, извиваясь, привела к кромке воды, а потом резко свернула вверх по холму. Наконец, девушка подошла к большому плоскому валуну. Немного устав и запыхавшись, она опустилась на камень и положила рядом с собой альбом для эскизов и ридикюль. Затем сняла шляпку и стала обмахивать ею лицо. Высокая трава, волнующаяся на весеннем ветру, отлично скрывала ее от посторонних глаз. Ее можно было бы заметить только с парусной шлюпки, проплывающей по реке.

Темпест взглянула на туфли. Немного грязные, но можно отчистить. Она подумала об Августе и ее предложении побродить босиком по мелководью.

«Может, стоило согласиться?»

Их матушка, Шарлотта Брант, маркиза Норгрейв, никогда бы не одобрила такого поведения, поведения, совершенно недостойного леди. Темпест пару минут спокойно сидела на валуне, размышляя над тем, насколько она рискует быть пойманной. Шансы практически равнялись нулю. Девушка усмехнулась, сняла туфли. Подняла юбку и нижние юбки до самих подвязок и развязала их. Наконец, оставшись с босыми ногами, Темпест, придерживая юбки, осторожно подошла к кромке реки. Водичка все еще была прохладной, но ощущения дарила совершенно удивительные.

Темпест закрыла глаза и повернула лицо к солнцу, наслаждаясь контрастом от теплых лучей на лице и прохлады воды. Как замечательно себя чувствуешь, бросая вызов условностям! Отец возлагал такие надежды на старшую дочь, но пока ей удалось вызвать в его душе только разочарование. В минувшем сезоне отец уже решил было, что нашел для нее подходящего джентльмена. Все недостатки внешности лорд Райнхарт с лихвой компенсировал титулом и богатством. Этот брак принес бы маркизу определенные политические дивиденды, и Темпест не возражала против отцовских планов.

Возникла одна-единственная проблема.

Джентльмен влюбился в другую даму и успел с ней обвенчаться до того, как маркиз Норгрейв смог вмешаться.

И естественно, отец во всем обвинил дочь.

Темпест мысленно закатила глаза. У нее оказались слишком темные волосы, а джентльмен предпочел светловолосую. И слишком острый язычок — а какой джентльмен захочет иметь жену, которая умнее его самого? Потом отец попенял на ее рост. Она была ровно на семь с половиной сантиметров выше, чем предполагаемый муж, и отец упрекал ее за выбор туфель. Смешные упреки, но она придерживала язык. Нет смысла спорить с отцом, когда у него и так тяжело на сердце. Маркиз предложил ей в следующий раз горбиться, если она встретит джентльмена ниже себя ростом. После минувшего сезона Темпест уже сомневалась, что может еще сильнее разочаровать отца.

Она мгновенно распахнула глаза, заслышав удивленный возглас. Машинально она попятилась от воды. Раздался мужской смех. Это над ней смеются? Нет, какая глупость. Если она никого не видит, то и об ее присутствии никто не догадывается. Она поглубже спряталась в заросли травы, осознав, что стоит на пяточке суши, который выдавался в реку — теперь противоположный берег не просматривался. Темпест, так тихо, как только могла, перешла на другую сторону этого пятачка. Девушка морщилась от попадающих время от времени острых камешков и веточек, которые царапали и кололи ей ноги. Она руками развела в стороны заросли высокой травы, но то, что мельком увидела, заставило ее упасть на колени и затаиться.

На противоположном берегу реки смеялись трое обнаженных мужчин.

— Вода ледяная, тупица! — пожаловался своим приятелям темноволосый джентльмен, опустившись по шею в воду.

Второй джентльмен, с темно-русыми волосами и голым торсом, сидел у кромки воды и снимал сапоги и чулки.

— Больше никогда не заключаю пари!

Третий стоял между двумя приятелями. На нем были только кожаные бриджи, и он

медленно заходил поглубже в реку.

— Брось жаловаться, Торн. Шанс, присоединяйся к нам. Водичка придает сил.

— По-твоему, отморозить все хозяйство — называется «придать сил»?! — закричал в ответ тот, кого звали Торн, после чего его приятели вновь залились смехом.

Темпест ничуть не смутил их непристойный разговор. Она слышала выражения и похлеще, когда мужчины не подозревали, что она подслушивает. Из своего укрытия она смогла разглядеть, что все трое молоды и крепки телом. И румянец на лице девушки не имел никакого отношения к солнцу.

— Черт возьми, Шанс, ты даже смелее меня, — сказал брюнет, подходя ближе к проигравшему пари.

До Темпест не сразу дошел смысл его слов, пока она не заметила, что тот, кто сидел на берегу, снимает бриджи. Он обернулся, снимая одежду, и представил на ее обозрение свой зад. Она поспешно прикрыла рот ладонью, чтобы заглушить сорвавшийся с губ возглас удивления, и отвела взгляд от джентльменов.

Сердце получило очередной удар, когда Темпест заметила стоящую у нее за спиной Арабеллу.

— Святые небеса, ты меня напугала. Что ты здесь делаешь? — сердито шептала Темпест.

— Решила, что тебе не помешает компания, — ответила Арабелла. Прищурившись, она смотрела на грязные босые ноги зардевшейся сестры. — Чем ты занимаешься? И почему мы говорим шепотом?

— Тебе лучше не знать, — ответила Темпест. «И мне было бы лучше. Как ей объяснить, что я только что наблюдала за тремя полуобнаженными джентльменами?» Хуже того, Арабелла могла все рассказать миссис Шиэн. Или их матери. — Нам пора.

— Нет, — возразила сестра. Арабелла подошла ближе и нагнулась так, чтобы их головы находились на одном уровне. — Нет, пока я не увижу, куда ты смотришь. На редкую птичку? — У нее округлились глаза, когда она вглядывалась сквозь высокую траву. С ее губ сорвался звук, похожий на икоту. Она зажала ладонью рот и пристально взглянула на Темпест.

Однако сама Темпест смотрела не на младшую сестру. Несмотря на естественное укрытие, она с ужасом заметила, что их обнаружили. Все три джентльмена устали в ее сторону, на их лицах была различная степень удивления и негодования, когда они осознали, что они здесь не одни. Мужчина по имени Шанс мгновенно прикрыл руками гениталии.

— Эй, вы там! Выходите! — потребовал брюнет. Он встал, выставя на обозрение свой торс.

— Бог мой, он собирается переплыть на эту сторону! — Темпест вскочила на ноги и подтолкнула вперед сестру. — Поторопись, пока нас не поймали!

Слава богу, Арабелла была послушной девочкой, и обе сестры попятились назад. У вала Темпест сунула ноги в туфли, подхватила чулки. Сестра торопливо подняла ее альбом для эскизов и карандаши.

— Беги по тропинке, Арабелла, — велела она, оглядываясь назад и подталкивая вперед сестру.

— Думаешь, они бегут за нами?

Бедняжка Арабелла испугалась. Темпест пыталась подобрать слова, чтобы успокоить сестричку.

— Сильно сомневаюсь, что в такой высокой траве они смогли разглядеть что-то, лишь одежду мельком, и с их стороны довольно необдуманно преследовать нас без одежды и босиком. К тому времени, как они оденутся и оседлают лошадей, мы успеем убежать. Если повезет, они решат, что здесь резвилась парочка ребятишек.

— А если они случайно наткнутся на нашу компанию? Что ты станешь говорить миссис Шиэн? — допытывалась сестра, запыхавшись от их поспешного отступления. — О нет... что мы скажем Оливеру?

— Не будь трусихой! — отрезала Темпест. — Если кто-то начнет расспрашивать, придумаем что-нибудь.

— Но...

Темпест стиснула зубы.

— Ты сама хочешь объяснять это досадное недоразумение нашему отцу?

— Нет, — ответила сестра, замедляя шаг, когда только представила, какое их может ждать наказание за подобное скандальное поведение. — Если об этом узнает отец, он может не разрешить нам поехать с ним и с мамой в Лондон.

Трогательное предположение. Темпест покачала головой.

— Он никогда ничего не узнает, если ты будешь держать язык за зубами. Предоставь мне со всеми объясняться. — И подумав, добавила: — Если вообще потребуются объяснения. — Темпест резко замолчала и прислушалась. Через минуту она спросила: — Ты слышала что-нибудь?

Арабелла прислушалась.

— Нет. А ты?

Она не слышала звуков погони трех полуобнаженных джентльменов, пробирающихся за ними сквозь высокую траву.

— Ничего. Я же говорила тебе: никто не будет гнаться за нами. Ты пока отдышись, а я надену чулки. Миссис Шиэн станет задавать вопросы, если заметит мои босые ноги.

Ее сестра вздохнула.

— И не только она. Ты не хочешь объяснить мне, почему я застала тебя за тем, как ты подглядывала за тремя джентльменами?

Темпест засмеялась. В голосе Арабеллы слышалось упрямство, но Темпест не могла придать голосу чувства вины, потому что у самой девушки бешено колотилось сердце.

— Чем, по-твоему, я занималась? Наш батюшка возлагает на меня в этом сезоне большие надежды, поэтому я решила попытаться найти себе супруга. Не знаю, как ты, но, по-моему, все прошло гладко. — Она сердито взглянула на сестру, продолжая натягивать чулки. — Есть еще глупые вопросы? Нет? Отлично!

Остаток пути до их импровизированного лагеря они проделали в молчании.

— Парочка девиц? — Торн застегивал пуговицы на ширинке бриджей. — Уверен? Сент-Лион засмеялся и покачал головой.

— Я заметил темноволосую женщину, — уже в третий раз пробормотал Матиас. Он натянул рубашку через голову. — Она с кем-то разговаривала. Я плохо разглядел, но, на мой взгляд, вторым мог быть мужчина.

— Возможно, любовное свидание? — предположил Сент-Лион.

Матиас пристально вглядывался в противоположный берег реки, пытаясь разглядеть, нет ли признаков того, что их невольные соглядатаи вернулись, но приятели были совершенно одни.

Сомневаюсь. Мы ведь переплыли на тот берег и обыскали местность. Трава жесткая, земля неровная и грязь повсюду. Нет, за нами кто-то наблюдал.

И он намеревался узнать зачем. Из-за стычки с Маркрофтом и реакции родителей на его сообщение о том, что он намерен поселиться отдельно от семьи, вот уже несколько дней он оставался вспыльчивым и раздражительным. Хотя его родители с энтузиазмом рассуждали о том, что он поселится в бабушкином доме, обсуждали свои планы касательно Лондона, но что-то, казалось, не дает ему покоя. Матиас не мог объяснить своим друзьям причины своего беспокойства, но доверял своим инстинктам.

Он чувствовал: родители что-то от него скрывают.

— Ты полагаешь, к этому приложил руку Маркрофт?

Матиас мимоходом оттер засохшую на сапоге грязь.

Возможно, — он поморщился. — Хотя это маловероятно. Не могу себе представить, что он будет красться в высокой траве, чтобы взглянуть на наши задницы.

Торн засмеялся.

— И что теперь? Поскачем дальше, посмотрим, сможем ли догнать наших маленьких проказников или поедем домой?

— До вечера еще далеко. Не вижу причин, почему бы нам не насладиться погодой, — ответил он, но его приятелей трудно было провести беспечным тоном.

Ему очень хотелось догнать маленьких шпионов.

К огромному облегчению Темпест и Арабеллы, девушки без приключений вернулись в лагерь. Миссис Шиэн оторвалась от шитья ровно настолько, чтобы оценить, что девушки живы и здоровы, а потом вновь опустила взгляд и продолжила шить. Августа заснула на одеяле.

Отовсюду так и веяло покоем. Если бы не мокрый подол юбки и полосы грязи на ней, Темпест почти поверила бы, что все произошедшее — лишь дурной сон.

— Никому ни слова, — прошептала она Арабелле, прежде чем сесть в кресло, которое поставили прямо перед мольбертом. Ее сестра погрузилась в чтение, готовая забыть весь инцидент.

Темпест открыла альбом на чистой странице, достала карандаш, который тут же скатился с коленей на землю. Девушку била дрожь, поэтому она не могла сосредоточиться на пейзаже, и только рассеянно делала наброски, пытаясь не считать минуты.

Через четверть часа сердце девушки забилось ровнее. Трое мужчин позволили им

сбежать. Не будет никаких неловких встреч. Все происшедшее — просто досадная случайность. Темпест не подозревала о присутствии троицы, пока не услышала их смех. Разумеется, с ее стороны было безнравственно следить за ними. Она была уверена: никто бы ничего не заметил, если бы сестра ее не напугала.

Прошло не меньше часа, прежде чем ее плечи окончательно расслабились. Опасность миновала, и девушка мысленно воздавала хвалу небесам. Взгляд опустился на сделанный карандашом набросок, над которым она работала. Сцена на берегу реки включала три мужских фигуры. Их позы выглядели достаточно целомудренными, но даже по грубым наброскам было понятно, что мужчины без одежды. Губы Темпест расплылись в полуулыбке. Самое разумное с ее стороны — сжечь рисунок по возвращении домой.

Скрип кожи и приветственное ржание лошади знаменовало возвращение ее брата. Темпест встала, чтобы приветствовать Оливера, но слова застряли в горле. К ним приближалось трое всадников. С первого же взгляда было понятно, что все трое красавцы, но каждый по-своему, как подумалось Темпест, когда они направили коней от реки прямо к девушке. И сами кони, и дорогие седла лишь подчеркивали ту самоуверенность, которая была заметна даже издали. К ним приближались благородные господа, и это принесло облегчение, поскольку сейчас они с сестрами оказались без своего защитника, Оливера. Тем не менее она ощутила, как внутри растет ужас. Ранее, случайно наткнувшись на троицу полуголых джентльменов на берегу реки, она даже как следует не рассмотрела их лиц. Мокрые кожаные штаны на двоих всадниках из троицы служили отличным доказательством того, что сейчас она встретится лицом к лицу именно с теми тремя джентльменами, встречи с которыми так надеялась избежать.

— Добрый день, дамы. — Блондин, в котором она узнала того, кто как раз снял бриджи, приподнял шляпу в знак приветствия. В его чистых серых глазах не было ни злости, ни подозрения, он разглядывал незнакомку так же пристально, как и она его. Белокурые волосы под шляпой были чуть светлее на висках и на затылке. Правильные черты и решительный подбородок подчеркивали его силу и уверенность. Если бы не подбородок, его лицо могло бы показаться слишком мягким, почти женственным. Взгляд Темпест не задержался на синяке на его лице. Она была слишком хорошо знакома с непредсказуемыми мужчинами и их желанием решать большинство проблем кулаками. К тому же синяки свидетельствовали о том, что мужчина напротив не боится испортить свое красивое лицо, отстаивая свои убеждения. Глупо было бы недооценивать этого джентльмена.

Темпест решительно захлопнула альбом.

— Добрый день, господа, — радушно приветствовала миссис Шиэн. — Прекрасный день для прогулок верхом, не так ли?

— Да, мадам, — ответил брюнет. Он был немного стройнее своего приятеля, но невозмутимое, почти скучающее выражение лица намекало на то, что его мало чем можно удивить. Взглядом своих темно-зеленых глаз он внимательно осматривал выбранное ими место. — Похоже, вы, дамы, выбрали прекрасное место для отдыха.

— В самом деле. — Шелест ткани, и их дуэнья отложила свое шитье. Миссис Шиэн встала с кресла и подошла к трем джентльменам. Она встала перед Темпест. — Вы издалека?

— Скакали несколько часов, — туманно ответил блондин. Темпест предположила, что именно он лидер среди этой троицы, поскольку оставшиеся двое не вмешивались в разговор. Его взгляд постоянно возвращался к Темпест, и это сбивало с толку. — Вы, дамы, одни?

И, не давая миссис Шиэн возможности ответить, Темпест встала.

— Нас сопровождает мой брат.

Три пары мужских бровей взлетели вверх — они посчитали, что сказанное — явная ложь.

— Конечно, в настоящий момент он отсутствует, — поспешно поправились она. — Он взял одну из лошадей, поехал осматривать окрестности. Возможно, немного поохотится. Мы ожидаем его возвращения с минуты на минуту.

Таким образом она давала им понять, что они не настолько уязвимы, как кажется. Как средство защиты у миссис Шиэн был маленький пистолет, который она прятала в корзинке с шитьем. Однако он ей мало в чем мог помочь, поскольку корзинку она оставила рядом с креслом.

Блондин продолжал разглядывать Темпест, как будто мог узнать правду по выражению ее лица. Она намеренно оставалась безучастной. Даже если он и подозревал, что именно она шпионила за ними, когда они купались в реке, доказательств у него не было.

Миссис Шиэн подошла ближе. Дерзко положила руку на гриву лошади блондина. Погладила животное.

— Господа, вы не желаете представиться?

Бог всемилостивый, Темпест узнала эти характерные нотки. Неужели их дуэнья действительно флиртует с этими незнакомцами? Темпест оглянулась на Арабеллу, та в ответ лишь пожала плечами.

Блондин посмотрел на приятелей, и вся троица понимающе усмехнулась. Откашлявшись, он произнес:

— Можете называть меня Шанс, мадам.

Темпест даже не было нужды смотреть на лицо миссис Шиэн, чтобы понять: дуэнья улыбается, как влюбленная дурочка.

— Шанс... — вздохнула вдова. — Какое восхитительное имя. А кто ваши спутники?

— Меня зовут Сент-Лион, мадам, — представился брюнет справа от Шанса, приподнимая шляпу. И взгляд его темно-синих глаз, и его обаятельная улыбка казались искренними.

— Я — Торн, — ответил темноволосый джентльмен с темнозелеными глазами. Он выглядел менее дружелюбным, чем остальные двое.

— Не сочтете за дерзость, если я спрошу, как вас зовут, милая леди? — жадно поинтересовался Шанс.

— Миссис Шиэн. — И, пресекая любое недопонимание, она добавила: — С недавнего времени вдова.

— Уже как лет восемь, — под нос себе пробормотала Темпест, чем заслужила укоризненный взгляд наставницы.

Торн откашлялся в кулак. Неужели он над ней смеется?

Когда миссис Шиэн вновь перевела взгляд на Шанса, к ней тут же вернулось хорошее настроение.

— А кажется, что совсем недавно. Хороших людей всегда не хватает.

Темпест все не могла взять в толк, почему ее так раздражают заигрывания их наставницы с этими тремя джентльменами. Ее абсолютно не касалось то, с кем флиртует эта женщина, но все-таки пошлое жеманство миссис Шиэн несколько смущало.

По необъяснимой причине Шанс вновь перевел взгляд на нее.

— А вы, дамы, уже осматривали окрестности?

— Нет! — выпалила Арабелла.

— Немного, — поправила Темпест, оглядываясь на сестру. Арабелла совершенно не умела обманывать. — Однако далеко не ходили, поскольку это одно из моих самых любимых местечек на реке.

Они с миссис Шиэн осторожно попятились, когда Шанс спешил. Остальные двое спутников последовали его примеру. Сент-Лион взял лошадь Шанса под уздцы.

— Вы позволите?

Темпест была настолько взволнована его присутствием, что кивнула. Он был крупнее, чем сначала ей показалось. Его внушительная фигура маячила у мольберта, когда он повернулся посмотреть на выставленный там пейзаж, над которым она как раз работала до судьбоносной встречи с этими джентльменами.

Он посмотрел на девушку.

— Это вы написали?

Язык подводил ее, поэтому она в знак согласия кивнула.

Шанс перевел взгляд на незаконченную картину.

— У вас отличное чувство пространство и цвета. Моя младшая сестра неплохо делает простые наброски, но акварель ей никогда не давалась.

Польщенная его комплиментом, она произнесла:

— Благодарю, мистер Шанс.

Торн с Сент-Лионом засмеялись. Она взглянула на них, недоумевая: неужели она неправильно расслышала его имя?

— Просто Шанс, миледи, — поправил он, награждая ее быстрой улыбкой, от которой у нее бешено заколотилось сердце.

— Вы кто? — спросила Августа заспанным голосом. Она села и с любопытством рассматривала троих джентльменов. — Вы друзья нашего брата?

— А кто твой брат, малышка? — поинтересовался Торн, его лицо заметно смягчилось, когда он разговаривал с ее младшей сестрой.

— Ох, где же мои манеры! — воскликнула миссис Шиэн. — Джентльмены, позвольте представить мне своих юных подопечных: леди Темпест, леди Арабеллу и леди Августу.

Они были далеко-далеко от бального зала, но подобное представление вынуждало Темпест с Арабеллой сделать реверанс. Августа зевнула.

Леность Августы не ускользнула от зоркого взгляда дуэньи.

— Представьтесь, девушка. Не заставляйте ваших сестер краснеть. — И в доказательство серьезности своих слов миссис Шиэн подошла к младшей из Брант и помогла ей встать. — Наши гости Шанс, Торн и Сент-Лион. А что вы должны сказать?

— Добрый день, джентльмены, — угрюмо произнесла Августа. Она сделала реверанс, джентльмены в ответ уважительно поклонились.

— Не хотите ли выпить стаканчик сидра? — предложила младшая из сестер.

Темпест решила, что Августа предлагает выпить сидр, потому что сама хочет пить после продолжительного сна.

— Отличная мысль! — Дуэнья с энтузиазмом хлопнула в ладоши. — В экипаже есть кувшин и чистые стаканы. Желаете сидра, господа?

— Вы радушные хозяйки, дамы. Должен признаться, что во рту у меня немного пересохло. Я бы не против пропустить стаканчик. — Торн бросил свои поводья Сент-Лиону,

который совершенно серьезно взял на себя роль конюшего. Потом Торн подошел к Августе и протянул руку. — Миледи, окажите любезность проводить меня к экипажу.

Сестра радостно захихикала от внимания, оказанного со стороны джентльмена. Хотел он того или нет, но у него появился новый друг. Августа положила свою ладошку на руку мужчины, и они последовали за миссис Шиэн к экипажу.

— Я бы тоже не отказался от стаканчика, — заявил Сент-Лион, ни к кому конкретно не обращаясь. Когда же он заметил, что Шанс не сводит глаз с Темпест, понял, что говорит сам с собою. — Леди Арабелла, возможно, вы мне поможете. Не могли бы вы показать мне место, где можно привязать лошадей?

Арабелла бросила на сестру настороженный взгляд. Ей не хотелось оставлять сестру одну, но она не могла придумать веского предлога остаться.

— Да, конечно. Если понадобится, сестрица, ты только позови.

Ощущая неловкость от пристального интереса Шанса, Темпест смотрела вслед удаляющимся Арабелле и Сент-Лиону. За собой они вели трех лошадей.

— Ваша сестра, похоже, не хотела оставлять нас наедине. Интересно, почему? — прошептал он ей на ухо.

Темпест вздрогнула от его неожиданной близости. Она открыла было рот, чтобы попенять ему за дерзость, но то, что она увидела у него в руке, заставило ее проглотить обиду.

В руках у Шанса была ее соломенная шляпка.

Он должен был бы злиться на нее: леди Темпест и, вероятно, ее сестра следили за ним с приятелями, но его развеселило мрачное выражение ее лица, когда она заметила у него в руках свою шляпку. Когда он прятал ее под полый жилета, то понятия не имел, что когда-либо найдет ее владелицу.

Матиас никак не ожидал, что «шпионка» окажется такой красавицей. Волосы цвета насыщенного кофе, идеально гладкая, как шелк, кожа, огромные карие глаза и полные розовые губы. Обычно его привлекала более яркая внешность, но сейчас Матиас не мог отрицать, что он заинтригован.

Леди Темпест смотрела на шляпку, как на гадюку.

— Где вы ее обнаружили?

Щеки и нос залил неестественно розовый румянец. Возможно, виной тому было слишком жаркое солнце, ведь девушка лишилась своей соломенной шляпки, хотя, скорее, щеки окрасило осознание того, что ее поймали на горячем.

Но не одна леди Темпест чувствовала неловкость. Матиас смутился, осознавая, что беззастенчиво раздевался прямо перед ней и она прекрасно разглядела его тело.

Он покраснел от одной этой мысли.

— Я обнаружил этот очаровательный предмет туалета возле большого валуна рядом с тем местом, где мы с друзьями решили поплавать. — Он протянул мятую шляпку, и Темпест вырвала ее у джентльмена из рук, как будто от его прикосновений шляпка стала заразной. — Поскольку эта милая шляпка принадлежит вам, мне остается сделать один-единственный вывод: это именно вы прятались в зарослях травы на противоположном берегу реки. Возможно, вместе с сестрой?

Леди Темпест нервно схватилась за длинную косу и потянула ее вперед. Темная блестящая лента в косе словно манила ее погладить. Однако, когда он протянул руку, чтобы

почувствовать, насколько тяжела ее коса, девушка ударила его по пальцам. Он раздраженно поджал губы.

— В траве невозможно полностью скрыть ваши темные волосы. Поэтому не стоит трудиться и все отрицать. И что же вам удалось разглядеть?

Матиас предпочитал невысоких женщин с округлыми формами. Долговязые, неуклюжие барышни часто казались ему странными созданиями, которым неуютно в собственном теле, но леди Темпест нельзя было назвать нескладной или слишком высокой. Она была всего сантиметров на десять ниже него, а у него был замечательный рост — сто восемьдесят сантиметров. Девушка держалась вполне уверенно, пока он не продемонстрировал ее собственную потерянную шляпку. Какое облегчение, что ему не приходилось напрягать шею, чтобы разглядеть реакцию на его вопрос. Она отводила глаза, пряча душевную муку, и это наводило его на мысль: что бы она сейчас ни придумала — это, скорее всего, будет откровенная ложь.

— Мне вы можете сказать правду, — заверил он ее, понизив голос, пытаясь успокоить. — Если вы беспокоитесь из-за миссис Шиэн...

— Ничего я не беспокоюсь!

Ее негодование рассмешило Матиаса. Нельзя было не восхищаться силой ее духа.

— Я могу быть добрым, если вы будете честны со мной. Ваша дуэнья даже не узнает, что вы были очень непослушной девочкой, — поддразнил Матиас.

В карих глазах зажглась бессильная ярость.

— На что вы намекаете? Что я намеренно следила за вами и вашими друзьями? Да что вы о себе возомнили?!

Матиас нахмурился, но его лицо разгладилось, когда он вспомнил, что стало причиной ее гнева

— Увидели что-то интересное, да? Держу пари, до сего дня вы никогда не видели обнаженного мужчину, не говоря уже о трех сразу.

— Вы мерзкий, заносчивый выскочка! Я вас спрашиваю: какой джентльмен станет стягивать с себя бриджи на людях, не заботясь о том, что кто-то может проходить мимо? — спросила она, потрясая перед ним смятой шляпкой.

— Я не более заносчив, чем леди, которая прячется в траве и подглядывает за тремя обнаженными мужчинами. Вы тут же отвернулись, не в силах сдержать отвращения? Или позвали сестру, чтобы вместе наблюдать за этим зрелищем?

Темпест округлила глаза.

— Все было совсем не так! — сказала она, ее глаза блестели от ярости и стыда. — Я думала, что я одна, когда сидела на валуне. Скинула туфли, чтобы побродить по берегу речки. А потом услышала смех.

Матиас не хотел обижать ее, но у леди Темпест был вид человека, который из всех сил сдерживает слезы.

— Вам стало любопытно, — произнес он, пытаясь как-то смягчить свою оплошность.

Она медленно выдохнула.

— Сперва мной двигало простое любопытство: кто это смеется. Я не имела ни малейшего желания вмешиваться, а поскольку я была одна, мне показалось более благоразумным не выдавать своего присутствия. Я стала пробираться сквозь высокую траву, и только тут заметила, что вы с приятелями были... — Она взмахнула рукой, поскольку не хотела упоминать об их наготе.

— Но вы остались?

— Нет! — Боясь, что их разговор могут подслушать, она оглянулась на стоящий вдалеке экипаж. Убедившись, что никто на них не обращает внимания, она продолжала: — Я уже повернулась, чтобы уйти, но меня испугала сестра. Я не ожидала, что она пойдет за мной следом. Арабелла захотела узнать, что вызвало мой интерес... Решила, что я обнаружила редкую птичку.

Матиас откинул голову назад и засмеялся. Две невинные девицы действительно столкнулись с удивительной редкостью.

— И, разумеется, вы пытались ее остановить.

— Естественно. Однако Арабелла настаивала... остальное можете додумать. Я растерялась и велела сестре бежать, когда вы нас окликнули. Всю обратную дорогу до лагеря я молилась, чтобы вы не бросились за нами в погоню.

Вот в этом он ничуть не сомневался.

— Прошу прощения, что испортил ваше блистательное бегство.

— Мы с Арабеллой почти все время бежали. И когда вы не сразу нас обнаружили, я решила, что нам удалось спастись.

Итак, он ошибался, думая, что их соглядатаи преследовали какие-то гнусные цели.

— Так и случилось бы, если бы я не нашел вашу соломенную шляпку.

На ее лице отразилось недоверие.

— Вы искали нас из-за шляпки?

Матиас не стал бы утверждать, что мотивы, которые двигали им и его друзьями, были столь бескорыстными. Ведь, например, крепкая деревенская девица вполне могла бы утешить его уязвленную гордость.

— Отчасти. Признаюсь, что мне было интересно найти владелицу.

Леди Темпест вздохнула.

— Наверное, я должна извиниться перед вами и вашими приятелями...

— Достаточно уже того, что вас мучают угрызения совести. Я сам все объясню Торну и Сент-Лиону.

Его благородство, кажется, вернуло ей хорошее настроение.

— Премного вам благодарна, сэр. Если об этом узнает миссис Шиэн, она решит, что ее обязанностью будет все рассказать брату, а ему это смешным не покажется. Я-то знаю своего брата. Он найдет повод, чтобы обвинить в моем промахе вас и ваших приятелей.

— Этот джентльмен, похоже, очаровательный малый, — сухоотреагировал Матиас. — Наверное, я знаю его.

Леди Темпест элегантно пожала плечами.

— Он никогда не упоминал такого имени «Шанс», но Оливер вообще не считает обязательным делиться подробностями своей личной жизни с младшими сестрами.

— Оливер?

— Оливер Брант, граф Маркрофт. — Темпест в этот момент отвернулась и не заметила смятения в глазах собеседника. Когда она вновь взглянула на Матиаса, его лицо уже ничего не выражало. — Вы знакомы с моим братом?

Он не мог поверить в собственное невезение. Леди Темпест оказалась одной из сестер Брант. И он не мог себе представить, что ей доставит удовольствие узнать, что он один из семейства Руков.

— Не думаю.

Она склонила голову набок, пристально разглядывая его лицо.

— Не хочу показаться грубой, но не смогла не заметить синяков на вашем лице.

Матиас фыркнул.

— Неужели? Как мило с вашей стороны напомнить мне о них.

«Особенно если вспомнить, что их оставил кулак твоего братца».

Леди Темпест поджала губы.

— У моего брата тоже все лицо в синяках.

Он уже заметил, что у этой дамочки острый ум. К тому же и то, что она связывала его со своим подлым братцем — ничуть не радовало.

— Синяки настолько же распространенное явление, как и родинки, миледи.

Она не обратила внимания на его пренебрежительный тон.

— Вы уверены, что незнакомы с моим братом? Он не хочет об этом говорить, но совершенно очевидно, что он с кем-то подрался. Вы так же получили свой роскошный синяк на щеке. Подрались?

По спине Матиаса пробежал холодок. Леди Темпест упоминала, что ее брат скоро вернется. Сам Матиас не имел ни малейшего желания ждать появления Маркрофта или любого другого члена семьи Брант.

— С вашим братом я незнаком, миледи. И знакомства не ищу. А теперь прошу прощения, но нам с друзьями еще домой возвращаться. — Матиас поклонился и зашагал прочь от ошеломленной девушки.

Он бы меньше удивился, если бы это леди ударила его по лицу. Маркрофт — ее брат. Маркиз — Норгрейв ее отец. Матиас был настолько зол, что ему хотелось вернуться и потрясти ее за то, что она состоит в родстве с врагом его отца. Его врагом. Леди Темпест — его враг.

Господи, лучше бы он никогда ее не встречал!

Матиас дождался, когда они отъедут на несколько километров, прежде чем сообщить своим приятелям, что леди Темпест одна из печально известного семейства Брант.

— Да брось, Шанс. Это розыгрыш. Эта красотка не может быть одной из Норгрейвов. Я отказываюсь в это верить, — заявил Торн, решив, что Матиас насмехается над ними.

— Поверь, братишка. Леди Темпест упомянула, что у ее брата, графа Маркрофта, такие же синяки, как у меня. — Стиснув зубы, он припомнил их разговор. — Она не стала меня спрашивать прямо, но явно она задавалась вопросом, не я ли в ответе за синяки ее бедного брата.

— Так и есть, — поддакнул Сент-Лион слишком радостно для такого случая.

— Довольно неожиданно, — заметил Торн, до сих пор не уверенный в том, что Матиас говорит правду. — Каковы шансы встретить здесь кого-то из этой милой семейки?

— Намного больше, чем можно представить, учитывая, что мы двадцать минут провели с тремя девицами Брант, — пробормотал Матиас.

— И тем не менее у отпрысков Норгрейва хорошие манеры и ни намека на клыки или хвост, — заметил Сент-Лион, не в силах удержаться от того, чтобы не уколоть Матиаса пресловутой взаимной враждой между семьями Рук и Брант. — Исключая, разумеется, Маркрофта.

— Разумеется, — эхом откликнулся Матиас с намеком на издевку.

Он расстроился, узнав, что леди Темпест с сестрами — из рода Брант. За всю жизнь он слышал, что маркиз Норгрейв наплодил много детей, как в законном браке, так и на стороне. Он искоса взглянул на Сент-Лиона. Ходили слухи, что мать его друга когда-то была одной из бесчисленных любовниц маркиза. В свете даже поговаривали, что Норгрейв был отцом наследника ее мужа. Сам граф и графиня усердно опровергали подобные слухи, когда они время от времени возникали. Однако нельзя было отрицать, что Сент-Лиона легко можно было бы принять за одного из далеких родственников Маркрофта. Если эти слухи и имели какое-то основание, Сент-Лион предпочитал не обращать на это внимание.

Торн направил лошадь ближе к лошади приятеля, чтобы ему не приходилось кричать.

— Думаешь, дамы расскажут о нас Маркрофту?

— Вероятно. Хотя леди Темпест, похоже, боится, что ее брат узнает, что ее поймали на том, что она подглядывала за полуобнаженными мужчинами, — сказал Матиас, вспоминая, как девушка пыталась во время разговора скрыть свой страх. — Бранты могли всю окрестность наводнить своими отпрысками, но женщины этого рода, похоже, не унаследовали их низменные наклонности.

— Какая жалость! — С губ Сент-Лиона слетел преувеличенный вздох. — Если бы я знал, кто за нами наблюдает, я, возможно, тоже бы снял штаны. Ты явно произвел неизгладимое впечатление на леди Темпест.

— Неужели? — Виконт шутил.

— Ничего подобного. Девица даже не взглянула на меня, как только поняла, кто мы.

Матиас видел, что инцидент у реки смутил леди Темпест. Подобное поведение не пристало леди. Узнав ее фамилию, Матиас предположил, что она искусная лгунья, но ее неловкость и угрызения совести казались искренними. Пока она не сообщила имя брата, Матиас собирался проявить великодушие и простить девицу.

Фамилию своей семьи...

Господи, как все запуталось!

— Эта дама точно знала, кто мы, когда нас увидела, — засмеялся Сент-Лион. — Чему удивляться? Она разглядела нас с головы до ног. Единственное, чего она не знала — что ты один из тех ужасных, наследник семейства Рук.

Матиас поджал губы, пытаясь не рассмеяться.

— Мы, род Рук, ничуть не ужасны.

— Держу пари, что Бранты утверждают то же самое.

— Они ошибаются. Честность и Брант — несовместимые вещи, — заявил он, мысленно отгоняя от себя образ простодушной леди Темпест.

— Вынужден не согласиться, — признался Торн. — Леди Арабелла и леди Августа довольно милые и приветливые девушки. Из солидарности с вами никто из нашей семьи не общался с лордом и леди Норгрейв, но с их дочерьми я не ссорился.

Матиас едва не захлебнулся собственной слюной.

— Если ты ценишь нашу дружбу, молю: не признавайся моему отцу в возникшей привязанности к девицам Брант. Я бы не хотел драться с собственным двоюродным братом.

Виконт заерзал в седле.

— Твой отец не настолько жесток.

— Нет, именно настолько, — одновременно произнесли Матиас с Торном. И маркиз добавил: — Отец никогда не скрывал своей ненависти к маркизу. За это время его негодование распространилось на всю семью недруга.

— Ты когда-либо интересовался причинами их вражды? — спросил Сент-Лион.

— И не раз. Отец отказывается об этом говорить, но, как я предполагаю, речь идет либо о каких-то долгах, либо о неуважении.

— Однажды я пытался расспросить матушку, — признался Сент-Лион. — Никто не хочет говорить об этом, даже слухов не ходит. И тем не менее поговаривают, что твой отец и Норгрейв — оба ухаживали за твоей матерью.

Отец после свадьбы заказал мамин портрет. Новоиспеченной герцогине Блекберн было девятнадцать, и она вскоре родила своего первенца, хотя художник деликатно скрыл все признаки беременности. Матиас не сомневался, что красота и великодушие герцогини пленили сердце не одного джентльмена. Вполне вероятно, что маркиз Норгрейв тоже не устоял перед красавицей.

— Об этом я догадался еще в детстве. Наверное, обидно и горько было, когда мама предпочла маркизу моего отца.

— Тогда и зародилась эта вражда. Представить себе не могу, что бы мог драться с кем-то из вас из-за женщины, — признался Торн.

— Ия тоже, — поддакнул Сент-Лион. — Все девицы одинаковые.

— Мой отец с тобой бы поспорил, — Матиас почесал опухшую щеку. — По-моему, лучше если мы не будем упоминать о том, что познакомились с дочерьми Норгрейва.

— Согласен, хотя услуга за услугу, — поддразнил Торн.

Сент-Лион усмехнулся:

— Ив свой список я добавлю, что за тобой должок. — Улыбка померкла, как будто он вспомнил что-то неприятное. — А как ты поступишь, если Маркрофт узнает, что ты разговаривал с его сестрами, и решит с тобой поквитаться?

Матиаса совершенно не волновало, что сделает граф.

— Приму его вызов. Твой потрясающий вкус в выборе любовниц не дает мне покоя. Виконт нахмурился.

— Твои слова меня возмущают и обижают. Разве я виноват, что они часто забывают меня предупредить, что у них есть муж?..

— Я не боюсь Маркрофта, — продолжал Матиас, не обращая внимания на раздражение приятеля. — Ничего не попишешь, но когда-нибудь я всажу в него пулю.

— Эта мысль греет душу, — с кривой улыбкой произнес его кузен. — А как же леди Темпест?

— А что с леди Темпест? — Вопрос несколько сбил его с толку. Насколько он понимал, в этой странной ситуации ничего изменить нельзя.

— Ты хочешь сказать, что не понимаешь, что между вами пробежала искра?

— Какая искра, братишка?! — поспешно возразил он. — В отличие от тебя и нашего доброго друга, я не волочусь за каждой девицей, которая строит мне глазки.

— Какая наглая ложь! Но оставим этот спор, приятель. Помоги мне, Сент-Лион, — взмолился Торн. — Скажи, ты тоже это заметил.

— А как ты думаешь, почему я взялся привязывать лошадей? Эта милая леди не видела никого, кроме нашего Шанса. — Виконт покачал головой. — Как это ни прискорбно, но она, должно быть, заметила в тебе то, что ей понравилось.

— Вы оба ошибаетесь, — ответил Матиас, упрямо отказываясь признавать, что почувствовал что-то большее, нежели раздражение и любопытство. — Леди просто благодарна. Если бы мы рассказали о ее выходке миссис Шиэн, то вдова обязательно доложила бы ее брату. Бедняжке наверняка бы не поздоровилось...

— Черт побери, ты действительно веришь, что Маркрофт способен поднять руку на собственную сестру?

— Я не увидел в этом человеке ничего, что убедило бы меня в обратном, — Матиас не мог припомнить ни одной встречи с этим грубияном, которая обходилась бы без кулачного боя. — Если я хочу как можно больше насолить такому брату, следует приударить за девицей.

Торн и Сент-Лион не нашли, что ответить.

— Хватит разговоров о леди Темпест. Если судьба соблаговолит, мы больше никогда не встретимся. Через день мы уезжаем в Лондон. И я намерен все свое время посвятить более приятным ухаживаниям.

Торн откашлялся.

— Леди Арабелла поведала мне, что ее семья в этом сезоне тоже отправляется в Лондон.

Матиас едва сдержал ругательство.

— Лорд и леди Норгрейв каждый год приезжают в Лондон. Семьям Брант и Рук до сих пор удавалось избегать публичных стычек. И этот сезон не станет исключением.

— Проще было, когда речь шла только о Норгрейвах и Блекбернах. Теперь же ты с братом Бенджамином все больше времени проводишь в Лондоне. Сколько уже твоей сестре Онор?

— Семнадцать, — ответил он, чувствуя, куда ведет его кузен. — Тебе и самому прекрасно известно.

— Скоро ее представят обществу. И не забывай, в семье Брант есть Маркрофт, леди Темпест и леди Арабелла, — заметил Торн. — Чем больше членов семьи Рук и Брант

отправятся в Лондон, тем более вероятно, что случится не одна стычка.

— Помогите нам господа, когда все оставшиеся члены семьи Рук станут достаточно взрослыми, чтобы войти в приличное общество! — поддразнил Сент-Лион, надеясь снять напряжение между двоюродными братьями.

Матиас знал, что Торн прав. Он просто не хотел этого признавать.

— Будем надеяться, что у младших представителей семьи Брант хватит ума держаться от нас подальше.

Виконта, казалось, напугал резкий тон брата. Вражда между семьями Рук и Брант его не касалась, и на нее легко можно было не обращать внимания, поскольку он сам не питал никаких симпатий к наследнику Норгрейвов. Однако он не желал проявлять жестокость по отношению к невинным юным дамам.

— На Маркрофта уже можно махнуть рукой.

— Пусть граф катится к черту. Если он любит своих сестер, будет держать их подальше от меня и моей семьи, — мрачно сказал Матиас. Его сердце покрывалось коркой льда, пока образ леди Темпест бледнел в его памяти.

Он хранил верность герцогу и герцогине Блекберн. Никто не сможет его заставить предать свою семью.

Перед ужином Темпест покинула гостиную и отправилась прогуляться в саду. Весь день она провела в компании Арабеллы и Августы, и у нее не было настроения выслушивать сетования своей матери на то, что ждет Темпест, когда они отправятся в Лондон. Царившие в саду красота и тишина дарили покой. Мысленно она продолжала возвращаться к увиденному на берегу и к любопытной беседе с Шансом. Джентльмен оказался вполне дружелюбным, хотя и решил, что она сознательно подглядывала за ним и его друзьями. Даже флиртовал с ней, пока она не упомянула имени брата.

Шанс отрицал, что знаком с Оливером, но девушка подозревала, что он был с ней не совсем честен.

Или, скорее всего, всему виной синяк. Она предположила, что он подрался. Неужели она обидела его, указав на эти синяки?

— Боже мой, поверить не могу, что я осмелилась сказать о них!

— О ком это, ребенок? — поинтересовался Оливер, подходя к Темпест. Он переоделся в модный вечерний костюм. Однако даже его искусный портной не мог скрыть распутную натуру ее брата — штаны были слишком облегающими.

Интересно, он переоделся к ужину или планирует вечером уехать? Отец уехал из дома час назад.

— Я думала, что я слишком стара, чтобы ты называл меня ребенком, — сказала Темпест, протягивая руку. Она обрадовалась, когда он ухватился за нее.

Он притянул ее к себе и поцеловал в щеку.

— Не согласен. Ты явно еще не переросла все свои досадные привычки.

— Досадные, говоришь? — фыркнула она, делая вид, что сердится. — С этим замечанием я не согласна. Если ты продолжишь звать меня ребенком, не рекомендую делать это в присутствии Августы.

— Почему это? — Он держал сестру за руку, когда они прогуливались по усыпанной гравием тропинке.

— Все проявления нежности должны быть направлены только на нее. Ты заденешь ее

чувства, если она решит, что не достойна особого прозвища, — пояснила Темпест. — Ото всех этих разговоров о Лондоне Августа чувствует себя брошенной.

— Никто ее дома не оставит, — несколько раздраженно возразил Оливер.

Как признанный наследник маркиза Норгрейва, он всегда всюду ездил с родителями. Даже в детстве он часто сопровождал отца в поездках, в то время как его сестры оставались дома.

— Когда мы приедем в Лондон, Августу мало куда будут брать, — возразила она, жестом указывая на мраморную скамью. Он кивнул в знак согласия, они сошли с тропинки и присели на скамью. — Маме постоянно некогда из-за всех приготовлений, а папу мы вообще почти не видим.

— У него свои дела, — ответил Оливер и сам удивился своему объяснению. — Мы с отцом отправимся в Лондон на несколько дней раньше вас.

— Мне об этом прекрасно известно. Если у тебя будет минутка, зайди к Августе перед отъездом. Ничего не стоящий жест, но ей понравится ощущать себя нужной.

По этой же причине она весь день провела с младшей сестрой. И дело не в том, что ее сестра до встречи с Шансом и его приятелями не обращала внимания на отношение к себе старших. Августа так и засветилась от счастья, когда Торн обратил на нее внимание. Ее реакция напомнила Темпест о том, что старший брат постепенно исчезает из их жизни. А в Лондоне они будут встречаться еще меньше — Оливер настоял на том, что будет жить отдельно. А потом у него появится жена, и дом наполнится детьми.

Темпест негромко засмеялась от того, куда завели ее мысли. Откровенно говоря, она не думала, что ее брат женится так скоро.

Он был слишком молод и слишком походил на отца. Да, глава семьи Брант с этим спорить бы не стал.

Маркиз всегда много распространялся насчет женитьбы, особенно когда речь заходила о его наследнике. Отец несколько не примирился с тем неприятным фактом, что он женился на леди Шарлотте Винтер по принуждению. На этом браке настояла ее семья, когда узнала об интрижке своей дочери с маркизом и о том, что Шарлотта ждет ребенка. Иногда, когда их отец напивался, он с горечью повторял, что леди Шарлотта «захомутала его», и называл Оливера «плодом страсти».

А ее отец называл «плодом долга». Темпест допускала, что отец решил, что еще один мальчик должен защитить титул. После Арабеллы мать произвела на свет мальчика, но ребенок родился мертвым. За несколько следующих лет мама еще три раза беременела, но ни одна беременность не заканчивалась рождением ребенка. А потом родилась Августа. Если у отца и были прозвища для ее сестер, то он никогда не произносил их вслух.

— Не расскажешь, что тебя насмешило?

Темпест носком туфли поддела камешек.

— Так, праздные мысли. Я думала об отце.

— Он опять пеняет тебе за прошлый сезон? — мягко спросил Оливер. — Или делится ожиданиями на новый?

Его попытки деликатно обсудить эту тему свидетельствовали о том, что он прекрасно осведомлен обо всех подробностях. Она отвернулась, чтобы скрыть гримасу.

— Последнее время нет, но я уже почти вижу, как он вызывает меня в библиотеку на разговор перед своим отъездом в Лондон. А пока он возложил эту обязанность на маму.

Оливер был довольно широкоплеч, поэтому Темпест на скамье пришлось сидеть на

самом краю. Неудивительно, что, когда он любя толкнул ее локтем в бок, она едва не упала. Он со смехом подхватил сестру.

— Прими мои соболезнования, Пест.

Темпест улыбнулась, услышав свое старое прозвище.

— Ты уже сто лет не называл меня Пест.

— Помню-помню: последний раз, когда я так тебя назвал, ты укусила меня за руку чуть ниже локтя. Несколько месяцев не сходили следы от твоих острых зубов, — ответил он, рассеянно потирая место укуса.

— Сомневаюсь, что несколько месяцев, братец. Кроме того, ты тогда повел себя отвратительно. — Она ухватила за край скамьи, немного откинулась назад, пытаясь припомнить подробности. — Ой, а из-за чего же мы тогда повздорили? В те дни это казалось очень важным.

— Для двенадцатилетней девочки все кажется важным.

Оливер был старше сестры на полтора года, и такая небольшая разница в возрасте означало одно: он был и ее лучшим другом, и ее злейшим врагом. В детстве сверстники часто ссорятся из-за пустяков. Им удавалось так сильно оцарапать друг друга и набить столько синяков, что маме приходилось разводить их по комнатам, где они ждали отца, который и решал, как наказать каждого из них. И, как ни странно, именно общая судьба вновь сводила их вместе. Испуганные дети забывали о мелких обидах и объединялись против отца с матерью. Даже наказание сносить было легче, когда она знала, что страдает не в одиночку.

Темпест очень не хватало того мальчишки, который был ее лучшим другом и доверенным лицом. Но, когда Оливера отослали в школу, все изменилось.

Сестра искоса взглянула на брата.

— Ты почему дома? — спросила она, стараясь скрыть свои мысли. Оливеру было что-то нужно или он остался дома по приказанию матушки. — Ты мог бы весь день провести с нами, но решил развлечься с какой-то девицей из таверны.

— С чего ты взяла, что я развлекался с девицей из таверны? — любопытствовал Оливер, совершенно не обидевшись на такое обвинение.

— Увидела укус у тебя на шее.

Он против воли коснулся шеи. Оливер уже переоделся к ужину, и шейный платок полностью скрывал упомянутую отметину.

— Нет никакого укуса.

— Позволь не согласиться с тобой, дорогой граф Маркрофт, — улыбнулась она, упомянув его титул. — Когда ты запрягал лошадей в экипаж, ты ослабил шейный платок. Тогда-то я разглядела огромный укус.

— Может быть, то была царапина? — предположил он. Эта тема была ему явно неприятна.

— У твоей девки из таверны рот, как у рыбы. — Глаза Темпест озорно блестели. — Огромной рыбы.

Оливер потянулся к сестре, но та вскрикнула от притворного страха и вскочила со скамьи. Брат не успел ее поймать. Темпест подобрала юбки и бросилась по усыпанной гравием дорожке.

Девушка оглянулась: к ее ужасу, брат быстро ее нагонял. Она повернула направо и побежала по свежескошенной траве.

Оливер подхватил ее на руки и развернул к себе лицом.

— Тебя мало задушить, маленькая язва! — Он поставил ее на ноги, но продолжал удерживать за плечи, чтобы она не могла сбежать. — Тебе никто не говорил, что леди не пристало подмечать такие детали, как следы от укусов на шее братьев?

Она показала ему язык.

— Нет. Наверное, мама пропустила эту лекцию.

Оливера развеселило ее нежелание каяться.

— Что ж, тогда сделай мне одолжение и не рассказывай маме об укусе. Мне бы хотелось избежать ее обычных причитаний о том, что я вылитый отец.

Говорил он легко, как будто даже шутливо, но Темпест с удивлением заметила во взгляде брата отголосок застарелой боли. Но длилось это долю секунды, она и сказать ничего не успела.

Оливер щелкнул ее по носу.

— Если уж быть абсолютно честным, это была не девица из таверны. А доярка.

Темпест закатила глаза: для нее это было одно и то же. Молодость, привлекательность и титул Оливера заставляли охотиться на него половину девиц из их прихода. Как ни печально, но брату даже в голову не приходило отказываться от их предложений.

— Отлично. Я обещаю, — сказала она: ей было легко давать обещания, сейчас она чувствовала себя такой великодушной. — Ни словечка о твоей огромной рыбе.

Оливер засмеялся вместе с сестрой, но тут же посерьезнел, обхватил ее за плечи.

— Я очень хотел поговорить с тобой один на один. О том, что произошло, пока меня не было.

Темпест высвободилась из его хватки.

— Тебе миссис Шиэн наябедничала... — Она сделала пару шагов назад, когда Оливер двинулся на нее. — Конечно, она, кто же еще! И как же долго она ждала, прежде чем насплетничала вам с мамой?

Брат пристально посмотрел на сестру.

— Я решил, что миссис Шиэн лучше маме ничего не рассказывать о случившемся. Я заверил, что сам все решу.

— Великолепно! Значит, теперь ты решил, что имеешь право читать мне нотации? — воскликнула она, чувствуя себя обманутой дурочкой.

Брат стоял между ней и домом. Если она попытается проскользнуть мимо него и побежать к себе, ей не успеть.

— Никаких нотаций, Темпест. Я решил, что ты захочешь рассказать свою версию истории, — ответил он спокойно, ничуть не смутившись вспышкой гнева.

— А Августу с Арабеллой ты тоже спрашивал?

Оливер нахмурил лоб.

— А нужно было?

Темпест покачала головой. Она сомневалась, что Арабелла рассказала бы о том, что они видели на реке. Оливер был слишком спокоен — значит, понятия не имел о случайной встрече с Шансом и его друзьями.

— Нет. Оставь их в покое. Зачем пугать их, когда я стою здесь, прямо перед тобой.

— Я не пугаю, а всего лишь задаю вопросы. И пока ты ни на один не ответила.

Темпест вздохнула.

— Полагаю, миссис Шиэн сообщила тебе, что у нас днем были гости?

— Да, она упоминала трех джентльменов, которые скакали вдоль реки и повернули к вашему лагерю, когда заметили тебя и девочек. — Он задумчиво смотрел на нее, от чего Темпест становилось неуютно. — Ближе к делу. Почему ты мне ничего не сказала?

Темпест пожала плечами.

— Как-то вылетело из головы.

— Неужели? Серьезно? Совсем на тебя не похоже. — Легкая улыбка смягчила его резко очерченный рот. — На тебя, девушку, которая может цитировать целые страницы из любимых книг.

Она прикусила нижнюю губу, размышляя над тем, чего ей будет стоит правдивый рассказ.

— Ты прав. Эти джентльмены не вылетели у меня из головы. Более того, я даже просила миссис Шиэн не упоминать об их визите, потому что подумала, что ты можешь решить, что эти джентльмены приблизились к нам с дурными намерениями — а это совершенно не так. Мы предложили им по стаканчику сидра, обменялись любезностями, потом они поскакали своей дорогой.

Не следовало говорить Оливеру, что трое джентльменов искали любопытных девиц, которые подглядывали за тем, как они развлекаются на берегу речушки.

Или признаваться в том, что она видела Шанса без одежды?

Оливер сердито взглянул на сестру.

— И только-то? Больше ничего не произошло?

— Нет. А что еще тебе рассказала миссис Шиэн? — поинтересовалась она, жалея, что не в ее силах уволить их дуэнью-предательницу.

— Вдова рассказала такую же точно историю.

Темпест постаралась не показать виду, что эти слова принесли ей облегчение.

— В таком случае, твое любопытство удовлетворено. Вероятно, нам стоит вернуться в дом.

— Не совсем, — ответил Оливер, понижая голос и прищуриваясь. — Миссис Шиэн поведала, что вы с одним из джентльменов довольно продолжительное время беседовали. На ее взгляд, вы были знакомы. Она обеспокоена, где вы ранее могли встречаться. Возможно, тайком.

Темпест даже рот открыла от удивления.

— Прошу прощения? Какая несусветная чушь!

— Неужели? — Брат шагнул ближе, на сей раз она не стала пятиться. — А миссис Шиэн считает иначе.

— Что ж, миссис Шиэн ошибается. Либо она пила кое-что покрепче сидра, либо ей просто необходима новая пара очков. — Темпест подхватила спереди подол юбки и попыталась обойти брата, но тот перерезал ей путь. — Что еще ты хочешь от меня услышать?

— Правду, черт побери! Кто этот мужчина? Как давно вы тайно встречаетесь? — настаивал Оливер.

— Это ты, братец, тайно с кем-то встречаешься. — Ее карие глаза потемнели и метали молнии. — А не я.

С Темпест было довольно. Она обошла брата и направилась к дому. Его следующие слова заставили Темпест остановиться.

— Будет хуже, если обо всем узнает отец.

Девушка обернулась лицом к своему старшему брату.

— Ты мне угрожаешь, Маркрофт? Seriously?

Оливер убрал со лба упавшую на левый глаз прядь волос.

— Просто расскажи мне правду. Кто тебе тот мужчина?

— Почему ты настойчиво утверждаешь, что Шанс для меня что-то значит? Говорю тебе, я с ним познакомилась только сегодня. Если миссис Ши...

— Шанс! — перебил ее брат. — Значит, джентльмена, с которым у тебя, по мнению миссис Шиэн, любовная связь, зовут Шанс.

«Оливер не знает их имен».

Темпест едва не взвыла от собственной оплошности. Она-то решила, что наставница уже рассказала брату, как зовут всех троих джентльменов.

— Сколько раз тебе повторять: у меня с этим человеком нет никакой любовной связи! Ни с ним, ни с кем бы то ни было еще! — Она понизила голос до угрожающего рычания.

— И как же зовут остальных двух?

— Послушай, Оливер...

— Назови их имена, — требовал брат. Ее спокойствие таяло, подобно слежавшемуся снегу в солнечный теплый день. — Я хочу услышать их сию же минуту.

Что-то в глазах брата подсказывало Темпест: если она соврет, ей несдобровать.

— Торн... а третьего звали Сент-Лион.

Она была совершенно не готова к тому, что он схватит ее за плечи и поднимет вверх — теперь она касалась земли только кончиками пальцев ног.

— Шанс, Торн и Сент-Лион. Ты, маленькая дурочка, знаешь, кто они?

— Оливер, мне больно, — сказала она, презирая себя за едва заметную дрожь в голосе.

Он отпустил ее так поспешно, что она споткнулась и едва не упала. Темпест настороженно смотрела на брата.

— Я тебя не обманываю. Я не знаю этих людей. Они уехали так быстро, что не успели представиться как должно.

— Значит, они не знали, кто вы? — Он выругался, когда она вздрогнула.

Я спросила у Шанса, знает ли он тебя. — Неожиданно ей стали понятны реакции мужчины. — Я назвала ему твое имя.

— И что он ответил?

Она всматривалась в бесстрастное лицо брата.

— Он ответил, что незнаком с тобой. Но я решила, что он врет.

— Человек, назвавшийся Шансом, — Матиас Рук, маркиз Фейрлэм.

Темпест почувствовала, как побледнела.

— Он — из семейства Рук?! Ты уверен?

— Конечно, уверен, Темпест, черт побери! — Оливер встал перед сестрой и пальцем постучал ей по лбу. — Кому, по-твоему, я обязан своими синяками? Этот ублюдок ударил меня головой о деревянный столб.

Темпест удержалась от того, чтобы заметить, что и Шансу в этой стычке тоже досталось.

— Клянусь тебе, я понятия не имела, что он — Рук. А остальные двое — его братья?

Оливер покачал головой. Если бы рядом росло дерево, он бы от ярости ударил в ствол кулаком.

— Сент-Лион — это виконт Бастрелл. Торн — граф Кемпторн. Они с Фейрлэмом

родственники. По-моему, двоюродные братья.

— Я этого не знала.

Темпест опустила взгляд и заметила, как дрожит ее рука. Новость, что человек, который с ней флиртовал, оказался одним из семьи Рук, ее просто ошарашила. Шанс совершенно не был похож на отпрыска этого семейства. Да, честно признаться, Темпест понятия не имела, как выглядят члены семьи Рук. Если вспомнить рассказы отца о герцоге Блекберне, то можно было ожидать, что его наследник обязательно должен быть уродливым горбуном с черными гнилыми зубами и глазами, в которых горит адский огонь. Ее семья и семья Рук вращались в разных кругах. Она могла бы на улице столкнуться с целым семейством Рук и даже не понять этого.

Господи боже! Она видела одного из Руков обнаженным!

Должно быть, на лице девушки отразилась растущая паника, потому что брат притянул ее к себе и обнял.

— Я понятия не имела.

— Знаю, — пробормотал он ей в волосы. — Фейрлэм зашел слишком далеко. Я вызову его на дуэль за такое оскорбление.

Темпест отпрянула, чтобы посмотреть брату в глаза.

— Нет. Нельзя.

Он злобно засмеялся.

— С огромнейшим удовольствием.

— Оливер, он тоже не знал. — Она не понимала этой черты характера своего брата: он казался таким кровожадным. — Послушай, лорд Фейрлэм понятия не имел, что я — из семьи Брант, когда подъехал к нам. Должно быть, он не меньше меня был потрясен, когда я сообщила ему, что мой брат — лорд Маркрофт.

— Это ничего не меняет.

— Как ты можешь так говорить? Конечно, меняет! — возразила она, подозревая, что из них двоих только она сохраняет благоразумие. — Оливер, как только Шанс услышал твое имя, он с приятелями немедленно уехал. Он не испытывал ни малейшего желания общаться с кем-то из семейства Брант.

Шанс уехал настолько поспешно, что Темпест даже обиделась.

— Ублюдок!

Темпест не знала о давней вражде Шанса и Оливера. По всей видимости, история между ними произошла неприятная.

— Ты не можешь бросить ему вызов.

Оливер сердито возразил:

— Я не был бы в этом так уверен. Фейрлэм ненавидит нашу семью. Я бы не удивился, узнав, что он намеренно вас разыскивал.

— Нет, Оливер...

— Да, черт побери! Ты его не знаешь! А я знаю! Если бы он мог как-то через тебя устроить нашу семью, он бы своего шанса не упустил.

— Нельзя винить Шанса во всех грехах.

— Перестать употреблять это дурацкое прозвище! — Он сдвинул брови, как будто надеялся выбить из нее признание. — Если только ты больше ни в чем не хочешь признаться?

Она стиснула зубы и едва справилась с желанием накричать на старшего брата.

— Лорд Фейрлэм не виноват. Это я виновата в том, что он искал меня.

Оливер потряс кулаками у висков.

— Темпест, ты говоришь глупости. Так ты его знаешь или нет?

— Нет! — Она подняла руку в знак того, чтобы он ее не перебивал. — Он искал того, кто наблюдал за ним и его друзьями.

Ее бедный брат явно был сбит с толку.

— Что-что?

Темпест собралась с духом.

— Вышло совершенно случайно, и мне мало что удалось разглядеть, поскольку двое уже были в реке.

— Чего разглядеть? — заорал он.

Она виновато посмотрела на брата.

— Э-э-э... плоти. Неужели я забыла упомянуть, что джентльмены были без одежды, когда я на них случайно наткнулась?

— Темпест!

— Теперь-то ты понимаешь, что нельзя бросать вызов Шансу... лорду Фейрлэму, — поспешно исправилась она, заметив сердитый взгляд брата. — Или упоминать о случившемся при матери и отце. Да вообще при ком бы то ни было. Оливер, пожалуйста. Пострадает моя репутация, если пойдет молва, что я подглядывала за полуобнаженными джентльменами. Представь, какой будет скандал! Больше мне в свете появиться будет нельзя!

— Из любви к... — Оливер вернулся к скамье, где они раньше сидели, опустился на нее, потому что ноги его больше не держали.

Лучше бы Темпест солгала брату о своей встрече с лордом Фейрлэмом и его друзьями.

Несмотря на то что Оливер оделся для выхода в свет, к радости матери, он заявил, что присоединится к семье за ужином. Темпест совсем отчаялась, заслышав эту новость. Его внезапное желание провести вечер в кругу семьи не имело никакого отношения к усталости, на которую он сослался. Причина крылась в ней, его сестре.

Как обычно, повар превзошел самого себя, но из-за Оливера Темпест едва прикоснулась к каждому из блюд. Ее противному братцу удалось отвлечь матушку остроумными анекдотами, хотя сам он сердито поглядывал на сестру поверх бокала с вином. Арабелла заметила пробежавшую между старшими братом и сестрой кошку и пыталась увлечь Оливера разговором. Но его внимание неизменно было приковано к Темпест. Казалось, что Августа была единственной из присутствующих за столом, кто искренне наслаждался произведениями повара — она радостно делилась кусочками мяса с мопсом маркизы.

Темпест смиренно выдержала задумчивый, неодобрительный взгляд брата. На протяжении ужина внутри у нее все сжималось: она ждала, что он расскажет маркизе, что Темпест не только флиртовала с одним из семейства Рук, но ее еще и угораздило полюбоваться его голым задом.

Разгневанный взгляд Оливера говорил о том, что его так и подмывает рассказать о ее глупости. Единственное, что ей оставалось, — сидеть и ждать, когда же Оливер сообщит новость, после которой ее отошлют в одно из поместий поменьше или больно высекут кнутом. А возможно — и то и другое: маркиз Норгрейв наверняка расценит ее общение с наследником врага как непростительный грех.

Когда маркиза встала и пригласила всех переместиться в музыкальный салон, Темпест извинилась, сказала матери, что неважно себя чувствует и хочет подняться к себе в комнату. Оливер взглядом проводил ее из комнаты. Если он собирался выдать сестру матери, то ни за что бы не отказал себе в удовольствии сделать это в присутствии самой Темпест.

Служанка помогла ей раздеться и лечь. Девушка отпустила молоденькую служанку, сказала, что до конца вечера помощь ей не понадобится. К несчастью, было еще слишком рано, и сон не шел. Она села за маленький письменный столик и открыла альбом для эскизов. Рисование всегда ее успокаивало, когда она была чем-то встревожена, к тому же за работой она могла спокойно провести несколько часов.

Через два часа негромкий стук в дверь прервал добровольное одиночество Темпест. Девушка встала, закрыла альбом, подошла к двери, чтобы впустить в комнату Арабеллу, пока мама не увидела, что старшая дочь еще не спит. У Арабеллы было доброе сердце. Должно быть, по поведению Оливера за ужином и расстроенному виду Темпест она догадалась, что брат каким-то образом узнал о непрошенных гостях.

Темпест повернула ручку двери и уже хотела поприветствовать сестру. Открыла дверь и...

— Оливер? — Девушка не могла скрыть удивления. — Вот уж не ожидала!

В правой руке брат держал маленький поднос, накрытый белой салфеткой.

— Можно войти? — вежливо спросил он. Темпест с удивлением заметила, что на его лице нет ни следа от недавнего недовольства.

— Конечно, — кивнула Темпест, давая ему пройти в комнату. Она дождалась, когда он

пройдет вглубь спальни, и закрыла дверь.

Оливер взглянул на ее кровать. Служанка постель разобрала, но по несмятым подушкам и простыням было понятно, что Темпест не спала.

— Мама укоряла меня из-за нашей дневной прогулки.

— Почему?

— Ее обеспокоило твое отсутствие аппетита. К тому же ты рано легла спать. Она винит меня в том, что твоя тонкая натура перенапряглась.

— Надеюсь, ты развеял ее опасения.

— Я заверил ее, что ты всегда отличалась отменным здоровьем, — ответил он, шагнув к письменному столу. Свободной рукой он подвинул альбом и поставил поднос. — Однако я предположил, что, как и все самовлюбленные девицы, ты, вероятнее всего, волнуешься о том, что не влезешь в новые платья, которые мама заказала для Лондона.

Совершенно забыв, что должна быть с братом поласковее, Темпест подошла к Оливеру и ущипнула его за руку.

— Как ты смеешь намекать на то, что я слишком толстая и не влезаю в платья! — У нее была прекрасная фигура. Девушка была не слишком худой, не слишком толстой.

Ее брат потер руку и засмеялся.

— Я и не говорил, что ты толстая. Просто сказал, что ты волнуешься, о том, чтобы платья хорошо сидели. На мой взгляд, такое объяснение твоего странного сегодняшнего поведения меньше расстроило мать.

— Значит, ты все рассказал маме?

— Хотел рассказать, — признался он, а его суровое выражение лица говорило о том, что он до сих пор злится. — Но кто же будет оберегать тебя от неприятностей, если тебя отошлют в деревню, когда все остальные члены семьи отправятся в Лондон?

Темпест кивнула на накрытый поднос на письменном столе.

— И что ты мне принес?

— Крепкий бульон и тосты с маслом, — мрачно ответил он. — Я сказал повару, что ты сегодня чувствуешь себя неважно. Чтобы он приготовил что-то легкое для желудка. Тебе понадобятся силы.

Подобная предусмотрительность со стороны брата была неожиданной, и Темпест тронул его жест.

Она из-за спины брата стянула салфетку, которой был накрыт поднос. Под серебряной крышкой в широкой чашке был налит бульон. Его она не тронула, а подхватила тост с маслом и откусила.

— Мир? — спросила она, продолжая жевать. Потом проглотила кусок тоста.

— Не совсем. — Он выдвинул стул и пригласил ее сесть. Когда она села, он поставил рядом второй стул, чтобы они сидели бок о бок. — Считай это чем-то вроде подкупа.

Правая бровь девушки изумленно изогнулась.

— Слишком маленькая взятка, честно говоря. Если ты хотел меня подкупить — следовало принести еще и десерт.

Темпест шутила, но разгневанный вид брата свидетельствовал о том, что ему сейчас не до шуток. Он что-то поискал в кармане фрака. У Темпест едва глаза не вылезли из орбит, когда он достал из кармана яблоко и положил его рядом с подносом.

— Десерт.

— Оливер! Ты действительно меня любишь! — Темпест нагнулась поцеловать его в

щеку, но Оливер напрягся и отстранился. Девушка вздохнула, стараясь не обидеться на такую реакцию. — Или я ошибаюсь? Ты говорил о взятке.

— Фейрлэм.

Вот как! Значит, братец еще не закончил пенять ей за Шанса с приятелями.

— Почему мы опять поднимаем эту тему? Оливер, я рассказала тебе чистую правду. Я понятия не имела, что джентльмен, с которым я беседовала днем, из семейства Рук.

Его лицо несколько смягчилось.

— Я знаю. Когда я наблюдал, как ты дуешься за ужином, вспомнил о нашем разговоре в саду и понял, что виноват перед тобой, Арабеллой и Августой.

Опять ему удалось ее удивить.

— В чем?

— В том, что оставил вас, девушек, без защиты. — Он взглянул на свои крупные руки, шрамы на которых свидетельствовали о том, что он не всегда носит перчатки, чтобы защитить кожу. — Я был раздосадован тем, что мне поручили присматривать за вами, хотя считал, что миссис Шиэн вполне способна и в одиночку справиться с этой задачей. Если бы я остался, ничего бы с тобой на реке не приключилось. А если бы Фейрлэм набрел на наш лагерь, я бы с ним побеседовал, как положено.

— Ты оказался бы один против троих, Оливер, — напомнила она ему.

— Ты недооцениваешь мои умения и мою ненависть, дорогая сестричка.

Темпест задрожала, несмотря на то что куталась в толстую шаль. Она не понимала, почему ее брат настолько сильно презирает лорда Фейрлэма. Потом она вспомнила реакцию маркиза, когда он узнал, что она — из этого ужасного семейства Брант.

Когда он прощался, в его голосе не осталось даже намека на ту теплоту, которую он демонстрировал ранее по отношению к ней и ее сестрам. Казалось, что в его сердце точно так же бурлит ненависть, как и в сердце ее брата.

Темпест откусывала от тоста маленькие кусочки.

— Я не хочу быть виноватой в том, что ты бросил вызов лорду Фейрлэму.

— Именно поэтому я и хотел поговорить с тобой наедине. Когда семья переедет в Лондон, существует вероятность того, что ты снова с ним встретишься.

Девушка наморщила носик.

— Маловероятно. Прошлой весной мы не встречались ни разу. — Она была уверена, что такого красивого джентльмена, как маркиз Фейрлэм, она бы запомнила.

Брат нетерпеливо взглянул на сестру.

— Отец полагал, что в прошлом сезоне все твои мысли были заняты другим джентльменом.

— Да уж. Как любезно с твоей стороны напомнить мне о моей неудаче, братец, — пробормотала она, бросая недоеденный тост на тарелку. — К сожалению для всех заинтересованных сторон, маркиз Райнхарт влюбился в другую!

Оливер выругался себе под нос.

— Райнхарт — дурак!

— Папа думал, что из него выйдет приличный супруг и что он станет чрезвычайно ценным зятем, — беспечно заявила она. — Думаю, отец до сих пор оплакивает эту потерю.

Гордость Темпест была несколько задета тем, что Райнхарт предпочел ей другую даму, но, к счастью, она не позволила себе влюбиться в этого джентльмена. Вероятно, ее сердце раньше разума решило, что они с маркизом совершенно друг другу не подходят.

Оливер похлопал по ладони сестры, которая лежала у нее на колене.

— Неужели Райнхарт разбил твое сердце, Пест?

Ранее никому из родных не приходило в голову задать ей этот вопрос. В особенности тогда, когда отец стал придавать этой помолвке такое большое значение.

Темпест покачала головой.

— Было бы великолепно, если бы я влюбилась в джентльмена, которого выбрал для меня отец. И тем не менее я ничего подобного не почувствовала. Некую увлеченность... да. Он приятный человек. Ни земля под ногами не разверзлась, ни звездочек перед глазами, ни музыки... — Она запнулась, облизала губы. — Хочу тебе признаться. Только пообещай, что никому не расскажешь.

— Обещаю.

Темпест избегала смотреть брату в глаза.

— Я часто задаюсь вопросом, Оливер: может быть, во мне что-то не так? Возможно, я вообще не способна влюбиться.

— Ерунда! — возмутился брат. — Ты просто слишком чувствительна. Ты же любишь свою семью, разве нет? Значит, в твоём сердце найдется место и для новой любви.

Оливер не понимал. Она перевернула его руку и стала водить по линиям на ладони.

— Ты хочешь сказать, что наши родители любят друг друга?

— Я как-то об этом не думал.

Да, никто никогда не поднимал этот вопрос.

— Вероятно, еще остается чувство долга и некая привязанность, потому что они уже столько лет живут вместе. — Темпест сосредоточенно нахмурилась, пытаясь собраться с мыслями. — Однако я бы не сказала, что между ними царит любовь.

— Как это ни назови, но родители довольны. — Оливер накрыл ее ладонь своей рукой. — Темпест, откуда такие мысли?

— Наверное, из-за ожиданий... — Она осторожно убрала свою руку. — Я же не похожа на Арабеллу, которая с легкостью заводит новых друзей в бальном зале, где полным-полно незнакомцев. Мне кажется, и любовь придет к ней так же легко. Я из иного теста.

— Немного осторожности не повредит! — заметил он, прищурившись. — А что касается новых друзей... не думай, что я уже забыл, как ты умудрилась подружиться с сыном одного из врагов отца.

«Только не это! Опять!»

— Это совершенно иная ситуация. Я так боялась, что лорд Фейрлэм с приятелями догадаются, что я... — Заметив грозный лик брата, она проглотила остаток фразы. — И, как ни крути, я с этими джентльменами не флиртовала. Элементарная вежливость.

— Даже проявление элементарной вежливости к кому-то из Руков — неприемлемо, Темпест. Если отец узнает...

От одной мысли ее бросило в дрожь.

— Я не собираюсь ничего рассказывать ни ему, ни маме. А ты?

Молчание и пристальный взгляд брата заставили Темпест заерзать на стуле. Наконец он коротко бросил:

— Нет.

— Спасибо, Оливер, — поблагодарила она, поборов в себе желание броситься его обнимать. — Можешь не волноваться, больше от меня о лорде Фейрлэме ты не услышишь. Если волею судьбы мы встретимся в Лондоне, клянусь, я развернусь и пойду в

противоположную сторону.

Он, казалось, не до конца поверил ее клятве.

— А если он сам к тебе подойдет?

— Я тут же дам ему от ворот поворот! — решительно заявила она. — Хотя подобное маловероятно. Маркиз вряд ли сам заговорит со мной теперь, ведь он знает, что я — из семьи Брант.

Оливер медленно кивнул. Казалось, ее ответы полностью его удовлетворили.

— Ты же скажешь мне, если Фейрлэм станет тебе докучать, да?

— Разумеется, — солгала она, скрестив пальцы в складках юбки.

Темпест со вниманием отнеслась к словам брата о маркизе, но она не желала стать поводом для драки этих двух джентльменов.

Если лорд Фейрлэм к ней приблизится, она сама даст ему отпор.

Матиас не предполагал, что может увлечься певчими птичками.

На третий день пребывания в Лондоне его представили мисс Кларе Кинг. И хотя эта миниатюрная девица с пышными формами и непревзойденным сопрано была на два года старше Матиаса, она держалась и разговаривала так, как будто только что избавилась от опеки дуэньи. И тем не менее ни в ее таланте, ни в аппетитах не было ничего детского. С момента ее приезда в Лондон в конце апреля на каждом ее представлении были аншлаги, и в определенных кругах высшего света она стала довольно популярной. Певицу постоянно окружали толпы поклонников, но прекрасная Клара дала Матиасу понять, что он — один из ее фаворитов.

Он понимал, что эта неглупая женщина упивается собственным успехом. Ей хотелось, чтобы ее добивались легионы воздыхателей. Понимал, что она, поразмыслив, проведет строгий отбор и выберет себе одного-двух любовников, которые и будут осыпать ее в знак любви роскошными подарками.

Матиас не сомневался, что вскоре они с Кларой станут любовниками. Благодаря умелой тактике и напору он уже сорвал с ее губ пару поцелуев. Она уже выделяла его из многих. Когда он заглядывал к ней в гримерку, она всегда просила, чтобы все вышли и оставили их наедине.

Матиас гадал, сможет ли он сегодня вечером проводить ее из театра и уложить в постель? Он достал из кармана жилета часы. Да, судя по времени, мисс Кинг уже выступила и, скорее всего, принимает ухаживания в своей гримерке. Пока Матиас сидел с приятелями, на его губах играла легкая улыбка: он подумывал

О том, как он их покинет и направит все свое умение обольщать На женщину, которая завладела его помыслами.

— Нет.

Матиас сердито взглянул в затылок мужчины, сидящего перед ним, но чуть левее.

— Вы что-то сказали, ваша светлость? — спросил он, намеренно упоминая титул с презрительной усмешкой в голосе, чтобы привлечь внимание приятеля.

— Сказал. Ты же не покинешь нас, чтобы пофлиртовать со своей актрисулькой, Шанс?

Антуан Роллан Севар, принц Гальен в изгнании, поерзал в кресле и, как бы ненароком, положил руку поверх своего и соседнего кресла. Его подруга сидела рядом и не отказала себе в удовольствии опереться на руку принца, который сразу же стал поглаживать пальцем ее шею. Дама вздрогнула.

— Откуда ты, черт побери, все знаешь? — удивился Матиас, досадуя на то, что его мысли настолько очевидны. — Ты ведь даже не смотрел на меня.

Его приятель поморщился и постучал по крылу носа. Засмеялся, заметив, что Матиас зарделся.

Принцу не исполнилось и года, когда его родителей свергли с престола во время la Grande Terreur — Французской революции — и казнили без суда. Маленькое княжество Гальен было захвачено Францией, маленького принца тоже бы казнили, если бы кто-то из

аристократов, верных казненному королю и королеве, тайком не вывез его из страны. Еще год понадобился, чтобы приятель Матиаса ступил на землю Англии. Осиротевшего ребенка приняла королевская семья, и отец Матиаса был одним из тех аристократов, которые предложили свою помощь. В Англии приятель предпочитал, чтобы к нему обращались менее громко и называли просто герцогом Рейнбо. Свой королевский титул он использовал только при дворе или в беседе с несимпатичными ему людьми.

— Когда тобой овладевает похоть, ты становишься суетлив, мой друг, — ответил герцог, озорно блеснув сине-зелеными глазами.

— Ты, по крайней мере, сидишь впереди, а не рядом, — проворчал Сент-Лион. — Горячие скакуны бьют землю копытом с меньшим энтузиазмом.

— Какое очаровательное сравнение с нашим другом. Обязательно упомяну о нем в своем следующем письме Гидеону, — сказал Торн, имея в виду своего брата-близнеца, который отправился посмотреть мир. — Почему бы тебе просто не уложить девицу в постель и не покончить с этим?

— Согласен. Мисс Кинг держит тебя и остальных дурачков, которые ухаживают за ней, на коротком поводке, Шанс, — заявил Сент-Лион, не обращая внимания на сидящую рядом с ним даму.

— А я удивлен, Сент-Лион, как она тебя не заарканила! — пробормотал Матиас, наплевав на то, что его слова не слишком учтивы.

Виконт быстро взглянул на свою спутницу, которая была дочерью добрых друзей его родителей. От перепалки ее отвлекло представление бульдогов, которые проделывали трюки на манеже¹. Виконт был законченным повесой, но ради семьи он мог проявить определенное благоразумие.

Он наклонился к Матиасу.

— Если бы она меня заинтересовала, я бы связал эту девицу ее же поводком и заках бы между ее ног. Однако мисс Кинг на мой вкус, если хочешь знать правду, мелковата.

— И знать не хочу, — мимоходом заметил Торн. Они с Матиасом не пригласили в свои ложи дам.

И приятель его не преувеличивал. По какой-то неведомой причине он был любимцем женщин.

— Мне нравится, когда здесь... побольше, — продолжал Сент-Лион, поднеся сложенные полукругом руки к груди. Жест, не требующий объяснения. — И поокруглее.

— И так достаточно, — возразил Матиас, не желая все переводить в шутку.

Рейнбо засмеялся.

— Сент-Лион, пощади нашего друга. Нам прекрасно известно о твоём побеге. Ты вдохновляешь всех нас.

Матиас заметил, что их перепалка не помешала принцу неторопливо соблазнять свою спутницу. Рейнбо поднес ручку дамы ко рту и потерся губами о затянутую в перчатку ладонь. Ее внимание всецело поглотил сидящий рядом мужчина.

Пока все женщины в жизни маркиза Фейрлэма и в жизни его друзей были лишь мимолетными увлечениями. Они были молоды, поэтому и семья, и друзья прощали им эгоизм молодости. Женщин, которые искали их внимания и делили с ними постель, замужество не привлекало. Им был нужен любовник и защитник, и они ценили собственную свободу так же сильно, как ценил ее сам Матиас и его приятели.

Наблюдая за Рейнбо и его будущей любовницей, предвкушавшими, что скоро они

окажутся в постели, Матиас мысленно вернулся к мисс Кинг. Именно поэтому его и прозвали Шанс. Он любил рисковать, и чаще всего его риск окупался с лихвой.

Матиас встал. Принц застонал, когда его спутница поцеловала его в подбородок. Он схватил Матиаса за руку, чем немало удивил его.

— Пстой. Если тебе стало скучно, можем отправиться в одну из таверн или куда-нибудь поиграть.

— Я за карты, — заявил Торн, ни к кому конкретно не обращаясь.

Сент-Лион откашлялся, пытаясь привлечь внимание Матиаса. Едва заметно кивнул на сидящую рядом с ним даму.

— Я должен остаться до конца представления, но попозже обязательно к вам присоединюсь.

Матиас прекрасно понимал, что Сент-Лион должен выполнить обязательства перед семьей. У него самого случались вечера, когда приходилось поступать вопреки своим желаниям. Он перевел взгляд на Рейнбо.

— Наши планы на вечер не меняются. Придется вам обойтись без меня, пока я буду поздравлять мисс Кинг. Дама меня ждет и подумает, что что-то случилось, если я не загляну к ней в гримерку.

Кровожадная улыбка на губах принца свидетельствовала о том, что он от всего сердца одобряет намерения Матиаса, о которых приятель умолчал.

— А если сладкоголосая птичка не ограничится только томительно долгим поцелуем?

— Если буду задерживаться, я дам вам знать. — Матиас хлопнул Торна по плечу, кивнул Сент-Лиону, протиснулся мимо приятелей и покинул ложу.

Маркиз шагал по переполненному людьми полутемному коридору к лестнице. Здание театра восстанавливали уже в третий раз. Первые два сгорели. Чем ниже он спускался, тем резче пахло животными, навозом, сеном и потом. Леди с джентльменами, которые взбирались по лестнице, прикрывали носы надушенными платками в надежде, что на верхних этажах запах будет не так слышен.

Взгляд привычно скользил по лицам, Матиас даже несколько раз кивнул знакомым. Медленнодвигающаяся толпа людей не давала возможности остановиться и с кем-то поговорить — и слава богу! Он и так слишком задержался с друзьями. Благосклонность мисс Кинг вещь непостоянная, и соперники наверняка воспользуются его отсутствием.

Погрузившись в размышления, он не был уверен, какая именно деталь привлекла его внимание, когда взгляд остановился на одной из идущих навстречу леди. В плохо освещенном коридоре ее кружевное платье поверх белой атласной нижней юбки светилось подобно приглушенным полосам лунного света. Квадратный вырез и короткий рукав не скрывали искусно вылепленной фигуры — он как знаток отметил грациозные изгибы плеч, изящную линию шеи и тонкий профиль. Дама беседовала с подругой, поэтому ее лицо частично скрывал веер. Служанка заколола темно-каштановые волосы и спрятала большую их часть под *toque a la Reubens* — женскую шляпку без полей, расшитую драгоценными камнями и украшенную белыми перьями. Не одна она выставляла напоказ свое богатство, но в эту часть города респектабельные дамы редко заглядывали.

Неужели она настолько глупа? Или это просто удачливая куртизанка?

Если встреча с мисс Кинг окажется недолгой, он мог бы убедить таинственную даму с подругой провести этот вечер с ним и его друзьями. Как будто почувствовав его внимание, дама опустила веер и встретила взглядом с Матиасом.

В глазах вспыхнуло узнавание. И Матиас тут же узнал эти глаза — орехового цвета с крошечными янтарными прожилками.

Леди Темпест Брант.

Матиас поджал губы, когда удивление на лице девушки сменилось испугом.

«Интересно, когда она приехала в Лондон?»

Девушка что-то прошептала своей спутнице, в которой теперь Матиас узнал сестру Темпест, леди Арабеллу. Заметив его, она так и засветилась от радости, но энтузиазм тут же погас — скорее всего из-за поспешного объяснения сестры, почему им любой ценой следует избегать Матиаса.

«Да, дамы, я один из этих ужасных Руков!» — захотелось крикнуть ему.

Их реакция должна была бы развеселить Матиаса, но он почему-то ощутил раздражение. Он кивнул, минуя сестер Брант, и леди Темпест его не разочаровала. Она упрямо вздернула вверх подбородок и отвернулась, как будто уже один его вид был для нее оскорбителен.

Леди Арабелла слабо улыбнулась, но позволила сестре увести себя. И тут Матиас заметил миссис Шиэн, которая тащила за своими подопечными.

— Шанс, добрый вечер, сэр! Как поживаете? — приветствовала его вдова, оглядываясь через плечо, поскольку она не могла остановиться.

— Все отлично, мадам, — ответил он, поскольку не видел причин грубить женщине. Не ее вина, что ее работодатель — отъявленный мерзавец. — Хорошего вечера.

Слишком поздно Матиас пожалел, что у него не было времени предупредить миссис Шиэн быть повнимательнее. Леди Темпест с сестрой сами просились в лапы грабителей. Вокруг, маркиз знал это, немало тех, кого привлекут их драгоценности.

Какого черта, почему он должен о них беспокоиться? Он не хотел даже задумываться об этом.

Это он.

Шанс... нет, лорд Фейрлэм, мысленно поправила себя Темпест. Между ними не может быть даже намек на фамильярность. Из-за одного вежливого разговора они друзьями не стали.

«Но и врагами тоже», — мелькнула предательская мысль.

Нет, брат прав. Отец не одобрит знакомства с кем-то из семьи Рук. Она обязана держаться от маркиза подальше. Она должна хранить верность семье, и, судя по холодному насмешливому взгляду, лорд Фейрлэм тоже считает ее своим врагом.

— Почему ты не разрешила мне пообщаться с Шансом? — прошептала ей Арабелла. — По его лицу было видно, что его обидело наше нелюбезное отношение.

Темпест нахмурилась, борясь с желанием почесать лоб. От шляпки начинала болеть голова.

— Уверена, что он это переживет. Сомневаюсь, что Шансу впервые довелось получить от дамы не слишком радужный прием.

Темпест молча гадала, где приятели маркиза. С ним? Другьям семьи Рук тоже нельзя доверять.

Темпест пожалела, что не может открыть сестре истинных причин, почему они не могут общаться с Шансом и кем-то из его окружения. В тот вечер, когда Оливер заглянул к ней в спальню, он убедил ее, что не следует раскрывать Арабелле с Августой, кто эти

джентльмены и каким образом они связаны с семьей Рук, из боязни, что кто-то из девочек может ненароком рассказать о них родителям. Тогда ей показалось, что брат поступает не вполне разумно. Шансы на то, что они когда-либо еще увидятся с лордом Фейрлэмом или его друзьями, почти равны нулю, ведь в минувшем сезоне их пути ни разу не пересеклись. Однако Оливер с ней не согласился, и теперь Темпест сердилась из-за того, что его опасения оказались не напрасными.

— Поторопитесь, девочки, мы пропустим все представление, — жаловалась миссис Шиэн.

К досаде их брата, улицы были битком забиты экипажами и каретами, пока они добирались до амфитеатра, поэтому к месту назначения они приехали намного позже, чем рассчитывали. Арабелла прочла в газетах, что одним из главных событий сегодняшнего вечера будет какое-то представление с дрессированными лошадьми. Она умоляла маму разрешить им побывать на этом зрелище. В конце концов леди Норгрейв согласилась с условием, что они отправятся в сопровождении Оливера, который потом проводит сестер Темпест и Арабеллу на бал к лорду и леди Окстон.

Темпест ожидала, что Оливер начнет противиться, но оказалось, что тот смирился с необходимостью присматривать за сестрами. Или, скорее всего, он подозревал, что они могут встретить лорда Фейрлэма — что собственно и случилось, — и она радовалась, что брат где-то задержался с друзьями. Он велел их наставнице проводить сестер в театральную ложу и пообещал позднее к ним присоединиться.

Как только они устроились в своей ложе, Темпест предупредила Арабеллу, чтобы та не рассказывала брату о том, что они встретили джентльмена, которого сама Арабелла знала только под именем Шанс. Зная Оливера, Темпест не сомневалась, что тот бросится разыскивать маркиза и вызовет на дуэль лишь за то, что он дышал одним воздухом с его сестрами. Или по какой-нибудь другой, не менее глупой причине. Она не хотела, чтобы их вспыльчивый братец испортил вечер, когда они наконец выбрались на бал.

Всю первую неделю своего пребывания в Лондоне они посвятили походам по магазинам и примеркам туалетов. Бал у Окстонов станет первым выходом в свет Арабеллы и вторым шансом для Темпест. Она не хотела разочаровывать семью.

К тому времени как троица достигла четвертого яруса, оказалось, что в ложе осталось лишь одно свободное место.

— Какой ужас! — пожаловалась Арабелла, повернувшись к миссис Шиэн. — Тут должны были быть еще места.

Внизу по арене уже побежали лошади. Арабелла так желала попасть на представление, а теперь уходить? Нет, это было бы нечестно!

— Садись, — прошептала Темпест сестре. — Миссис Шиэн, вы становитесь у перегородки, чтобы окружающие видели, что Арабелла не одна.

Миссис Шиэн не обрадовалась возникшим затруднениям.

— А вы, моя дорогая?

— А я останусь здесь и буду ждать Оливера, — ответила Темпест. — Он вот-вот должен к нам присоединиться. Возможно, он найдет для нас другую ложу.

Миссис Шиэн обвела неодобрительным взглядом переполненный театр.

— Сомневаюсь, что здесь есть свободные места.

Темпест в душе с ней согласилась, но ей не хотелось портить сестре вечер.

— Пойду осмотрюсь. Может быть, мне удастся убедить кого-нибудь из джентльменов

уступить свое место.

Мужчины вокруг старательно отводили взгляды, и это не сулило Темпест ничего хорошего.

Матиас протянул свою визитную карточку слуге, охранявшему вход в гримерку мисс Кинг. Тот незамедлительно передал ее служанке певицы. Поскольку сам Матиас опоздал, он ожидал, что Клара заставит его торчать у двери, чтобы он должным образом раскаялся в своем проступке, и лишь потом пригласит его войти. Он услышал в гримерке мужской смех и решил, что если она действительно решит его подразнить, скорее всего, вернется к приятелям раньше, чем ожидал.

Не обращая внимания на стоящего у дверей стража, который понимающе усмехался, Матиас повернулся спиной к двери, а мысли его вновь обратились к леди Темпест и ее сестре. Сегодня на представлении собралась буйная толпа. Элегантные наряды же встреченных дам свидетельствовали о дальнейших планах на вечер. Матиас гадал, куда именно они отправятся после представления. На сегодняшний вечер дворецкий передал ему с десятков приглашений. Однако он лишь мельком взглянул на них — они с приятелями искали совсем иных развлечений.

Леди Темпест очень повезет, если ее не ограбят: не стащат шляпку и украшения, в самом театре или позже, когда они выберутся на улицу и станут искать свой экипаж. Миссис Шиэн и две ее подопечных не справятся с решительно настроенным воров.

Матиас поднял голову, заслышав какую-то возню у двери мисс Кинг. Два джентльмена обсуждали планы на вечер, когда покидали гримерку. За ними следовали еще трое, а еще через пятнадцать секунд вышел последний. Он кивнул слуге мисс Кинг, и только тут заметил Матиаса.

— Удачи! — пожелал он и направился по узкому коридору к лестнице.

— Мисс Кинг готова вас принять, милорд Фейрлэм, — произнес слуга, дополняя жестом приглашение войти.

Матиас застал свою маленькую певчую птичку у туалетного столика. То, что он вошел, она заметила, когда любовалась собственным отражением в маленьком квадратном зеркальце, стоящем на столике.

— Лорд Фейрлэм, — проговорила она, подкрашивая нижнюю губу. — Я уже и ждать вас перестала.

— Мы же договорились без титулов, разве нет? Во время нашей последней встречи вы уже называли меня Шанс. — Маркиз уверенно направился к столику, понимая, что она его не прогонит. — Простите меня, милая Клара. Я приехал в театр не один.

Она встала с кресла, и Матиас заметил, что она уже успела переодеться. На сцене она предстала в образе ангела — во всем белом. А платье, которое певица выбрала для вечера, было алого цвета. Она выглядела просто восхитительно с распущенными волосами цвета воронова крыла.

Он поклонился, она сделала реверанс. Они продолжали пристально смотреть в глаза друг другу.

— Держу пари, что вы прибыли сюда не с дамой, — сказала Клара, изогнув бровь, словно бросая вызов.

— Только в компании Сент-Лиона и еще парочки друзей, с которыми вы позже познакомитесь, — ответил он, сокращая между ними расстояние. — Я бы пригласил их

составить нам компанию, но не настроен делить вас с кем бы то ни было.

— Мудрое решение, — одобрила она, бросив на него призывный взгляд. Она протянула руку, и он решительно ухватился за ее пальцы. — Я отпустила всех, чтобы мы могли насладиться общением наедине.

Клара провела его к темно-синей оттоманке, которая частично была скрыта за четырехстворчатой ширмой из орехового дерева, обитая гобеленом с изображением цветущей клумбы. Певица притянула Матиаса к себе, чтобы скрыться от посторонних взглядов.

— Как я скучала по вам, милорд, — призналась она, обдавая его бесхитростным взглядом зеленых глаз, от чего он каждый раз терял голову. Откровенно говоря, когда он думал о мисс Кинг, мысли у него возникали только греховные.

Матиас устроился на оттоманке и решительно усадил ее себе на колени, чтобы при поцелуе не приходилось вытягивать шею. Клара негромко удовлетворенно вздохнула и грациозно устроилась в его объятиях.

— Вы получили мои цветы? — поинтересовался он, кончиками пальцев властно поглаживая ее по руке.

— Да. Ваш щедрый подарок едва уместился в трех огромных вазах. — Она жеманно улыбнулась маркизу. — А я еще должным образом не отблагодарила вас.

Ее соблазнительное тело сейчас, казалось, принадлежало только ему, и Матиас почувствовал, что не в силах совладать со своими плотскими желаниями. Она подставила маркизу свои губы — молчаливое приглашение, и тяжелый цветочный аромат ее духов зацекотал ему ноздри. Когда маркиз вошел, слуга закрыл за ним дверь. Сейчас, в этом, пусть шатком, но уединении за ширмой, Матиас ощутил желание раздеть Клару, уложить ее, прекрасную в своей наготе, на темно-синие подушки и войти в нее. Единственное, что его останавливало, — он не искал поспешных соитий. Он хотел насладиться, пока они будут изучать тела друг друга.

— Разве вы меня не поцелуете? — соблазнительно прошептала она.

Он обхватил ее затылок, притянул к себе, их губы слились в поцелуе. Он целовал ее чувственно и властно. На ее губах остался привкус мадеры — вина, которое она, скорее всего, пила после представления, когда флиртowała со своими воздыхателями. Певица нагнулась еще ближе и приоткрыла рот, чтобы он смог медленно исследовать его языком. Очередной признак того, что она хочет, чтобы их дружба перешла на новый, более интимный уровень.

Матиас застонал, когда ручка Клары скользнула ему под жилет. Скорее всего, их первое соитие произойдет на старой, потертой оттоманке. Дама казалась такой же возбужденной, как и сам Матиас. Его рука скользнула вниз с затылка, пальцы коснулись золотого ожерелья с рубинами у нее на шее.

Это не слишком дорогое украшение напомнило ему о леди Тем-пест и о том небольшом состоянии, которое она сегодня демонстрировала на публике. Черт побери, почему он постоянно о ней думает? Почему именно о ней? У него в объятиях теплая, податливая Клара. Если он правильно истолковал ее намеки — она совершенно не против, чтобы ее соблазнили.

Девушка застонала, когда он поцеловал ее чуть требовательнее. Возбуждение Матиаса стало почти болезненным. Если он расстегнет пуговицы, чтобы бриджи не давили, дама в его объятиях тут же окажется на спине, а он сам погрузится в ее плоть.

Матиас сомневался, что заносчивая леди Темпест когда-либо сидела у мужчины на коленях. От этой мысли он замер. Что это с ним? Какое его дело, чем занималась эта дамочка? И с кем?

— Милорд... Шанс, — окликнула Клара, пытаясь вновь завладеть его вниманием.

Именно такого развлечения, как мисс Кинг, он и искал, когда приехал в Лондон. Она красива, у нее роскошное тело, которым она готова с ним поделиться. Когда они расстанутся, не будет ни скандалов, ни слез.

В отличие от леди Брант. В этой девушке все было сложным. Он решил, что из-за чувства вины. Внутренний голос подсказывал ему, что она и ее спутницы, сами того не желая, вот-вот навлекут на себя большие неприятности, а он от них отвернулся. Он не обязан за нее отвечать. И, что еще важнее, он совершенно не собирался покровительствовать кому-то из семейки Брант.

Как по мановению волшебной палочки, у него исчезло всякое желание.

Чертов Маркрофт! Где, черт побери, ее братец? Он должен сам приглядывать за своими сестрами! Он, а не Шанс, маркиз Фейрлэм!

Клара чувствовала, что мысли ее воздыхателя сейчас где-то далеко.

— Шанс, я что-то сделала не так?

Матиас вновь впился губами в ее губы. Не слишком убедительное извинение, но ему не хотелось оставлять ее с ощущением, что она его чем-то обидела.

— Нет, моя милая. Ты восхитительна! Само совершенство! Я с ума схожу от желания.

— И?

Он поспешно поцеловал ее надутые губки.

— Мне пора.

— Что?!

Он осторожно снял ее со своих коленей и встал.

Клара осталась сидеть на оттоманке, поэтому ее взгляд упирался прямо ему в ширинку. Да, не было видно ни следа от бывшего желания...

— Вы куда?

— Я забыл, что... — Он не мог признаться, что спешит вверх искать другую даму. —.. у меня назначена встреча. Ненадолго. Она не займет много времени. Вы дождетесь меня?

— Дождаться вас? — эхом повторила его слова Клара, и помрачневшее лицо свидетельствовало о том, что сладкоголосая птичка не привыкла, что ее отвергают вот так легко. — После последнего выступления я намерена посетить закрытую вечеринку в гостинице неподалеку.

Голос Клары звучал не слишком приветливо, но Матиас ухватился за этот шанс, чтобы все исправить.

— Я должен освободиться до конца последнего акта. И вернусь к вам в гримерку. Если вы не против, я провожу вас в гостиницу.

Возможно, ему удастся снять номер и наедине попытаться загладить вину.

Она подняла на него зеленые глаза — этот взгляд не предвещал ничего хорошего.

— Если вы уверены, что вернетесь...

— Уверен! — Как только он разыщет леди Темпест и ее сестру, то отведет их к Торну, Сент-Лиону и Рейнбо и оставит дам под присмотром приятелей. Его друзья проводят дам к экипажу. И тогда он сможет отогнать мысли о сестрах Брант и наслаждаться весь остаток вечера.

Клара склонила голову.

— В таком случае почти за честь, если вы присоединитесь ко мне в гостинице.

Матиас был благодарен Кларе за понимание.

— Дождитесь меня.

На лице Клары засветилась притворно застенчивая улыбка.

Разумеется.

Из глубины ложи Темпест наблюдала, как ее сестра подалась вперед и аплодирует происходящему внизу на арене. Темпест мало что было видно со своего места, тянулись минуты, девушке стало скучно.

Почему Оливер так задержался? Она готова была задушить брата за то, что он их бросил. В очередной раз.

Никто из сидящих джентльменов не спешил уступать ей свое место. Это было просто вопиюще неучтиво — так открыто ее игнорировать. Если когда-либо она встретит кого-то из них на балу, этот невежа тут же получит от нее решительный отказ.

Темпест оказалась не единственной зрительницей, которой не хватило места. В ложе было очень много народу. Настолько много, что ее оттеснили от сестры. В сотый раз она разминала сведенные судорогой пальцы ног, потому что туфли были беспощадно тесны. И, несмотря на свой прекрасный, элегантный наряд, чем дольше она стояла в сумраке ложи, тем неуютнее ей становилось. Ноги болели, спину ломило, и шляпка все норовила съехать набок. Если бы не Арабелла, она бы уже сказала миссис Шиэн, что хочет уехать. Уж лучше постоять рядом с матушкой, чем задержаться на секунду дольше в этом душном вонючем театре.

Но больше всего она терпеть не могла, когда обстоятельства заставляли ее жаловаться. Темпест презирала тех, кто постоянно жалуется. Это были несчастные люди, которым нравилось делиться своими бедами с окружающими. Темпест расправила плечи и приготовилась стойко сносить мучения.

«Черт побери, где же Оливер?»

Театр взорвался смехом. Девушка могла лишь воображать, что эти умные лошадки и их наездники вытворяют внизу, на арене. Наверное, нечто изумительное. Стоящая перед ней пара заерзала, и Темпест пришлось отступить назад, чтобы не столкнуться с ними.

И оказалась за пределами ложи.

Темпест потеряла Арабеллу и миссис Шиэн из виду.

— Думаю, что этот вечер хуже уже стать не может, — мрачно пробормотала она.

Еще через пять минут она пожалела о своих словах.

Когда она пыталась хоть что-то разглядеть поверх голов зрителей, почувствовала, как чья-то мужская рука ухватила ее за локоть. Сначала Темпест напряглась всем телом, потом расслабилась. Никто, кроме ее брата, не осмеливался настолько интимно прикоснуться к ней.

— Как мило с твоей стороны, Оливер, составить нам компанию, — сказала она, даже не глядя на своего заблудшего старшего братца. — Арабелла с миссис Шиэн сидят в первых рядах. Наверное, мы могли бы попросить кого-то, чтобы они их позвали.

Когда брат промолчал, Темпест повернулась к нему и ахнула. Мужчина, который стоял настолько близко к ней, был явно не Оливер. Он был на голову ниже, и по его цепкому захвату она понимала, что преимущество в весе на его стороне. Он был лет на десять или даже больше старше самой Темпест, а покрасневший нос и налитые кровью глаза свидетельствовали о том, что он немало выпил.

— Это... ой!

Для пьяного он был слишком проворным. Не успела она договорить, как он потянул ее прочь от входа в ложу, прижал ее к стене и закрыл рот рукой.

— Ты — красotka, да? — Мужчина нагнулся ближе, так что Темпест ощутила запах джина из его вонючего рта. Он повертел ее голову из стороны в сторону, рассматривая лицо. — Дружка ищешь?

Темпест кивнула, но по радостно заблестевшим глазам поняла, что ответила неправильно. Она гневно тряхнула головой. Он спрашивал не о том, ищет ли она своего друга, а скорее интересовался, не ищет ли она себе нового знакомства.

С ним.

— Что такое? Ты не желаешь познакомиться со мной? — В его голосе звучало разочарование.

Темпест бросила взгляд налево, потом направо, но в узком коридорчике не было ни души. Крики и взрывы хохота из театральных лож гарантировали, что ее призывов о помощи никто не услышит. Ну что ж, пусть. Но запугать себя она не позволит. Первый шаг к свободе прост: убедить этого человека убрать руку с ее лица.

Ее широко распахнутые глаза и приглушенные протесты напомнили ему, что он сам мешает ей говорить.

— Если я уберу руку, ты же не станешь кричать, верно? — спросил он, прищурившись.

Темпест сглотнула и медленно покачала головой. Мужчину, который хватается сопротивляющуюся даму, нельзя назвать безобидным, в особенности когда спиртное придает ему сил и дерзости. Она видела одну из частных лож. Если она сможет застать этого человека врасплох, то попытается там укрыться или позвать на помощь кого-то из джентльменов.

Мужчина убрал руку, а потом передумал. Она застонала, когда он потащил ее по коридору, прочь от сестры. В этой части было еще темнее — если кто-то и подойдет к ним, то может решить, что она по собственной воле оказалась в компании этого отвратительного незнакомца.

— Здесь будет удобнее, как думаешь? — Он опять убрал руку у нее со рта. — Ни звука — или познакомишься с моим кулаком. Поняла?

Темпест кивнула.

Она обмякла и вздохнула с облегчением, когда он убрал руку. Сейчас она уже не была очень напугана и поэтому соображала быстрее — она поняла, что ей надо постараться сохранить спокойствие.

— Благодарю вас, сэр, — она попыталась улыбнуться. Губы ее дрожали, но она сомневалась, что он что-то заметил.

— Как тебя зовут, красавица?

— Элизабет, — ответила она, назвав свое второе имя.

Он усмехнулся.

— А дома, наверное, тебя называют Бесси?

Подобное никогда никому и в голову не приходило! Но такой ответ прозвучал бы не слишком любезно.

— Откуда вы знаете?

Он продолжал теснить ее, не давая сделать ни шагу к ложе.

— У меня есть кухня Бесси. И я знаю парочку служанок, которых тоже так зовут.

Темпест одобрительно кивнула.

— А могу я узнать ваше имя, сэр?

Мужчина поклонился:

— Зови меня Арчи.

— Приятно познакомиться, мистер Арчи. — Если бы она сделала реверанс, то ненароком коснулась бы его тела, а она совершенно не собиралась ему потакать.

— Мистер Арчи, — вслух смаковал он свое имя. — Мне нравится.

Ее непрощеный ухажер был одет в коричневый костюм, пропахший застарелым потом. Мужчина коснулся кружев на ее плече.

— Какое красивое платье! Я никогда не видел платья такого белого цвета. Даже подол юбки чистый, — дивился он, что она смогла ничего не пролить и ничем не запачкать одежду.

— Я прибыла сюда в экипаже. С семьей. — Она откашлялась. — Мой брат с сестрой ждут меня в ложе. Не хотите ли с ними познакомиться?

Он проигнорировал ее предложение.

— А только посмотрите, как сверкает шляпка, когда ты поворачиваешь голову, — продолжал он, наклонив голову и любуясь, как поблескивают камни в полутемном коридоре. — А камешки эти настоящие?

— Обычные стразы, — солгала она. — Зачем носить драгоценности, которые я совершенно не люблю.

Он засмеялся, а Темпест вздрогнула, когда он кулаком ударил в стену.

— В логике тебе не откажешь, Бесси. А теперь почему бы тебе не подарить мне поцелуй, а потом мы попытаемся найти местечко поспокойнее, чтобы выпить?

Она скорее бы поцеловала мокрую шелудивую псину, чем этого человека.

— Я не могу уйти, не предупредив брата, мистер Арчи, — мягко произнесла она. Темпест не хотела даже прикасаться к своему вонючему собеседнику, но попыталась ничем не выдать омерзение, когда похлопала его по руке. — Мы сможем выпить, если вы позволите мне пройти.

Арчи перегородил ей путь, лишая возможности сбежать.

— Нет нужды беспокоить твоего братца, если все, что происходит между нами, по взаимному согласию. Если он действительно твой брат. А теперь, Бесси, дорогая, поцелуй-ка меня!

Никуда с этим полоумным пьяницей Темпест идти не собиралась. Судя по его прикосновениям к руке и платью девушки, Темпест сомневалась, что он удовлетворился бы одним-единственным поцелуем, даже если бы она решилась его поцеловать. А делать она этого не собиралась.

— Никаких поцелуев, сэр, — холодно произнесла она. Если на него не подействовало доброе отношение, в таком случае следует испробовать другие методы. — Вы и так достаточно надолго меня задержали, а сейчас я намерена вернуться к семье.

Темпест отбросила его руку, ей даже удалось сделать три шага, прежде чем он схватил ее за талию и потянул вглубь коридора. Шляпка девушки упала на пол. Она закричала и стала сопротивляться, но обидчик оказался намного сильнее. Никто, казалось, за музыкой и взрывами смеха не слышал ее криков. Похоже, что Арчи тоже решил сменить тактику.

— Тихо, Бесси! — Он притянул ее к себе, прижав спиной к своей груди. — Я не хочу пускать в ход кулаки. По крайней мере, пока.

Она закричала и ткнула его локтем в грудь. Он прижал ее еще крепче, как будто надеялся выдавить из нее весь воздух.

— Прощу прощения. — Заслышав мужской голос, они перестали бороться. — Надеюсь,

я никому не помешал.

Когда Темпест узнала приблизившегося к ним джентльмена, слезы навернулись ей на глаза. Это был лорд Фейрлэм. Еще никогда в жизни она не испытывала такого облегчения, увидев знакомое лицо.

Арчи, словно щитом, прикрылся девушкой.

— Как раз наоборот, сэр. Неужели вы не видите, что мы с Бесси хотим остаться наедине?

— Бесси, вы говорите? — Его губы дернулись, как будто он пытался сдержать улыбку. — Чудовищное имя, дорогая. Примите мое сочувствие. — Он приподнял шляпу, как будто собирался отправиться дальше, предоставив ее на волю судьбы.

Темпест похолодела. Пока она не узнала, что он из семьи Рук, считала его приличным джентльменом. Неужели он настолько ненавидит ее семью, что может вот так просто уйти?

— Черт побери, Шанс! Ты не можешь уйти! — крикнула она ему. Если придется отбросить гордость в сторону, она готова его даже умолять.

— Ты знакома с этим парнем, Бесси? — Арчи вглядывался в маркиза. — Это ты ее брат?

— Да! — не дожидаясь ответа от лорда Фейрлэма, выпалила Темпест. — Он мой брат. А теперь отпустите меня, если не хотите, чтобы он вызвал вас на дуэль.

Ее возможного спасителя, казалось, обидело подобное предположение.

— Ты что, пьян? Неужели я похож на ее брата, ты, мерзкий болван?

Разгневанный голос маркиза одурманил пьяного Арчи.

— В таком случае кто вы?

Глаза его светлости озорно заблестели.

— Я тот, кто собирается украсть у тебя эту леди.

Глаза Темпест округлились от изумления, когда Шанс чуть разжал правую руку и трость, которую он прятал в рукаве, скользнула на пол. И не успел обидчик девушки даже глазом моргнуть, как маркиз сделал выпад, как будто у него в руках был меч, и ткнул Арчи в плечо.

Пьяница отпустил девушку и едва не упал — сзади, к счастью, оказалась стена. Темпест бросилась к Шансу, но тот обошел девушку и вновь ткнул трость уже Арчи в голову. Ошалевший пьяница медленно соскользнул по стене прямо на пол.

— Ты в порядке? Хочешь, чтобы я позвал охрану?

Темпест вздрогнула от его резкого фамильярного тона.

— Я... я не знаю. Наверное, стоит кого-то позвать... он может прицепиться к другой даме.

Она застонала, гадая, как же теперь сможет объяснить случившееся брату. Оливер утратит остатки благоразумия, когда узнает в ее спасителе Шанса. И не станет его благодарить за то, что он вырвал сестру из лап пьяницы.

Арчи решил взять свою судьбу в свои руки. Когда Шанс отвернулся, пьяница с трудом встал на ноги и, пошатываясь, побрел К лестнице.

— Пусть идет! — вымолвила Темпест, пока маркиз не бросился в погоню. Этот негодяй ее напугал, но ограбить ему ее не удалось. Как и поцеловать. — Я цела.

Темпест зажала рот рукой, слезы грозили брызнуть из глаз. Суровое лицо Матиаса смягчилось, на нем появилось беспокойство. Он распахнул объятия, она бросилась ему на шею. Зарылась лицом во фрак и попыталась не расплакаться.

— Ну, тихо, тихо, Бесси! — негромко поддразнил он ее. — Все хорошо.

Горло у Темпест перехватило, она оттолкнула утешителя.

— Не смей называть меня этим отвратительным именем. — Темпест сделала ошибку, взглянув ему в лицо. — И не смейся. Этот человек полностью испортил мне и без того ужасный вечер.

— Прошу меня извинить, леди Темпест, — как можно искреннее произнес он. — Почему твой друг решил, что тебя зовут Бесси?

— Я сама назвалась Элизабет. Он сократил его до Бесси, — объяснила она.

Темпест коснулась своих волос и тут же вспомнила, что шляпка упала на пол. Увидев ее в нескольких метрах от места, где она стояла, девушка подошла и подняла утерянную вещь.

— Как ты оказалась в коридоре одна с пьяным незнакомым мужчиной?

Прижимая к себе головной убор, она вернулась к Шансу.

— Мы слишком поздно приехали, поэтому в ложе осталось лишь одно свободное место. Я велела Арабелле садиться, а сама собиралась постоять сзади, — пояснила она в свою защиту. — Когда в ложу набилось еще больше людей, меня как-то оттеснили в коридор.

— Оттеснили?

— Скажем там, я вышла оттуда не по собственной воле, — отрезала Темпест. — Я не успела вернуться в ложу, как меня схватил Арчи.

— А потом он пытался тебя поцеловать. — Он презрительно скривил губы, когда взглянул в сторону коридора, ведущего к лестнице, как будто намеревался броситься за обидчиком.

— Сперва я решила, что он безобидный пьяница. — Она покусывала нижнюю губу. — А позже... Я даже представить не могу, что бы он сделал, если бы ты не появился. Да, я даже как еле дует не поблагодарила тебя.

Она, должно быть, разволновалась намного больше, чем ей показалось.

Он вглядывался в ее лицо, ища подтверждения, что она на самом деле не пострадала.

— Всегда пожалуйста! — Он сунул трость под мышку, взял у нее из обмякших рук шляпку. — Давай-ка сюда... Позволь мне помочь.

Шанс смахнул пыль с кружевной шляпки, поправил перья.

— Наклонись. — Когда она послушалась, он надел шляпку ей на голову. Удовлетворенный результатом, он расправил пряди вокруг ее лица. Их взгляды встретились, когда она подняла голову вверх, без возражений принимая его помощь.

— Вот так намного лучше.

Темпест расправила плечи.

— Спасибо.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Шанс достал из жилетки платок. Сунул ей в руку.

— Наверное, ты захочешь вытереть грязь с подбородка. — И безо всякого предупреждения сразу же забрал льняной платок у нее из рук. — Я передумал, давай я сам вытру.

Темпест радовалась, что в коридоре темно, и не видно, как сильно она покраснела. Он кончиками пальцем приподнял ей подбородок и платком вытер грязь.

— У вас с сестрами изумительное чутье на неприятности, а миссис Шиэн — плохая защита в подобных местах.

Она поморщилась, услышав сердитые нотки в его голосе. Но после встречи с Арчи

вынуждена была согласиться.

— Мы не настолько глупы, чтобы приехать сюда без сопровождения. С нами был мой брат.

— Неужели? И где же ваш братец? — настойчиво выпрашивал он. — Что-то его не было с вами, когда я проходил мимо вас по лестнице. Да и когда ты отбивалась от пьяного ухажера, я его тоже что-то не заметил!

— Ох, я не знаю! — ответила она, одновременно испытывая и смущение, и благодарность из-за того, что Шанс оказался рядом в отсутствие брата. — Сказал, что скоро подойдет, но, видимо, что-то его задержало.

— Или кто-то. Лорд Маркрофт слишком эгоистичен и всегда ставит собственные интересы выше интересов своих сестер, находящихся под его покровительством.

Даже Темпест нечего было возразить, в защиту Оливера она не могла сказать ни слова.

— Значит, теперь вы признаете, что знакомы с моим братом. А в день нашего знакомства вы это отрицали, лорд Фейрлэм.

У него вздулись желваки.

— Следовательно, вам известно, кто я.

— Не совсем.

Шанс казался удивлен ее честным ответом.

— Я знаю, что вы из семейства Рук, а я должна избегать всякого, кто носит эту фамилию. — Темпест негромко вздохнула. — Я должна вернуться в ложу, пока моя сестра с миссис Шиэн не заметили моего отсутствия.

— Вы с сестрой на лестнице сделали вид, что со мной незнакомы, только из-за моей фамилии? И только? — осведомился он.

Она попыталась подавить растущее чувство вины. Арабелла оказалась права, когда предположила, что маркиза обидела их грубость. И тем не менее он отбросил оскорбленные чувства и поспешил ей на помощь. Его благородство поставило ее в тупик.

— Отчасти. Моя сестра не знает, что ты из семьи Рук. Я одна знаю правду.

«И Оливер».

Он ухватил ее за руку, чтобы она не ушла.

— Ты знаешь, почему наши отцы стали кровными врагами?

Неожиданный вопрос... Темпест покачала головой.

— Нет. Отец никогда не говорит о прошлом.

— Мой тоже. К сожалению, я с детства знаком с твоим братцем. И могу тебя заверить: он заслужил мою ненависть. Маркрофт — настоящая скотина.

Темпест развеселили его грубые слова.

— Я не стала бы употреблять именно это слово, но упрямство брата мне хорошо известно. — Ее улыбка погасла. — Я искренне благодарна за то, что ты сделал. Но сейчас хочу, чтобы ты ушел. Не желаю, чтобы ты встретил Оливера. Если он увидит нас вместе — воспользуется этим как предлогом вызвать тебя на дуэль.

— Леди Темпест, мы с вашим братом деремся с самого детства. Сомневаюсь...

— Ему известно, что в тот день мы встретились у реки, — выпалила она. — Я разговаривала с ним наедине, и он поклялся ничего не рассказывать родителям.

Шанс фыркнул.

— И ты ему поверила!

— Не ради вас, лорд Фейрлэм. Он будет молчать ради меня. — Она помолчала. —

Оливер всегда защищал меня от отца. Даже вы, должно быть, знаете, что он готов впасть в безрассудство, когда дело касается его семьи. А меня могли бы наказать только за то, что я с вами заговорила.

Маркиз задумался над ее словами.

— «Впасть в безрассудство» — то же самое можно сказать и о моем отце.

— Значит, мы договорились, милорд. Не станем никому рассказывать о нашей встрече.

Он наклонил голову набок.

— Мне больше нравится, когда ты звала меня Шанс.

Темпест сердито взглянула на собеседника.

— Я никак не буду к тебе обращаться, потому что мы больше никогда не встретимся.

— Хочешь заключить пари?

Этот человек безнадежен. Ради них обоих ей пора уходить.

— Нет? — Он следовал за ней по пятам. — Позволь проводить тебя до входа в ложу.

— Нет нужды. — Темпест резко остановилась и повернулась к нему лицом. —

Пожалуйста. Я не хочу, чтобы из-за меня у вас с братом завязалась драка.

— Миледи, нам с Маркрофтом не нужен повод, чтобы тузить друг друга. — Шанс ухватил ее за оба запястья, не давая скрыться в ложе. — Однако, если бы представилась возможность, я бы сам бросил ему вызов за то, что оставил вас с сестрой одних.

Темпест тронула его готовность защитить ее, но сейчас в этом не было необходимости.

— Я и сама вполне способна заставить брата заплатить за свои грехи.

— Я бы не отказался полюбоваться подобным зрелищем, — произнес он, и глаза его озорно блеснули — с первой встречи она отметила присущее ему чувство юмора. — Уходи, но с одним условием.

— Я многим тебе обязана, ты спас меня. Только скажи, чем я могу тебя отблагодарить, — поторопила она его уйти, пока брат не стал ее разыскивать.

— Поцелуем.

Темпест от изумления рот открыла.

— Это что, шутка?

— Когда я наткнулся на вас с твоим пьяным приятелем, казалось, что ты смирилась с судьбой. — Он отпустил ее руки и ждал ответа.

— Ни за что на свете!

Джентльмен был сбит с толку.

— А вы не робкого десятка, миледи. Даровать поспешный поцелуй... естественно в губы, — поспешно поправился он, чтобы она не смогла воспользоваться предложением и подарить ему воздушный поцелуй или поцеловать руку.

— Один поцелуй.

— Это совершенно не больно, — пообещал он.

Матияс стоял, опираясь на свою трость, как будто был готов простоять так перед ней остаток вечера.

— Что ж, очень хорошо, — проворчала она и шагнула ему навстречу. — Ты глуп, лорд Фейрлэм, раз хочешь меня поцеловать.

Шанс усмехнулся.

— А ты знаешь, как очаровать мужчину, — поддел он.

Темпест положила руку ему на плечо, встала на цыпочки, чтобы дотянуться до губ. Прильнула губами к его губам. Закрыла глаза, досчитала до пяти, а потом поспешно

оторвалась от его рта.

Встала на всю ступню и выжидающе посмотрела на Матиаса, чувствуя неловкость и смущение. Если бы сейчас их застал ее брат — за этот поцелуй Шанс немедленно получил бы пулю.

Маркиз смотрел на нее, поглаживая нижнюю губу подушечкой большого пальца. Если он осмелится поиздеваться над ее неопытностью, она не уверена, что удержится и не бросится его душить.

— Ваша благодарность принята, леди Темпест, — наконец произнес он. — Довольно неожиданно. Желаю вам приятного вечера.

Шанс поклонился и пошел прочь. Даже не оглянулся, чтобы удостовериться, что она вошла в ложу.

Темпест прикоснулась пальцами к губам. Непонятно почему она чувствовала, что лорд Фейрлэм даровал ей лишь временную передышку. Ни один мужчина не удовлетворился бы таким сдержанным поцелуем.

А еще ее мучило предчувствие, что все только начинается.

С его стороны было нечестно добиваться поцелуя леди Темпест.

Говоря по чести, столь целомудренный поцелуй в губы должен был бы позабавить его. Матиас так целовался с сестрами. И он почти слышал, как она мысленно считает до пяти, прежде чем отстраниться от него и натолкнуться на его насмешки.

Он так и не мог решить, осознавала ли девушка до конца, что она делает, или наивно полагала, что не происходит ничего особенного. Нет, даже Темпест должна была понимать, что столь ничтожное вознаграждение выглядит как насмешка.

Однако он ее отпустил, не затронув ее чести. Проще так, чем открывать ей правду — от ее жалкого поцелуя у него едва не подогнулись ноги. В ту секунду, когда ее нежные, маняще теплые губы коснулись его губ, под кожей заискрилось влечение, словно неподалеку прокатилась гроза. Оно искрилось и игриво растекалось по всему телу, вызывая череду реакций — а в чресла словно молнией ударило. Желание внутри него извивалось и рокотало подобно грому. Казалось, что разверзлась земля под ногами — никакое желание не могло бы так подействовать на него, и, тем более, желание прижать ее к ближайшей стене и целовать до тех пор, пока она не станет так же задыхаться и томиться, как он сам.

Леди Темпест даже не подозревала о бушующей внутри него буре. Она смотрела на него со смесью осторожности и надежды, полагая, что он все же не будет разочарован. Было совершенно очевидно, что ее-то их поцелуй ничуть не тронул. Матиасу хотелось встряхнуть девушку, пока она не утратит своего чудовищного самообладания.

Он был зол на нее — зол за то, что оставила его томиться от желания.

Ему пришлось напомнить себе, что эта девица из рода Брант. Запретная тема. Закрытая. Матиасу было совершенно неинтересно тратить время на девственницу. Женщины, с которыми возникали какие-то сложности, его не привлекали — сплошные заботы и никакой радости.

За кулисы он вернулся безо всяких препятствий. Матиас был человеком практичным. Наплевать на то, что леди Темпест разбудила в нем страсть, которая бушевала внутри, подобно запертому в клетку зверю. Его ждала другая дама. Мисс Кинг не станет сомневаться в его желании. Она возляжет на старую, потертую оттоманку, поднимет платье и нижние юбки, соблазняя его стройными ножками. Клара не станет заливаться румянцем, когда он расстегнет бриджи, и не станет жаловаться, когда он будет грубым, накрывая ее своим телом и погружая свое достоинство в ее плоть. О нет, она будет наслаждаться их соитием, прижимать к своей груди. И ей никогда не придет в голову, что двигаясь внутри нее, он мысленно представляет себе лицо другой женщины.

Даже если она что-то и заподозрит, Клара слишком хитра и обязательно воспользуется его слабостью в свою пользу.

Разумеется, леди Темпест возмутилась бы, если бы узнала, что ее поцелуй толкнул его в объятия другой женщины. Или, возможно, она испытала бы облегчение. Он в шутку подумал: если бы Темпест позволила себя соблазнить наследнику Блекбернов, это стало бы самым настоящим кошмаром.

У двери гримерки мисс Кинг слуги не оказалось. Как не было и толпы поклонников, которые искали ее внимания и помешали бы его планам сделать мисс Клару своей любовницей.

Матиас поднял было руку, чтобы постучаться, но потом передумал — он решил сделать певичке сюрприз. Тихонько повернул ручку и приоткрыл дверь. От увиденного он замер, словно громом пораженный.

Клара была не одна.

— Ты не можешь вот так уйти, — хрипло молила она.

— Я и так уже опаздываю. Я должен сопровождать сестер к Ок-столам. — Шорох платья, мужчина застонал. — Боже мой, Клара, я теряю разум, когда ты ко мне вот так прикасаешься.

Оказалось, что женщина, которую Матиас рассматривает как свою будущую любовницу, решила его не дожидаться и пригласила к себе в примерку другого джентльмена. И этот джентльмен не стал терять время на любезности.

Ни на кого не обращая внимания, сосредоточившись исключительно на своих ощущениях, его маленькая певчая птичка сидела на туалетном столике, обхватив ногами талию мужчины. От двери Матиас слышал негромкие вздохи и стоны, когда мужчина ритмично двигал своей разгоряченной плотью у нее между ног. Слушая ее хриплые, все более страстные крики, маркиз понимал, что она вскоре достигнет вершины блаженства.

Если Клара мечтала ему отомстить, она, сама того не подозревая, выбрала на эту роль идеальную кандидатуру. Матиасу не было нужды даже смотреть на лицо сластолюбца, чтобы узнать графа Маркрофта.

Вместо того чтобы присматривать за сестрами, этот мерзавец соблазняет женщину, которую сам Матиас намеревался сделать своей любовницей на этот сезон. Матиас был вне себя от гнева. И не из-за того, что у него увели Клару, а из-за леди Темпест. Если бы сам Матиас не решил удостовериться, как себя чувствует леди, незнакомый пьянчуга, который пристал к ней, мог бы не только ее напугать.

Матиас тихонько прикрыл дверь. Если Клара надеялась на стычку между ним и Маркрофтом — она испытает жестокое разочарование. Его гордость была задета уже тем, что счастливым соперником оказался именно Маркрофт. Боже мой, как же он презирал этого джентльмена!

Однако ни одна любовница не стоила того, чтобы проливать из-за нее кровь. В Лондоне очень много красивых женщин, он просто найдет себе другую, которая с радостью разделит с ним ложе.

«Значит, леди Темпест с сестрой собрались на бал к лорду и леди Окстон?»

Страсть, которая привела его в объятия двуличной мисс Кинг, всколыхнула другая женщина. Почему бы ее не разыскать?

«Хм-м, но могу ли я?»

Он сошел с ума, если решается думать об этом.

Леди Темпест — из семьи Брант. Она — чистая и порядочная девушка. И этим совершенно не похожа на тех женщин, которые обычно его привлекают.

Но, возможно, его опьянял риск — то, что он мог быть пойманным.

И тем не менее не было сомнения в том, что леди не должна передвигаться по Лондону без сопровождения.

Так почему бы Матиасу не стать ее сопровождающим?

Еще один стимул: у Макрофта случится удар, если он заметит, что Матиас хотя бы посмотрит в сторону леди Темпест.

Матиас усмехнулся, представив графа с пеной у рта. И если этот человек окажется

настолько безрассудным, что вызовет его на дуэль, тогда он получит пулю за то, что оказался отвратительным братом. Что же касается самой леди Темпест... Матиас не собирался соблазнять девушку. Он не сошел с ума. Однако он вынужден был признать, что мысли об этой даме в его голове крутились не самые пристойные.

Он вновь будет ее целовать. В следующий раз он покажет ей, как нужно целоваться. У него даже руки задрожали от предвкушения — о как сладко будет вновь ощутить вкус ее сочных губ.

Неожиданно Матиас почувствовал вкус к сладкому... а запретный плод — всегда самый сладкий.

— Ты что, заснула во время представления?

Темпест взглянула на брата, который сидел напротив нее на диване. Оливер с безразличным выражением лица развалился на диване, так что сидящей рядом Арабелле оставалось сидеть на самом краешке. Рассеянность брата еще больше злила Темпест. Если таким образом Оливер пытался вымолить у нее прощение за то, что большую часть вечера они провели одни — ему не следует ее обижать.

— А почему ты спрашиваешь, братец?

Он поднял руку и двумя пальцами поводил у нее над головой.

— Одно из твоих белых перьев сломано и накренилось вправо.

Темпест досадливо хмыкнула и стянула шляпку.

— Я потеряла булавки, которыми крепилось перо.

— И как же это получилось, малышка? — Уголки его губ растянулись в улыбке.

Миссис Шиэн взяла у Темпест шляпку, чтобы посмотреть, насколько значительны повреждения.

— Шляпка — изящная вещь. Какая досада, что какой-то грубиян сбил шляпку у вас с головы и наступил на нее, — сказала вдова, повторяя объяснение, которое чуть раньше слышала от самой Темпест. — Как только мы приедем к лорду и леди Окстон, я смогу привести ее в порядок.

— Оливер, хватит подтрунивать над нами! — одернула брата Арабелла. — Темпест была настолько добра, что позволила мне занять единственное свободное место в ложе, — и повернувшись к сестре, добавила: — мне так неловко...

— Ничего, я же это как-то пережила, — пробормотала Темпест, вспоминая о том, как лорд Фейрлэм героически урезонил пьяного Арчи. Девушка не хотела думать о своей оплошности, из-за которой лорду Фейрлэму удалось вырвать у нее поцелуй.

— Оливер, ты так и не объяснил, где был весь вечер.

Дерзкая ухмылка на лице и полное отсутствие раскаяния подтверждали опасения Темпест — этот негодяй опять занимался чем-то непристойным.

— Я был занят невероятно, но уже и не упомяну чем, дорогая сестричка, — растягивая слова, медленно произнес он, вкладывая двойной смысл в свои слова. — Я уже извинился. Как долго еще ты намерена на меня злиться?

— Пусть мое настроение тебя не волнует, братец, — отрезала Темпест. — На балу у Окстонов мы разойдемся в разные стороны, и тебе не стоит тревожиться о моих чувствах.

Оливер застонал.

— А ты умеешь быть бессердечной, Темпест.

— У меня были хорошие учителя, братец, — ответила она, смутив язвительным тоном

всех сидящих в экипаже. Включая себя саму. Хотя она предпочла бы скорее прикусить язык, чем извиниться за колкое замечание.

До самого особняка лорда и леди Окстон все в экипаже хранили молчание.

— Объясни еще раз, почему мы собираемся присоединиться к Сент-Лиону и Рейнбо? — поинтересовался Торн, когда они засвидетельствовали свое почтение графу Окстону и его супруге.

— Мы ненадолго, — пообещал Матиас, входя в бальный зал. — Ты ничего не пропустишь. Ты видел выражения лица Рейнбо?

Ведь он будет настаивать на том, чтобы проводить даму домой, и нам еще придется ждать его в клубе. Что касается Сент-Лиона, ему тоже понадобится какое-то время, чтобы высвободиться от обязанностей перед семьей.

Торн стоял слева от Матиаса, поклонился знакомой пожилой паре.

— Сент-Лион почти не смотрел на спутницу. Кто она?

— Понятия не имею. Официально нас друг другу не представляли, а наш приятель не хотел, чтобы скромница питала какие-либо надежды, — ответил Матиас. Он едва заметно нахмурился и поджал губы, потому что не мог найти даму, ради которой собственно и приехал на бал к Окстонам.

— На Сент-Лиона это не похоже. Иногда он ведет себя хуже Рейнбо.

— Только не в том случае, когда родители барышни близкие друзья родителей Сент-Лиона. — Матиас заметил, что сидящая рядом спутница Сент-Лиона исподтишка рассматривает виконта, когда тот не обращает на нее внимания. На лице девушки было то же самое выражение, которое появлялось на лицах всех женщин, когда рядом оказывался Сент-Лион. Томление и обожание. Половина влюблялась в Сент-Лиона уже через пару минут после знакомства. — Его семья несказанно обрадуется, если он в этом сезоне женится. Но, скорее всего, они будут разочарованы.

— Почему это?

Матиас жестом пригласил приятеля прогуляться с ним по залу.

— Я люблю его как собственного брата, однако из Сент-Лиона получится ужасный муж.

Для любой дамы.

— Чего ты так решил?

— Супружеская верность, — рассеянно продолжил Матиас. — Он не способен хранить верность одной-единственной женщине. С тех пор как мы приехали в город, я видел его в компании по меньшей мере четырех прекрасных дам.

Торн засмеялся.

— Значит, ему нравится разнообразие.

— Согласен. — Матиас усмехнулся, осознавая, что это же можно сказать о каждом из них. — Как бы то ни было, никакая жена не одобрит подобного поведения.

— Родные Сент-Лиона так быстро не сдадутся, — предугадал граф,

— Сент-Лион тоже крепкий орешек. Или он совершит какой-ТО вопиющий проступок и этим отпугнет претенденток.

— Вот уж повеселимся! — ответил Торн, словно уже размышляя над тем, какую выгоду может получить от эксцентричных выходок приятеля. — Хотя я все еще не могу решить: его родные хотят, чтобы он остепенился, или просто надеются, что женитьба положит конец

пересудам. До сих пор не утихает слух, что он, возможно, сын лорда Норгрейва.

Матиас нахмурился. Редко кто из приятелей вспоминал старые сплетни.

— Тебе повезло, что Сент-Лиона нет рядом. Смельчак, который последний раз затрагивал эту тему, остался со сломанным НОСОМ.

— Неужели ты сам никогда об этом не думал? Или ненависть твоего отца к Норгрейву и его семейству удерживает тебя от подобных размышлений, потому что таким образом Сент-Лион тоже превратится в твоего врага?

— Не будь дураком, — оборвал его Матиас. — Даже если бы Сент-Лион оказался твоим родственником, я бы все равно называл его другом.

— Очень смешно! — протянул Торн, опираясь о стену. — Если не ради Сент-Лиона, тогда объясни, зачем мы решились ступить на вражескую территорию?

— Измотала тебя светская жизнь, если ты называешь бальный зал «вражеской территорией», — поддразнил Матиас.

— Следовательно, присутствие здесь леди Норгрейв простое совпадение?

— А она здесь? — невинно поинтересовался Матиас. — По понятным причинам нас официально друг другу не представляли. Которая из дам?

Торна, однако, так легко вокруг пальца было не обвести.

— Высматривай даму лет сорока. Блондинку. Справа от тебя, где-то посередине балного зала. На ней платье цвета темной меди и тюрбан в тон. Рядом с ней дама в голубом.

Медное платье маркизы практически сразу же привлекло внимание Матиаса. Еще больше он изумился, когда узнал блондинку — ровесницу своей матери. Официально они не были представлены друг другу, но пару раз, когда появлялись на одних и тех же балах, он замечал ее холодный оценивающий взгляд. Она была не первой дамой в возрасте, готовой завести с ним роман. Однако леди Норгрейв сохраняла дистанцию, а Матиаса никогда не прельщало преследование дамы, у которой настолько ревнивый муж.

Матиас с Торном взяли у официанта по бокалу игристого вина.

— Я понятия не имел, что это супруга Норгрейва, — пробормотал маркиз, задумчиво делая глоток вина и поморщившись от его сладости. — Есть возможность поменять это вино на бренди?

— Я думаю, что лорд Окстон может нас угостить, — ответил Торн. — Если только ты не сыт здесь всем настолько, что мы можем уезжать.

— Я...

К приятелям подошла молодая дама в белом муслиновом платье с волнистыми каштановыми волосами до плеч и внимательно посмотрела на Торна. Голубые глаза радостно сияли.

— Гидеон, поверить не могу, это вы! Почему вы никого не предупредили, что будете в городе? В последнем письме вы ни слова не сказали, что вернетесь.

На лице Торна мелькнуло раздражение, он сурово взглянул на женщину.

— Самый простой ответ — потому что я не Гидеон, мисс Лидалл.

Дама вздрогнула от резкого тона Торна, но, похоже, она была не из пугливых.

— Прошу прощения, лорд Кемпторн, — ответила она, от бывшего дружелюбия не осталось и следа. — У меня сложилось впечатление, что вы терпеть не можете подобные мероприятия, поэтому я ошибочно приняла вас за вашего брата.

— Вполне понятная ошибка, мисс Лидалл, — вежливо согласился Матиас. Может быть, Торн и резковат, но он редко грубит красивым дамам. Его приятель заслужил хорошего

тычка под ребра за то, что он так сердито смотрит на молодую женщину. — Я много лет знаком с Торном и Гидеоном и до сих пор их путаю.

— Вы очень великодушны, милорд, — произнесла мисс Лидалл, не сводя встревоженного взгляда с графа.

— Лорд Фейрлэм, — поклонился Матиас.

С таким же успехом он мог обращаться к любому цветочному Горшку. Ни сама дама, ни его друг не обращали на него внимания.

— Я понятия не имел, что вы с Гидеоном переписываетесь, пока он за границей, — проворчал Торн.

Мисс Лидалл пожала плечами.

— Ваш брат — мой добрый друг и настоящий джентльмен.

Матиас прищурился, когда Торн угрожающе решительно двинулся на даму.

— На что вы намекаете, мисс Лидалл?

— Ни на что я не намекаю, милорд. — На ее лице лишь учтивость, когда она сделала реверанс. — Прошу прощения, что прервала ваш вечер, лорд Фейрлэм... лорд Кемпторн.

— Да, приятного мало, — пробормотал Матиас.

Торн сердито смотрел в спину удаляющейся мисс Лидалл.

— Я не был груб.

— Черта с два! — возразил Матиас. — Кто она?

— Да так... одна соседка. — Торн потер подбородок, как будто у него разболелась челюсть. — С самого детства она постоянно путалась под ногами, преследовала нас. У Гидеона была плохая привычка идти у нее на поводу, а потому неудивительно, что девица в него влюбилась.

На лице Матиаса отразилось понимание.

— Значит, Гидеон уехал из-за нее...

Торн покачал головой.

— Нет, из-за другой женщины. И было это давно. Боюсь, что мисс Лидалл может вновь попытаться вонзить свои острые коготки в сердце Гидеона, когда тот вернется. Он всегда с нежностью относился к этой девушке, хотя я так и не могу взять в толк, отчего.

— И что в этом такого ужасного? — Матиас задумался. Торн мог быть слишком вспыльчив, когда речь заходила о брате. — Особенно учитывая то, что подвигло Гидеона...

— Все! — со свойственным ему упрямством ответил приятель. — Мисс Лидалл совершенно не та женщина, которая нужна моему брату. А теперь, прошу прощения, мне нужно пропустить стаканчик-другой бренди. Ты со мной?

Не стоило.

Не стоило взывать к здравому смыслу Торна, когда речь заходила о его брате. Мисс Лидалл ушла обиженная, но если она ожидала, что граф поспешит извиниться — то ее ждет разочарование. Матиас решил сменить тему.

— Думаю, что да. Прийти сюда оказалось оши... — Краем глаза он заметил, как леди Норгрейв обнимает леди Арабеллу. За спиной у девушки показалась леди Темпест, которая разговаривала с двумя дамами, вероятно, задержавшими ее.

— Встретимся в библиотеке.

Торн оглянулся через плечо, чтобы понять, что же привлекло внимание Матиаса. Фыркнул, когда узнал сестер Брант.

— Ты сам ищешь себе неприятности, приятель.

— Ерунда! — ответил Матиас, при виде леди Темпест сердце учащенно забилося. — Простое совпадение, что мы случайно оказались на одном балу.

Именно так он намеревался сказать и родителям, если они об этом узнают.

— Маловероятно, — стоял на своем граф, невольно разрушая то, что Матиас считал разумным объяснением. — Шанс, я понимаю, что ты ищешь способ отмстить Маркрофту за то, что он соблазнил мисс Кинг.

Матиас нахмурился. Он до сих пор не мог понять, почему Клара предпочла ему Маркрофта.

— Она могла бы стать восхитительной любовницей.

Торн вздохнул.

— Ты несколько раз говорил об этом в экипаже. И тем не менее я решительно против того, чтобы вымещать свою обиду на этих дамах.

Матиас сильнее сдвинул брови в сплошную линию.

— А имеет ли значение, что меня интересует только одна из них?

Торн закатил глаза.

— Если ты надеешься спровоцировать у Маркрофта приступ всепоглощающей ярости, если соблазнишь одну из его сестер — я готов поклясться, что ты наверняка в этом преуспеешь.

— Я ни слова не говорил о соблазнении, — мягко возразил Матиас. — Я просто хотел прощупать почву вокруг леди Темпест.

Он лениво размышлял над тем, сможет ли выманить барышню из зала и убедить еще раз поцеловать его.

— Если только сунешься, Маркрофт закопает тебя прямо В этом саду. Оставь девушек в покое. Пошли глотнем бренди, а потом поедem к друзьям, — негромко проговорил Торн.

— Ступай, — ответил Матиас, не обращая внимания на разочарованный стон приятеля. — Я недолго. Засвидетельствую свое почтение даме, и можем уходить.

— Я велю дворецкому подать наш экипаж, — Торн зашагал прочь. — На случай, если и Маркрофт тоже здесь неподалеку.

— Темпест, что с твоей шляпкой?

— Добрый вечер, матушка. — Девушка сделала реверанс, совладав с желанием коснуться своих волос. — Оливер передавал свои извинения, но он опаздывал на какую-то встречу.

Взгляд карих глаз маркизы при этих словах посуровел.

— Ну, как всегда! — воскликнула она, недовольная тем, что ее сын исполнил свой долг буквально и не более того. — А ты так и не объяснила, почему не надела шляпку, которую мы выбрали под это платье?

— Случилась досадная неприятность, — вместо Темпест ответила Арабелла.

Она благодарно улыбнулась сестре.

— В театре была такая толпа... такие грубые и невоспитанные люди... мы этого не ожидали, матушка. И в этой давке на шляпку наступили, я не успела ее подхватить. Арабелла с миссис Шиэн пытались привести ее в порядок. Однако, когда мы убрали сломанные перья, нарушилась симметрия — поэтому я решила, что лучше уж идти без шляпки.

— Неужели?

Темпест незаметно поморщилась от презрительного тона матери. Поскольку брат отсутствовал, весь материнский гнев обрушится всецело на ее голову.

— Как только шляпку приведут в порядок, ее можно будет надеть на другой бал.

— Что скажешь о прическе Темпест, матушка? — поинтересовалась ее сестра, пытаясь сменить тему. — У одной из служанок леди Окстон просто золотые руки. У девушки настоящий талант к современным прическам. Мы должны обязательно поблагодарить маркизу.

— Естественно, — согласилась с Арабеллой маркиза, а потом вновь критично оглядела прическу Темпест. — Согласна с тобой, доченька. У этой служанки действительно золотые руки, и мы благодарны леди Окстон. Темпест, мы должны лично поблагодарить маркизу.

— Разумеется, матушка, — согласилась Темпест, оглядывая бальный зал в поисках хозяйки вечера. Ее блуждающий взгляд упал на джентльмена, потягивающего игристое вино у одной из Широких колонн, переместился дальше, но вернулся и замер.

Нет. Это не может быть он.

Джентльмен почувствовал взгляд Темпест и молча приветствовал ее поднятием бокала вверх. Шанс...

Боже мой! Она не может допустить, чтобы его заметила мама.

Она коснулась руки матери и мягко переключила ее внимание, чтобы маркиза не смотрела в сторону Матиаса.

— Матушка, а дама в серебристом платье — это леди Окстон?

Лорд Фейрлэм покачал головой — ее ухищрение явно его позабавило, хотя он был слишком далеко, чтобы слышать их разговор.

Арабелла заметила неловкость Темпест, но не могла понять причину, как ни крутила головой.

— Нет, — ответила мама, разглядывая женщину, на которую указала Темпест. — Нет, это не она. Сегодня вечером графиня в простом зеленом платье. Понять не могу, почему Сара позволила портнихе уговорить себя надеть платье цвета, который ей совершенно не

идет.

Темпест сделала знак маркизу, чтобы уходил.

Этот негодяй имел наглость ей улыбнуться.

— Доченька, тебе нездоровится? — Темпест смутилась, когда мать коснулась ее щеки. — Щечки такие красные.

— Слишком много румян, — призналась она, убирая мамину руку. — Вот уж неловкая. Арабелла казалась сбитой с толку.

— Но ты же не кра... ай! — воскликнула она, когда Темпест ущипнула ее за кисть.

Младшая сестра сердито взглянула на старшую и потерла руку.

Леди Норгрейв пристально посмотрела на дочерей.

— Вы ничего не хотите мне рассказать?

— Нет, — поспешно ответила Темпест. Она ткнула локтем младшую сестру. — Не так ли?

Почему Шанс здесь? Он последовал за их экипажем? Она подняла было руку, чтобы махнуть лорду Фейрлэму, чтобы тот уходил, но тут же передумала и просто поправила волосы.

— Арабелла! — допытывалась мама.

Арабелла понятия не имела, почему сестра ведет себя так странно, но она была верным другом. Вне всякого сомнения, потом, когда они останутся одни, сестра засыплет ее вопросами.

— Ничего, мама. Мы так рады быть с тобой на балу. А папа тоже здесь?

При упоминании супруга маркиза раздраженно поджала губы.

— Нет! Как и вашего брата. У вашего отца на вечер другие планы.

Матиас издали с удивлением наблюдал за тем, как леди Темпест пытается отвлечь мать и сестру, чтобы они не заметили его присутствия.

Это внушало надежду.

Почему она его защищает? Ему не нужна ее помощь, но с ее стороны было очень мило не поднимать шум и не сообщать матери, что ее преследует один из этих противных Руков.

А он откровенно ее преследовал.

Как он мог ее не заметить минувшей весной? Даже без украшенной драгоценностями шляпки девушка была не из тех, кто потеряется на общем фоне. И привлекала не только ее красота. В зале было много красавиц, способных привлечь внимание мужчины, включая и леди Арабеллу. Но его почему-то тянуло к леди Темпест. Он пока еще не мог понять почему, но ему очень хотелось разгадать эту загадку на досуге.

Сама же леди беспокоилась о том, чтобы он остался незамеченным ее родственниками.

А где же преданный братец?

Зная эгоистичную натуру Маркрофта, Матиас был склонен предположить, что тот оставил сестер у входной двери особняка Окстонов, чтобы успеть вернуться к мисс Кинг. Выходки этого

Человека стали вызывать у Матиаса настоящее негодование. Он до сих пор злился на графа за то, что тот увел у него Клару. Матиасу ничего не мешало вернуть ее расположение. Маленькая негодница понятия не имела, что он стал невольным свидетелем их Встречи с Маркрофтом. Он еще мог оставить Темпест в покое и возобновить ухаживая за мисс Кинг. Ей будет лестно, когда за Нее станут сражаться двое джентльменов.

Матиас не собирался рассказывать ей, что она не больше чем Средство утереть нос графу. Из-за своей жадности большего она не достойна. На нее он должен злиться больше, чем на леди, которая бросает на него взгляды тайком.

— Значит, это правда. Я даже не поверил, когда Торн сказал, что ты на балу, преследуешь какую-то цыпочку, — произнес знакомый мужской голос.

Матиас отвернулся от леди Темпест, собираясь доказать этому джентльмену, что все его обвинения беспочвенны.

— Вайнрайт, меньше всего я ожидал тебя здесь увидеть.

Кристофер Айвери Кортленд, граф Вайнрайт, склонил голову в знак согласия. Он был таким же высоким, как Матиас, с умными зелено-голубыми глазами и прямыми черными, недавно подстриженными волосами. Их пути пересекались еще в школе, но дружба возникла позже и в другом месте. Это случилось в Палате лордов, где, хотя они иногда и становились противниками во время жарких дебатов, им все же удалось прийти к соглашению.

— Сегодня матушке нездоровится, и она попросила сопровождать на бал мою сестру вместо нее. Я уже представлял тебя леди Элен?

— Леди Незерли задумала в этом сезоне выдать дочь замуж? — Кортленд понимающе усмехнулся, Матиас покачал головой. — Не считите за оскорбление, если я вежливо откажусь от вашего великодушного предложения. Матушка и так постоянно сокрушается, что я слишком много времени провожу в клубах. Если она узнает, что я беседовал с твоей сестрой, у нее сложится неверное впечатление, что я подыскиваю себе жену.

— Сочувствую тебе, друг мой, — ответил граф. — Моя матушка тоже не будет счастлива, пока не выдаст замуж и не женит всех своих детей. К сожалению, сестрица у меня довольно упрямая и уверяет, что вполне довольна своей жизнью. Бог даст, в этом сезоне матушка будет занята судьбой Элен и не будет пытаться подыскать мне невесту.

— К моему сожалению, на мою сестру Омор в этом сезоне рассчитывать не приходится. Если следующей весной ты все еще будешь холост, я с радостью представлю ее твоей матушке, — поддразнил Матиас.

— Злюка ты, Шанс, — ответил граф, чьи слова расходились с приветливой улыбкой. — Если ты не ищешь невесту, зачем тогда мозолишь глаза всем матронам, у которых одно на уме: как бы удачнее выдать дочерей замуж?

— Ты уверен, что ничего не преувеличиваешь?

Кортленд изумленно изогнул правую бровь.

Матиас засмеялся.

— Мы с Торном только приехали, — возразил он.

Граф покачал головой, видя, что приятель ничего не понимает.

— Имея такую матушку-сводницу, как у меня, невольно учишься видеть все по-иному. Поверь мне. Твое появление заметили все дамы, у которых есть незамужние дочери, и только вопрос времени, кто из них попросит леди Окстон представить тебе их дочь.

Матиас разочарованно взглянул на леди Темпест. Она заметила его взгляд и наклонила голову, как будто поощряя его уйти. Оставалось только восхищаться ее настойчивостью.

— Мы с Торном и не собирались оставаться. Нас ждут Сент-Лион и Рейнбо, — сказал Матиас, раздосадованный тем, что привлек больше внимания, чем рассчитывал.

— Значит, Кемпторн ошибается, когда утверждает, что у тебя появился нездоровый интерес к одной из дам?

— Торн слишком близко все принимает к сердцу. А мой интерес можно считать

нездоровым лишь в том случае, если о нем узнает ее семья.

— Будь осторожен, друг мой, — предупредил Кортленд, оглянувшись назад и заметил, что Матиас не единственный, кто вызвал любопытство. — В прошлом месяце Маркрофт дважды дрался на дуэлях. Он сразу же бросит тебе вызов, особенно учитывая давнюю вражду между семьями Рук и Брант.

— Пусть этот выскочка Маркрофт сам заботится о том, чтобы Я не проткнул его, — спокойно пригрозил Матиас.

— В таком случае, желаю удачи, — Кортленд смирился, видя, что отговорить Матиаса невозможно.

— Удачи у меня всегда в избытке, Кортленд, — несколько высокомерно похвастался Матиас. — Однако я не откажусь от помощи, если у тебя есть минутка.

Шанс уходил с лордом Кортлендом.

Когда он ушел, Темпест почувствовала неуместную дрожь разочарования. Лорд Фейрлэм уважал ее желания. Она должна была бы испытать облегчение, что он отказался от своей глупой затеи и не пытался заговорить с ней. Но почему — она даже предположить не могла.

«Не стоило с ним целоваться».

Если ее безрассудство его раззадорило, она надеялась, что придет время, когда она сможет исправить свою ошибку. Она не хотела, чтобы он думал, что она целуется со всяким красавцем джентльменом, который потребует от нее поцелуя.

— Милорд, позвольте вам представить моих дочерей: леди Темпест и леди Арабеллу, — сказала матушка, заставляя дочь сосредоточиться на стоящем перед ней джентльмене. Он прибыл в Лондон меньше недели назад. Леди Норгрейв неизвестно почему разволновалась, решив, что он разыскивает именно ее, когда джентльмен вошел в бальный зал лорда и леди Окстон. — Девочки, позвольте вам представить Тадеуса Тайэра, маркиза Уаррилоу.

— Чрезвычайно рад знакомству, дамы, — сердечно приветствовал двадцатишестилетний лорд Уаррилоу.

Для джентльмена, рост которого был гораздо выше ста восьмидесяти сантиметров, поклон был достаточно грациозным.

Они с Арабеллой ответили реверансом. Он спокойно разглядывал девушек, и в его голубых глазах читалось удовлетворение увиденным.

— После того как я недавно наследовал титул Уаррилоу, круг моих знакомств неимоверно расширился. Однако я счастлив называть лорда Норгрейва близким и давним другом. Должен признаться, что для меня огромная честь иметь возможность познакомиться с его величайшими ценностями... его красавицей супругой и прекрасными дочерьми.

— Чудесное знакомство, милорд. Вы нам льстите, — заметила маркиза. Уже по одному ее тону было ясно, что ее покорили речь и манеры собеседника. — Простите меня за любопытство, но как долго вы намерены оставаться в Лондоне?

— Сколько потребуется, мадам, — последовал загадочный ответ.

— По какой причине, милорд? — поинтересовалась Темпест, поскольку Арабелла не могла произнести ни слова.

— А разве отец вам не говорил? — Маркиз, увидев, как она резко покачала головой, ответил: — Я приехал в Лондон искать жену. Позвольте, объясню. До того, как я унаследовал титул своего кузена, я был адвокатом. Большую часть жизни я верил, что так и

проживу размеренную жизнь, и никогда даже не предполагал, что настанет день, когда на меня падет подобный груз — нет, святой долг. Стоит ли говорить, что я был потрясен. Именно ваш батюшка и дал мне мудрый совет: найти жену, которая сможет мне помочь, возьмет на себе груз ответственности за ведение хозяйства, пока я привыкну к своему новому положению.

— Мой муж — мудрый человек, — дипломатично заметила леди Норгрейв.

Невысказанным осталось то, что ее отец надеялся пристроить замуж одну из своих дочерей. Лорд Уаррилоу прибыл в Лондон познакомиться с дочерьми Норгрейва, а если они не подойдут, представители высшего света с удовольствием помогут ему найти достойную маркизу.

Темпест не сомневалась, что этот джентльмен с успехом достигнет поставленной цели.

В качестве потенциального кандидата в женихи маркиз Уаррилоу производил прекрасное впечатление. Перед дамами стоял не только темноволосый красавец с кротким взглядом и трогательной ямочкой на подбородке, но и учтивый, образованный джентльмен, ясно излагавший свои мысли. Темпест взглянула на Арабеллу, которая глядела на маркиза, едва ли не открыв рот. Если маркизу нужна невеста, ее сестра стала бы отличной партией.

Темпест подняла голову и с изумлением заметила, что лорд Уаррилоу задумчиво смотрит на нее.

— Надеюсь, не помешал?

Темпест встретила насмешливый взгляд лорда Вайнрайта. Всего несколько минут назад она видела, как они с лордом Фейрлэмом покидали бальный зал. Когда он успел вернуться? Для одного вечера достаточно сюрпризов. Если ее матушка скажет, что пора уезжать, она с радостью со всеми распрощается.

— Лорд Вайнрайт, — маркиза протянула руку в знак приветствия. Граф с поклоном пожал протянутые пальцы. — Где же ваша очаровательная матушка? Я сегодня ее еще не видела.

— Боюсь, миледи, матушке сегодня нездоровится. — И услышав, как маркиза испуганно ахнула, добавил: — Ничего серьезного. Откровенно говоря, я подозреваю, что леди Незерли несколько преувеличивает свои недомогания, поэтому я присутствую на балу вместо нее.

Он подмигнул леди Норгрейв, и она засмеялась, не успев обидеться на то, что ее собеседник назвал свою мать лгуньей.

— Ах вы негодник, милорд. Неудивительно, что вашей матушке приходится прибегать к уловкам, чтобы добиться от вас содействия, — ответила маркиза. В непосредственной близости от нее находились два красивых холостяка, и она не собиралась упускать такую возможность. — Лорд Уаррилоу, вы знакомы с наследником лорда и леди Незерли, лордом Вайнрайтом?

— Да, мадам, — ответил маркиз, вежливо кланяясь присутствующему джентльмену. — Вайнрайт.

— Уаррилоу. — Граф искусно отодвинул плечом маркиза. — Леди Норгрейв, с вашего разрешения, я бы хотел пригласить леди Темпест прогуляться со мной и моей сестрой в саду.

— Леди Элен тоже здесь?

— Да, мадам, — ответил он, еще больше приводя в замешательство Темпест, встречаясь глазами с ее настороженным взглядом. — Когда я сообщил ей, что сегодня вечером на балу присутствует ваша дочь, она умоляла меня ее тут же разыскать, чтобы они могли вновь возобновить былое знакомство.

Арабелла искоса смотрела на сестру, но Темпест едва ли могла ответить. Они были знакомы с обеими дочерьми леди Незерли.

Леди Элен была доброй и веселой. Однако их дружба была не настолько близкой, чтобы они продолжили переписываться.

— Естественно, моя дочь с радостью встретиться с леди Элен, — ответила мама, когда почувствовала, что ее старшая дочь колеблется. — Лорд Уаррилоу, вы не против составить нам компанию?

— С радостью, миледи, — поспешно ответил маркиз.

Темпест ощутила обжигающий взгляд лорда Уаррилоу, когда она подала руку лорду Вайнрайту, чтобы тот проводил ее к открытым дверям в сад леди Окстон.

Она не ожидала подвоха, пока не увидела стоящего под одним из фонарей лорда Фейрлэма.

Волосы Темпест отливали бронзой, что стало заметнее, когда отблески мерцающего пламени фонарей заплясали на ее макушке. Лицо хранило невозмутимое выражение, поэтому Матиас не мог понять, рада ли она его

— Значит, это была уловка? — спросила она у лорда Вайнрайта. — Леди Элен здесь нет.

— Моя сестра в комнате, где играют в карты, леди Темпест. Она с радостью с вами поведается, если вы пожелаете к ней присоединиться. — Граф многозначительно посмотрел на приятеля. — Ты знаешь, что делаешь?

— Не волнуйся, Вайнрайт.

— Отлично. Если леди Норгрейв решит поиграть в вист, разбирайся сам. — Граф поклонился и побрел в противоположном направлении.

Матиас предложил леди Темпест свою руку.

— Я подумал, что вам не помешает глоток свежего воздуха.

Темпест колебалась, оглянувшись на открытые двери, через которые она только что вышла в сад. Еще несколько пар наслаждались ночной прохладой. Если она решит сбежать, он не сможет препятствовать ее побегу.

— Это всего лишь прогулка, миледи. Не более того. — Матиас сердито взглянул на девушку. — Если бы я собирался воспользоваться нашей беспомощностью, темные коридоры театра куда лучше послужили бы моим низменным целям

Он добавил в голос некий намек на раздражение, чтобы заставить ее капитулировать.

— Что ж, идемте. — Она взяла его под руку, и он, не теряя времени, повел ее прочь от других парочек.

Все видели, как леди Темпест пошла в сад. Когда леди вернется в зал под руку с Вайнрайтом, никто из присутствующих даже не узнает, что на террасе она сменила спутника.

Факелы были расположены довольно близко к дому и слабо освещали глубину сада. Легкий ветерок после душного бального зала приятно охлаждал кожу.

— Маркрофт здесь? Или в очередной раз оставил вас?

Вопрос явно разозлил девушку.

— Матушка просила Оливера сопровождать нас из театра на бал. Он и не собирался здесь оставаться.

Учитывая все обстоятельства, Матиас понимал, что не следует нападать на ее брата. Маркрофт в глазах сестры наверняка выглядел едва ли не святым, поэтому его нападки должны были встретить с ее стороны яростное сопротивление. Матиас решил сменить тактику.

— Вы уже оправились от приключения?

— Которого? От мычащего пьяницы или от поцелуя?

Матиас усмехнулся, искренне наслаждаясь ее ответом и находчивостью.

— Если бы мне предоставили выбор, я бы предпочел обсудить последнее.

Леди Темпест вздернула подбородок и пошла за ним по дорожке в сад. Боже мой, а девица-то — нахалка. Другая бы лишилась чувств после того, как ее хватал руками страстный воздыхатель.

— А я вообще предпочитаю не обсуждать то, что произошло в театре.

— Отлично, — вздохнул он. — Давайте поговорим о лорде Уаррилоу. Какое отношение он имеет к вашей семье?

— Никакого.

— Никакого, — эхом повторил он. — А сейчас вы говорите не всю правду. Ваша матушка едва ли не бросилась его обнимать, как сына, когда он подошел поздороваться.

Леди Темпест отвернулась, но он успел заметить ее раздражение.

— Отец и лорд Уаррилоу — друзья, — объяснила она, подбирая слова, как будто не желала раскрывать все подробности.

— Уаррилоу недавно унаследовал титул. Готов предположить, что он относится к вашему отцу как к наставнику.

— По-моему, — ответила она, глядя на Матиаса, — отец посоветовал ему найти невесту.

— Ясно, — Матиас ударом ноги отбросил гравий с тропинки.

Ее семья привезла их с сестрой в Лондон в надежде подыскать им титулованных богатых мужей. В конечном счете, его семья будет поступать так же по отношению к его сестрам. Он не мог объяснить, почему этот холодный расчет, повторяющийся из года в год, сейчас показался ему таким отвратительным.

— Значит, вы хотели бы выйти замуж за маркиза?

Она долго, пристально, задумчиво смотрела на него.

— Наверное. Я, если честно, еще об этом не думала. А разве титул имеет значение?

Уаррилоу был старше, и ранее, до того как унаследовал титул, считался уважаемым адвокатом. Земли и богатство, которые перешли вместе с титулом, придали лоск его грубоватым манерам и затушевывали пробелы в образовании.

— Для некоторых да. Это зависит от стремления самой дамы.

— В таком случае, если говорить о стремлениях дамы... разве она бы не выбрала того, кто ищет любовь и уважение?

С тех пор как Матиас уложил в постель первую женщину, он выучил, что женщины — корыстные создания.

— А как же титул и состояние?

Казалось, она даже не замечала циничных ноток в его голосе.

— А теперь вы говорите о стремлениях любого отца. Каждый хочет, чтобы дочь оказалась в надежных руках и была окружена заботой. Вы согласны?

— Ваш батюшка верит, что лорд Уаррилоу вас достоин?

Она остановилась — вопрос не на шутку удивил девушку.

— Вероятно. Хотя сомневаюсь, что отец имел в виду именно меня, когда советовал маркизу представиться моей матушке. — Темпест откашлялась. — Честно говоря, прошлый сезон я провела хуже, чем мои сверстницы. Вполне возможно, что лорду Уаррилоу больше приглянется моя сестра.

Матиас нахмурился, пытаясь унять укол ревности. Неужели она не видит собственных достоинств?

— Я с вами не соглашусь.

Он увидел, что его ответ девушку обрадовал.

— Очень мило с вашей стороны так говорить, но вы меня совсем не знаете, милорд. У меня достаточно таких черт, которые многие джентльмены считают недостатками.

Ни тени сожаления в голосе, просто констатация факта. Матиас погладил ее щеку тыльной стороной ладони.

— Назовите же эти воображаемые недостатки.

Она наморщила носик.

— Их слишком много. Всех не перечислишь. Достаточно сказать, что тому, кто женится на мне, придется быть крайне терпимым.

— Или настолько ослепленным любовью, чтобы не замечать этих недостатков. — Матиас тут же пожалел о сказанном. Он совершенно не хотел ее обидеть.

К его изумлению, леди Темпест засмеялась.

— Если вам знаком такой джентльмен, я даю вам разрешение упомянуть обо мне. Хотя сомневаюсь, что такой существует.

— Вы слишком молоды, чтобы успеть разочароваться в жизни.

— Мне уже двадцать два, лорд Фейрлэм. Я на своем веку достаточно повидала, чтобы понимать: любовь — это снисхождение, и в очень редких случаях — дар. Крестьянин может влюбиться в доярку и жениться, не думая ни о чем, даже вопреки воле родных. Однако дочь маркиза вынуждена быть более практичной.

Леди Темпест поставила его в тупик. Почему девушка не ищет любви? Ее взгляды полны противоречий.

— Значит, вы будете счастливы с любым джентльменом, пока он ценит вас больше своей любимой гончей собаки, — заметил он, не в силах скрывать горечь.

Нет сомнений, что его отец, должно быть, раздумывал над преимуществами от брака с дочерью герцога, но эти мысли не подвигли его искать ее руки. Его отец женился на леди Имоджин Сантер, потому что он влюбился в нее.

Матиас надеялся, что подобное однажды случится и с ним.

Не ведая о его мыслях, Темпест поддразнила:

— А разве дама может соперничать с любимой гончей?

Ее улыбка заставила его нехотя улыбнуться в ответ. Губы скривились в усмешке.

— Прекрасно. Я признаю, что есть джентльмены, которым собака дороже жены.

— Но вы не из таких?

Он медленно покачал головой.

— Я предпочитаю, чтобы в моей постели была женщина.

Леди Темпест не знала, что ответить, просто открыла от изумления рот.

Матиас выругал себя за язык без костей. Слово — не воробей, поэтому он попытался смягчить то впечатление о себе, как о дерзком нахале, которое сам же создал.

— У собак отвратительное дыхание.

Она всплеснула руками и засмеялась, глядя на его попытки.

Воодушевившись, он тут же стал придумывать повод, чтобы снова рассмешить девушку.

— И они слишком волосатые, чтобы с ними целоваться.

— Я поверю вам на слово, — сказала она, с каждым поворотом дорожки становясь все больше расслабленной. Посыпанные гравием тропинки сада были проложены по периметру огромного прямоугольника, который пересекали более короткие тропки для тех, кто предпочитает недолгие прогулки. Если они будут обходить сад по прямой, в конечном итоге вернутся назад на террасу.

Матиас вынудил Темпест повернуть еще раз. Будь его воля, их прогулка по освещенному факелами саду стала бы бесконечной.

— Ваша семья поддерживает дружеские отношения с лордом и леди Окстон?

Обрадовавшись, что их разговор перешел от Уаррилоу и брака на другую тему, он пожал плечами.

— Граф с графиней несколько раз посещали балы моей матушки. А ваши?

— Отец ездит с лордом Окстоном поохотиться. Они часто останавливаются в охотничьем домике графа на севере.

Он не переставал удивляться, сколько у их семей общих знакомых, однако, несмотря на это, семьи Рук и Брант редко оказывались в одном зале.

В стене из живой изгороди обнаружился небольшой альков, и только Матиас хотел предложить леди Темпест присесть, как к своему величайшему изумлению заметил, что мраморная скамья занята. Мужчина с женщиной слились в объятиях и забылись поцелуем, никого не замечая вокруг. Услышав негромкое восклицание своей спутницы, он обернулся, чтобы посмотреть на ее реакцию. Вместо смущения или оскорбленных чувств, дама смотрела на целующуюся парочку с любопытством и удивлением. Их взгляды встретились, Темпест улыбнулась.

Матиас обхватил ее рукой за талию и притянул к себе. Она прикрыла ладошкой рот, сдерживая смех. Они не проронили ни слова, пока не убедились, что парочка не заметила их присутствия.

Как только они отошли на безопасное расстояние, леди Темпест убрала руку и захихикала.

— По-моему, я узнала даму.

— Неужели? — произнес он, когда они обходили большой фонтан.

Она кивнула, а Матиасу захотелось заключить ее в свои объятия и целовать до тех пор, пока дерзкое выражение на ее лице не сменится на иное, на исполненное желания.

— А тот джентльмен вовсе не ее жених.

Должно быть, леди Темпест почувствовала его намерения, потому что ускорила шаг и оказалась вне пределов досягаемости.

— А вы, милорд? Вы именно за мной последовали на бал Окстонов?

— А если и так?

— Не следовало это делать, лорд Фейрлэм.

— Раньше ты называл меня Шанс. Ничего не мешает нам отбросить все формальности.

— Ничего? — Она воздела руки к небу, как будто призывая в свидетели небеса. — Одной вашей фамилии достаточно для соблюдения всех без исключения формальностей. Я даже разговаривать с вами не должна.

— И целовать.

Но когда он приблизился к ней, она увернулась.

— Довольно! — Темпест отвела взгляд и облизала губы. — Вы просили о благодарности. Мне следовало вам отказать.

— И все же не отказали, — пробормотал он, поднял пальцем ее подбородок, чтобы она посмотрела ему в глаза. — А если я хочу, чтобы вы еще раз меня поцеловали, даже несмотря на то, что наш первый поцелуй был просто ужасен?

Леди Темпест была настолько встревожена его близостью, что не сразу поняла, что он сказал. Ее живые карие глаза округлились, потом прищурились, напомнив ему, что она является сестрой того джентльмена, который с радостью пристрелит Матиаса, если она попросит.

— Что вы сказали?

— Возможно, «ужасный» — слишком сильно сказано, — поправился Матиас, понимая, что играет с огнем, когда дразнит ее. Но он не мог устоять и не посмаковать ее негодование. — Наверное, это ваш первый поцелуй, а в первый раз ни у кого не выходит.

— Он еще говорит: «ужасный», — пробормотала она себе под нос. — Мой первый поцелуй! Да будет вам известно, что я перецеловала десятки джентльменов, и ни один из них ни разу не жаловался, вы, надменный идиот!

Делая вид, что расстроен, он недоверчиво покачал головой.

— Ложь — это грех, разве вы не знали? Если вам нужно с кем-то попрактиковаться, с удовольствием предложу вам свою кандидатуру.

Леди Темпест закатила глаза и пошла прочь, даже не удосужившись ответить.

Усмехаясь себе под нос, он последовал за спутницей.

— Ах, оставьте, леди Темпест! Вы же не злитесь из-за ничего не значащего поцелуя. Поцелуя, который, должен я добавить, вы всеми силами пытались испортить.

Забыв, что решила с ним не разговаривать, она ответила:

— Я не делала ничего подобного, лорд Фейрлэм.

Матиас ухватил ее за руку, призывая остановиться.

— Дама, которая перецеловала с десятков мужчин, была бы более сведуща в поцелуях. — Он наклонился, их лбы почти соприкасались. — Признайтесь, вы боялись меня поцеловать, потому что я ношу фамилию Рук. Боялись, что вам может это понравиться. — Он развел указательный и большой палец. — Хотя бы чуть-чуть.

— Не будьте смешным. Неужели вам не приходило в голову, что я просто не хотела вас целовать? — прошипела леди Темпест, высвобождая руку. Она потерла то место, где он ее хватал. — Или у вас настолько раздутое самомнение, что вы верите, что все дамы только и жаждут с вами поцеловаться?

— Я в это не верю — я это твердо знаю. — Он подошел к ней угрожающе близко. — Вы меня боитесь.

— Нет!

— Боитесь, — спокойно продолжал он. — В тот день на берегу реки... вы это почувствовали. Между нами возникло понимание. Симпатия. Даже Сент-Лион с Торном это заметили.

— Ошибаетесь! — прошептала она.

— А потом вы меня поцеловали, — продолжал он, не обращая внимания на ее протест. — Целомудренным. Коротким. Мучительно трогательным поцелуем.

Леди Темпест зажала рот рукой, пытаясь заглушить что-то среднее между всхлипом и смехом.

Матиас обхватил пальцами ее изящное запястье, убрал ее ладонь ото рта.

— И тем не менее этом невинный поспешный поцелуй поразил меня, словно разряд молнии. Он проник сквозь мою кожу, пронзил мышцы и кости, коснулся моей души.

Она бы отшатнулась назад, если бы он не удерживал ее за руку.

— Это какая-то шутка, да? Вы же не можете серьезно говорить...

— Неужели вы искренне полагаете, что вы единственная, кому есть что терять? — Он сердито взглянул на девушку. — Я люблю своего отца. Я предан своей семье. Я мог бы ухаживать за любой женщиной в Лондоне, а я здесь, беседую с врагом моего отца.

— Я вашему отцу не враг, — сквозь зубы выдавила она.

— И я вам тоже, леди Темпест, — холодно ответил он. — И тем не менее имеются трудности, вы согласны?

Они с Матиасом смерили друг другом взглядом, оба ощущали то притяжение, которое она упрямо отказывалась признавать. Он приехал за ней к Окстонам не ссориться, но не мог сдержать сожаление.

— Трудности возникнут тогда, когда мы захотим сближения, — наконец произнесла она. — Если мы будем держаться подальше друг от друга...

Матиас заставил ее замолчать, накрыв ее рот поцелуем. Ранее она растоптала его поспешным поцелуем, а сейчас он покажет ей глубину своей страсти. Он завладел ее губами, вдыхал ее запах, как будто вкус ее губ и ее запах — первостепенное условие его существования.

— Открой рот, — пробормотал он, покрывая мелкими поцелуями ее податливые губы.

К его изумлению, леди Темпест послушалась. Он провел языком по ее губам, скользнул внутрь. Она застонала, когда кончик его языка осторожно коснулся ее языка, и подалась вперед. На несколько минут он потерялся в соблазнительной дуэли, наслаждаясь вкусом ее губ.

Как только он перестал ее целовать, она тут же распахнула глаза. Она понятия не имела, насколько сейчас красива. Ее карие глаза потемнели и светились желанием, губы покраснели и чуть распухли от поцелуя.

— Шанс, — протянула она, задумчиво глядя ему в лицо, как будто действительно увидела его впервые.

— А ты очень опасная женщина, Темпест, — прошептал он, вновь целуя ее, потому что знал, что она его не оттолкнет. — К счастью, я люблю играть с огнем.

— Но...

Матиас вновь поцеловал ее, чтобы заставить замолчать.

— Тихо-тихо. Я не прошу ни о чем, просто позволь мне провести с тобой немного времени.

Карие глаза, затуманенные страстью, которую он в ней разжег, прояснились.

— Ты просишь о невозможном. Моя семья...

— Наших семей, — поправил он, давая ей понять, что не одна она рискует, — это не касается. Мы могли бы стать друзьями. Кому из них будет от этого плохо?

Она внимательно изучала выражение его лица в темноте.

— Вы этого от меня хотите? Чтобы мы стали друзьями?

Матиас не пытался понять, что сейчас чувствует. Не хотел говорить, чего хочет от нее, прежде чем их дорожки разойдутся.

— Тебе будет легче, если я назову нас дружелюбными врагами?

— Нет. — Она отошла от него. — Это лишь напоминает мне, что нас ждет, если моя семья застанет нас вместе.

Матиас был уверен, что справится и с Маркрофтом, и с ее отцом, если они решат вмешаться.

Он переплел свои пальцы с пальцами девушки.

— Тогда мы должны приложить максимум усилий, чтобы нас не застали.

Темпест подавила острое желание закричать, когда открыла дверь в библиотеку и столкнулась с незнакомым мужчиной.

— Да что б вас! Нельзя так пугать людей! — выругался, обходя девушку, пожилой джентльмен, борода и брови которого были намного гуще шевелюры на голове. — У меня же сердце слабое.

— Прошу прощения, сэра. — Она сделала реверанс и стала боком, давая ему пройти. — Меня не предупредили, что у отца посетитель.

— Темпест, это ты?

— Да, папа, — отозвалась она и вновь повернулась к старику, на которого едва не налетела. — Я...

Темпест лишь заметила скрывшуюся за закрытой дверью спину. Она вошла в комнату, посмотрела направо. Отец ставил на полку какую-то книгу. Он распахнул объятия, девушка тут же поспешила обнять отца. Она зарылась лицом в его сюртук, ощутив знакомый груз его объятий.

— Добрый день, папа, — поздоровалась она, ощущая умиротворение от его запаха и теплоты... Надеюсь, я не нарушила ничего важного.

— Ты о Маллори говоришь? Нет-нет, он просто по моей просьбе привез кое-какие бумаги. — Я слышал, вечер у тебя был полон приключений.

У девушки все сжалось внутри, и мысли тут же сосредоточились на Шансе. Она заставила себя расслабиться. Абсурд, право слово! Отец никак не мог узнать о ее прогулке с лордом Фейрлэмом и их поцелуе при свете факелов.

— Ты о чем? О том, что оказалась в экипаже с Оливером? Об ужасной давке в театре, что мне пришлось весь вечер простоять в глубине ложи и пропустить все представление? Или о бале у лорда и леди Окстон?

Маркиз пощипывал свой подбородок.

— Ты выглядишь вполне довольной, несмотря на все несчастья.

Темпест последовала за отцом к письменному столу. Села на одно из стоящих рядом кресел.

— Я же твоя дочь. Меня такими пустяками не проймешь.

Он нацепил очки и быстро просмотрел какое-то письмо, прежде чем отложить его в сторону. Посмотрел поверх оправы.

— Честно говоря, я имел в виду лорда Уаррилоу. Ваша мама утверждает, что он настоял на том, чтобы быть вам представленным.

— Дай-ка угадаю... быть представленным по твоему совету, — поддразнила она.

Беззастенчивая улыбка отца дальнейших комментариев не потребовала.

— Я так и догадалась. Думаю, мать сказала тебе, что маркиз — истинный джентльмен. Он немного польстил матушке.

— Чем явно завоевал ее расположение, — пробормотал лорд Норгрейв.

Удивленная беспечным поведением своего отца, Темпест ответила:

— Лорд Уаррилоу кажется очень приятным человеком. Настолько приятным, что я предвижу, как каждая матрона, у которой есть дочь на выданье, обязательно пригласит его заглянуть к ним на огонек.

— И эти приглашения он мог бы проигнорировать, если бы я имел основания заверить молодого человека, что он желанный человек в нашем доме.

— Я не могу говорить за Арабеллу...

— Я не спрашиваю тебя о мнении твоей сестры. Хотелось бы услышать, что думаешь ты.

— Лорд Уаррилоу оставил приятное впечатление, папа, — искренне ответила Темпест. — У нас было мало возможности пообщаться с ним во время танца, но его намерения найти себе этой весной невесту показались довольно честными, поэтому ничуть не сомневаюсь, что мы с Арабеллой попали в список перспективных кандидаток.

Лорд Норгрейв снял очки для чтения.

— Благодаря моей дружбе с Уаррилоу вы с сестрой занимаете первые строки этого списка.

Темпест совсем не удивилась, услышав эту новость, и все же сердце ухнуло вниз. В прошлом году отец приложил немало усилий, чтобы она возглавила список невест для лорда Райнхарта. Результаты оказались ничтожными.

— Что? Нечего сказать? Ни слова благодарности любимому папочке?

— Разумеется, я очень благодарна, папа, — начала она.

— Слава богу, ты не вздумала спорить со мной. После того, что произошло с лордом Райнхартом.

— В лорде Райнхарте все и дело! — возразила она, но смелость ее поколебалась, когда она заметила суровый взгляд отца. — Чужому сердцу не прикажешь. Уаррилоу не женится на мне только потому, что ты так хочешь.

— Это ты так думаешь? — Он откинулся на спинку кресла и пристально взгляделся в дочь. — И поэтому решила прогуляться по саду с Вайнрайтом?

Откуда он узнал о ее прогулке в саду Окстонов? Мама рассказала? Темпест нахмурилась. Когда лорд Вайнрайт приглашал ее прогуляться, он сказал матери, что на прогулку пригласила его сестра, леди Элен. После прогулки с Шансом граф сдержал свое обещание и проводил ее к своей сестре. Они мило пообщались с молодой женщиной, которая понятия не имела об их с лордом Фейрлэмом затеях. Однако если отец знает, что она гуляла в глубине сада, значит, за ними кто-то следил?

Что еще увидел эта ищейка?

— А ты отлично информирован. Прогулка — не больше чем небольшая экскурсия, чтобы я смогла оценить красоты сада Окстонов.

— Если надеялась привлечь внимание джентльмена, я не советовал бы тебе Вайнрайта. За ним числятся мерзкие поступки.

— Ой! — Темпест поджала губы, как будто размышляя над сказанным. — Я бы сказала, что его манеры были безупречны.

«Да уж, если не обращать внимания на то, что граф обманул ее мать и передал ее в руки сыну врага ее отца. В таком свете лорд Вайнрайт — чрезвычайно безнравственный человек».

— К тому же я не строю в отношении графа никаких планов. Отец одобрительно посмотрел на дочь.

— Вот и прекрасно! Вайнрайт слишком дорожит своей свободой, чтобы искать жену, а влияние семьи на сына уменьшилось, с тех пор как лорд Незерли отошел от городской жизни.

В прошлом году Темпест слышала о трагической утрате лорда и леди Незерли: они

потеряли не одного, а сразу двух сыновей. Она знала, что лорд Незерли безутешен, что нынешний его наследник приносит лишь разочарование. Хотя это всего лишь сплетни. А любые разговоры — это смесь правды и вымысла. Но подобные вещи не имели для ее отца никакого значения. Он оценивал перспективы зятя с точки зрения того веса в обществе, которые имеет его семья, и той выгоды, которую он сможет получить от этого союза.

Кто-то мог бы посчитать его бессердечным, но отцу было только на руку, поскольку к женитьбе на ее матери он подошел с той же меркой.

— Наш разговор с леди Элен не касался ни ее брата, ни ее семьи. Обычный обмен любезностями, — сказала она, чуть приподнявшись с места. — Достаточно сказать, что лорд Уаррилоу поступил так, как ты его просил.

— Даешь слово, что не станешь смущать молодого маркиза?

— Помилуй бог! — Темпест перегнулась через стол и поцеловала отца в щеку. — Не стану тебя задерживать. Скоро Херриет придет, мне нужно переодеться перед выходом.

— А чем вы с кузиной намерены сегодня заняться? — поинтересовался он, вставая и провожая ее до двери.

— Пройдемся по магазинам, пока я буду выполнять несколько матушкиных поручений, — ответила она, ее внимание уже переключилось на платье, которое она намеревалась надеть. Она помахала рукой и направилась к парадной лестнице.

Лорд Норгрейв со снисходительной улыбкой смотрел, как его старшая дочь что-то бормочет себе под нос о погоде и платьях. Милая, добрая девочка, которая не хочет разочаровать его в этом сезоне. Он намерен убедиться, что ничто не испортит его планов выдать Темпест замуж за Уаррилоу.

— Она призналась, что они были с лордом Вайнрайтом в саду? Темпест уже скрылась из виду, но маркиз не смог сдержаться и осуждающе посмотрел на жену.

— Она все объяснила. — Заметив на лице супруги сомнение, он добавил: — Девочка не склонна к обману. В отличие от ее матери.

— Или ее отца, — резко ответила Шарлотта.

Норгрейв коротко кивнул головой.

— Займись своим делом, жена. Уаррилоу уже созрел. Я выдам за него одну из своих дочерей.

Его жена нахмурилась от такого откровения.

— Я думала, ты сватаешь за него Темпест.

— Естественно, я возлагаю на нее больше надежд, поскольку она старшая, — признался он. — Однако фиаско с Райнхартом показало, что полезно иметь не одну дочь, а больше.

— Какой мудрый подход! — негромко усмехнулась она, делая реверанс. — Ты все предусмотрел.

Шарлотта его провоцировала, но он сдержался и не стал наказывать ее за дерзость.

— Я поступаю так, как должно отцу.

— Совсем не так ты собирался провести этот день.

Матиас пожал плечами в ответ на слова матери — не отрицая, но и не подтверждая их. Он сидел рядом со своей сестрой Мерси напротив матери и Онор в четырехместном ландо. Он как раз завтракал, когда получил записку, в которой герцогиня просила сына поехать с ней и младшими сестрами по магазинам. Ради матери он отменил все свои встречи.

— Но отчего я буду отказывать себе в удовольствии провести день в компании трех

самых красивых женщин в Лондоне? — ответил он и пощекотал пятнадцатилетнюю сестру под подбородком. Девушка захихикала. — Если бы ты не прислала записку, мне пришлось бы искать причину, чтобы нанести вам визит.

— Нет нужды искать причину, чтобы повидаться с семьей, Матиас, — ответила герцогиня, в темно-синих глазах которой светилось изумление: она отлично понимала, что старший сын намеренно льстит ей. — Ты и твои друзья — всегда желанные гости.

— Еще одна причина, почему мои друзья просто от тебя без ума, — поддразнил он. — Если бы ты была не замужем, боюсь, мне пришлось бы драться с Сент-Лионом и Рейнбо, чтобы защитить твою честь.

— Шанс! — вздохнула герцогиня, хотя было очевидно, что она ничуть не обиделась.

Онор закатила глаза и отвернулась к окну, чтобы наблюдать за проходящими мимо пешеходами. Ландо передвигалось медленно, потому что с одной повозки выпали несколько бочек и заблокировали часть дороги.

Мерси дернула его за руку. Матиас повернулся к сестре и удивился, как сильно она похожа на их мать.

— А что Сент-Лион и принц хотят от мамы?

Герцогиня засмеялась, заметив, что смутившийся сын не может ответить на вопрос сестры.

— Ой нет, мой мальчик, сам выкручивайся, — сказала она в ответ на его молчаливую мольбу о помощи.

— Я просто пошутил, Златовласка, — произнес он, употребив давно закрепившееся ласковое прозвище: волосы Мерси отливали мягкими медово-золотистыми оттенками. — Наша матушка такая красивая, что каждый джентльмен, который ее видит, тут же в нее влюбляется.

Герцогиня ткнула его зонтом в ногу.

— Ты когда-нибудь устаешь болтать?

— Посмотри, что ты наделал! Ты заставил маму краснеть, — воскликнула Мерси, наслаждаясь перепалкой между матерью и сыном. — Хотя если принц не может жениться на маме, в таком случае придется мне выходить за него. В конечном итоге из меня вышла бы отличная принцесса.

— Принц Гальен никогда не женится на ребенке, — сказала Онор, нанося сокрушительный удар по амбициям сестры, даже не глядя в ее сторону. — Кроме того, он же старый!

— Никакой он не старый! — возразила Мерси, ссутулившись и скрестив руки на груди. — И я уже не ребенок. Через несколько лет мы с принцем могли бы пожениться, а тебе тогда пришлось бы кланяться, когда я буду входить в комнату.

Взбешенная уже одной этой мыслью, Онор прищурила сероголубые глаза и сердито посмотрела на сестру.

— Ты никогда не выйдешь замуж за принца, поэтому мне никогда не придется делать перед тобой реверансы. Никогда!

— Онор, Мерси! Я уже достаточно наслушалась от вас обеих, — резко оборвала дочерей герцогиня. — Онор, я хочу, чтобы ты не забывала о своих манерах... а ты, Мерси, оставь свои надежды выйти замуж за Рейнбо. Этот джентльмен слишком стар для тебя.

— Почему это? Папа на семь лет старше тебя, однако ж тебе разрешили выйти за него замуж, — возразила Мерси с горячностью ребенка, который не принимает отказов. — А

принц старше меня всего на шесть лет.

Герцогине нечего было ответить на возражение дочери. К ее чести стоит сказать, что она быстро справилась с растерянностью.

— Возраст тут не имеет значения. Даже если бы вы с Рейнбо были ровесниками, он все равно был бы старше тебя.

— Но мама...

— Все! Сменим тему, — она смерила взглядом троих своих детей. — Я ясно выразилась?

Матиас поморщился, когда сестры обменялись сердитыми взглядами. Матушка права. Рейнбо — негодяй, недостойный его сестер. Ему стоит предупредить Рейнбо о далеко идущих планах Мерси. Все эти годы его приятель только и дразнил девчонок, как будто они были его собственными сестрами, но у Мерси явно возникло к принцу чувство. Он перехватил несколько неодобрительный взгляд матери и заметил покрасневшие щеки.

— Наверное, вы на солнце перегрелись?

— Ты истинный сын своего отца, — ответила его матушка. — Тебе ничего не стоит очаровать или вызвать раздражение у женщин любого возраста. Я уже почти жалею тех молодых женщин, которые в этом сезоне вызовут твой интерес.

— Почти? — Он изумленно приподнял бровь.

— Я же твоя мать, — сухо ответила она. — Хотя ради своих будущих внуков, лучше было, чтобы ты все-таки женился на их матери.

— Ты меня простишь, если на поиски подобного бриллианта у меня уйдет несколько лет? — спросил он, отдавая должное ее уму. — Если хочешь примерить роль свахи, можешь подумать над тем, чтобы найти хорошую женщину для Торна. Он кажется потерянным, когда рядом нет брата-близнеца.

Выражение матушкиного лица смягчилось, когда он упомянул своих кузенов.

— Уже прошло восемь месяцев с тех пор, как я получила от Гидеона письмо. Молюсь о том, чтобы он чаще писал своему брату.

— Сомневаюсь, — признался он. — Торн не жалуется, но я могу поклясться, что с каждым годом у него портится характер. Откровенно говоря, я...

Его мысли отвлекла дама в платье из французского батиста с накидкой в голубую и белую клетку. Шляпка из итальянской соломки скрывала лицо, но было в этой женщине что-то знакомое. Если бы не затор на дороге, их ландо уже давно бы миновало женщину и ее спутниц и Матиас смог бы разгадать, кто же эта незнакомка.

Дама, вызвавшая его любопытство, оглянулась через плечо, и Матиас узнал леди Темпест. Девушка была не одна. Их небольшая компания состояла из наставницы девушек, еще одной дамы и лакея. Он заметил, как эту четверку догнали еще двое джентльменов и дама. Леди Темпест обняла молодую женщину и, казалось, искренне обрадовалась встрече.

«Кто, черт побери, эти двое джентльменов?»

— Матиас, — негромко позвала его мама. Он повернулся к маме и улыбнулся. — Ты хотел что-то сказать.

— Что? Прошу прощения, — извинился он, борясь с искушением взглянуть в сторону леди Темпест. — Я уже забыл, о чем говорил.

— Шанс засмотрелся на дамочек, — выболтала Онор, проследив за взглядом брата. — Хотя должна заметить, что вкус у него становится лучше. Кем бы они ни были, за эти платья заплачено целое состояние.

— Ничего я не засмотрелся, — вяло запротестовал Матиас в ответ на вопросительный мамин взгляд. — Точнее сказать, не на дам. Один джентльмен, который беседует с дамами, показался мне знакомым. Наверное, мы встречались где-то в клубе.

Когда мать и сестры повернули головы, чтобы получше разглядеть джентльмена, который показался ему знакомым, Матиас мысленно застонал. Он сомневался, что матушка узнает леди Темпест, но не хотел проверять это предположение.

— Онор, рот закрой, — отрезал Матиас, — а то муху проглотишь! — Он постучал тростью о сиденье, чтобы привлечь внимание кучера. — Мы сможем как-то объехать этот затор? Или придется высаживаться?

Кучер пришпорил лошадей.

— Все будет отлично, милорд. Не волнуйтесь.

Он тайком взглянул на леди Темпест, когда их ландо проезжало мимо нее и ее друзей, но девушка его присутствия не заметила. После поцелуя в саду Окстонов он раздумывал над тем, когда же увидит ее снова, не привлекая внимания ни ее брата, ни остальных членов семьи.

Матиас улыбнулся матери.

«И моей тоже».

Уходя под руку с лордом Вайнрайтом, леди Темпест, похоже, не особо желала встречаться с ним.

И тем не менее она его поцеловала. И ей понравилось. Если представится возможность, он снова ее поцелует.

— У тебя появился новый воздыхатель, — прошептала Херриет ей на ухо.

Темпест усмехнулась, принимая небольшой бумажный пакет, в котором оказались несколько пар перчаток и веер, который она купила, поддавшись сиюминутному порыву. Леди Херриет Каспвелл была на год старше Темпест и приходилась ей дальней родственницей. А еще она считала себя экспертом во всем, что связано с сильным полом — она выросла с четырьмя старшими братьями и совсем недавно обручилась с лордом Медели.

— Молю, скажи, что твоего поклонника отличает верное сердце! — поддразнила Темпест, зная, что молодой граф без ума от своей невесты. Она была уверена, что после того, как ее сестра приняла предложение руки и сердца, эта парочка тут же направилась бы на север, в Гретна-Грин, если бы мать Херриет не настояла на том, что венчание должно состояться в соборе Святого Георга.

Херриет была вполне уверена в себе и чувствах любящего ее джентльмена, поэтому она игриво подтолкнула сестру локтем. На улице девушек уже ждали лорд Мед ели, его сестра и лорд Чандлер.

— Знаешь, я тут разузнала кое-что о виконте. Он, сестрица, кроме тебя, никого вокруг не видит.

Темпест нечего было возразить, поскольку джентльмен, которого они обсуждали, действительно не сводил с них глаз. Ее ровесник, Энтони Уоррен, виконт Чандлер, был наследником графа Эйра. Отец Темпест был не слишком высокого мнения о лорде Эйре и не рассматривал кандидатуру его сына в качестве зятя, считая, что тот слишком молод и слаб для его дочери. Темпест сомневалась, что за год мнение ее отца изменилось, но виконт был дьявольски привлекателен и его интерес не мог ей не льстить.

— Бедняжка леди Джоана, — прошептала Херриет жалостливым голосом. — Невооруженным взглядом заметно, что она обожает лорда Чандлера, и твое присутствие ее явно пугает.

— Я всегда была с ней предельно учтива, — возразила Темпест.

— Она боится, что ты уведешь ее любимого виконта. И только поэтому она отказалась присоединиться к нам. Жалко смотреть, как она глупо улыбается и караулит его, подобно верной собаке.

— Не будь жестокой, Херриет, — ответила Темпест, старательно улыбаясь, чтобы ждущая их компания не догадалась, кого именно они обсуждали. — Ты нашла свою настоящую любовь, и он ответил взаимностью. Не всем нам так везет.

— Если сейчас ты намекаешь на себя и Райнхарта, твое возражение лишено смысла, — прошипела кузина сквозь зубы, продолжая улыбаться графу.

— Почему это?

Даже не глядя на Темпест, Херриет вздернула подбородок.

— В Райнхарта была влюблена не ты, а твой отец.

Это заявление было настолько шокирующим, что Темпест не выдержала и засмеялась.

— Поделитесь, что вас так насмешило, — произнес лорд Чандлер, непринужденно забирая у нее из рук пакет. Подобная непрощенная любезность вызвала недовольство со стороны Джоаны.

Темпест взглянула на кузину, и обе тут же захихикали. Темпест покачала головой.

— Моя сестра обожает дразнить тех, кого любит. Лорд Меде-ли, примите мое сочувствие.

Двадцативосьмилетний граф был не так красив, как виконт, но у него были живые, добрые и красивые голубые глаза, в которых светилась искренняя любовь, когда он смотрел на Херриет.

— Я с нетерпением жду того дня, когда смогу каждый день слышать ее смех. Наверное, придется нам все-таки сбежать, любимая.

И пока Херриет в очередной раз объясняла ему, насколько сильно расстроится ее семья, если они сбегут в Шотландию и там поженятся, Темпест обменивалась сочувствующими взглядами с лордом Чандлером. Нет ничего более прекрасного и в то же время более утомительного, чем влюбленная пара.

Виконт сунул пакет под мышку и предложил даме опереться на свой локоть.

— И куда же мы держим путь далее, леди Темпест? Командуйте, я в вашем распоряжении.

— Я бы хотела заглянуть еще в книжную лавку, — раздраженно произнесла у них за спиной леди Джоана.

Деревянные тротуары были слишком узкими, в толпе было непросто пройти даже вдвоем — иначе Темпест обязательно предложила бы леди Джоане идти с ней под руку.

— Какая неожиданность! Я бы тоже с удовольствием заглянула в книжную лавку, — воскликнула Темпест, поворачиваясь и улыбаясь сердитой леди Джоане.

Нечто сродни ненависти мелькнуло в глазах леди Джоаны. Темпест отвернулась. У нее не было причин недолюбливать будущую золовку Херриет, но дружелюбие той мгновенно улетучилось, как только Джоана поняла, что ей придется сражаться за внимание виконта.

— О, вы высоко цените написанное слово! — заметил лорд Чандлер, не замечая возникшего между Темпест и леди Джоаной напряжения. И его следующие слова послужили лишь подтверждением этому: — И в этом мы тоже с вами похожи.

Матиас раздраженно спрятал часы в карман жилета. Он стоял у входа в ателье, пока его мать и сестры восхищались новейшими модными фасонами и тканями. Интерес Шанса к женскому наряду всегда ограничивался только тем, насколько быстро он сможет избавить даму от указанного наряда. Поэтому он заявил, что подождет семейство на улице. К тому же, таким образом лорд Фейрлэм мог отслеживать перемещение леди Темпест.

— Ну, вот и мы! — радостно сказала герцогиня. В руках лакея, следовавшего за его сестрами, было несколько больших коробок. — Заскучал?

— Вовсе нет, — ответил Матиас, предлагая матери руку. — Полагаю, что теперь нам следовало бы заглянуть в книжную лавку.

— И давно ты увлекся чтением? — напрямик поинтересовалась Онор.

— Я занят умственным трудом, — ответил Матиас, пытаясь не оправдываться в ответ на недоверчивый взгляд сестры. — Я признаю, что у меня не хватает терпения читать романы, подобно тому романтическому бреду, который совсем недавно опубликовала леди Каролина Лэм². Однако я все же иногда нахожу минутку другую, чтобы почитать.

— Никто не может с уверенностью сказать, кто издал «Гленар-ван», — дипломатично заметила герцогиня, хотя трехтомный роман наделал шуму в светских кругах.

Когда они перешли на другую сторону улицы, Матиас ответил:

— Матушка, всем прекрасно известно, кто автор этих чертовых книг. И поэтому никто

не удивился, что леди дождалась, пока Байрон покинет Англию, прежде чем решилась опубликовать их.

Онор захихикала.

— Мне очень нравятся произведения лорда Байрона. Наверное, мне стоит прочесть и «Гленарван».

— Ни в коем случае! — отрезала герцогиня. Губы ее дрожали, когда она пыталась сдержать улыбку, не сводя взгляда с Матиаса. — Мальчик мой, вечно ты проказничаешь! Онор, Мерси, пойдемте, девочки. Посмотрим, что менее скандальное мы сможем здесь найти для чтения.

Ее светлость и его сестры направились в лавку, а сам Матиас задержался у входа. Он не хотел, чтобы было заметно, что он разыскивает леди Темпест. Ведь он не испытывал ни малейшего желания напугать даму своим присутствием.

Вот оно!

У него перехватило дыхание, когда его мать с сестрами приблизились к леди Темпест. Герцогиня о чем-то тихо переговаривалась с Мерси, при этом его мать с двумя сестрами неотвратимо приближались к дочери Норгрейва. Леди Темпест оторвалась от книги в руках, в ее глазах мелькнуло лишь легкое любопытство, не более, и потом девушка вновь углубилась в чтение.

Она стояла чуть поодаль от двух своих спутников. Присмотревшись, Матиас узнал джентльмена. Лорд Чандлер. Он стоял, слегка склонив голову, и слушал находящуюся рядом даму, но все его внимание было сосредоточено исключительно на леди Темпест. Матиас гадал: а известно ли самой Темпест, что виконт в нее влюблен? С изумлением Матиас заметил, что спутница

Чандлера прекрасно видит его увлеченность и несколько этому не рада.

Вторая парочка отделилась от своих друзей. Джентльменом оказался лорд Медели. Кто-то даже заключил пари, что граф и его любимая, леди Херриет Каспвелл, не дождутся даты свадьбы, которую назначила семья девушки. Судя по их влюбленным взглядам, Матиас не сказал бы, что граф хочет избежать женитьбы. Маркиз был настолько уверен, что свадьба состоится, что сам готов был держать пари при следующем визите в клуб.

Продолжая следить за передвижениями своей семьи, леди Темпест и ее друзей, Матиас взял какую-то книгу и, как ни в чем не бывало, стал прогуливаться по магазину. Он направлялся к девушке окольными путями. Он останавливался у всех столов, изображал неподдельный интерес к разным книгам, намеренно не поворачиваясь лицом к леди Темпест, чтобы она раньше времени его не узнала — а тогда уже будет поздно избежать встречи. К тому же ему не хотелось, чтобы мать с сестрами догадались, что его в эту лавку привлекло что-то большее, нежели любовь к литературе.

Леди Темпест ощутила его присутствие в тот момент, когда он наконец встал прямо напротив нее у прилавка с книгами, которые она рассматривала. Девушка удивленно распахнула глаза, потом подозрительно прищурилась, заметив его усмешку. Заметив ее поспешный взгляд в сторону лорда Чандлера, Матиас тоже прищурился.

Неужели ее волнует мнение Чандлера? Вероятно, Матиасу следует дать ей повод волноваться из-за того, что подумает он сам!

Матиас обошел стол и встал рядом с леди Темпест.

Держа одну книгу в руке, он свободной рукой взял еще одну, прочел корешок.

— Скучала по мне, дорогая?

— Что ты здесь делаешь? — И, не давая ему возможности ответить, она продолжила: — Ты что, меня преследуешь?

— Разумеется, нет, — отрезал он, что отчасти было правдой. Пусть даже он и последовал за ней в книжную лавку, встретить ее сегодня днем маркиз никак не ожидал. — Я сопровождаю маму и сестер по магазинам.

Леди Темпест покачнулась, и Матиас на секунду испугался, что она сейчас лишится чувств.

— Боже мой! Здесь твоя мать! — прошептала она: новость явно привела ее в смятение.

Он напрягся, готовый схватить ее, если она попытается сбежать.

— Успокойся, дорогая. Если ты сбежишь, то только привлечешь к нам нежелательное внимание.

Темпест захлопнула книгу, которую читала, и взяла со стола другую.

— Ты должен найти предлог и покинуть магазин.

— Герцогиня собирается приобрести книгу. Я не могу разочаровать ее и убедить в том, что нам стоит немедленно уйти.

— Я здесь не одна. — Она отошла от него подальше.

Матиас немного помедлил, но потом вновь приблизился к девушке.

— Ты сейчас имеешь в виду лорда Чандлера? — Он повернулся таким образом, чтобы смотреть в противоположную сторону. — Он не сводит с нас глаз.

— Еще одна причина держаться от меня подальше, — прошипела она себе под нос.

— Когда мы сможем встретиться? — неожиданно спросил он.

Когда Матиас входил в лавку, никаких планов, кроме того чтобы полюбоваться леди Темпест из противоположного угла комнаты, у него не было. Если представится возможность, он не прочь был с ней поговорить. Присутствие виконта и его неподдельный интерес к даме подтолкнули Матиаса к более решительным действиям.

— Нам нельзя встречаться, — прямо ответила она и перешла к другому прилавку.

Через пару минут они стояли спиной друг к другу.

— Это невозможно, — прошептала она.

— Ерунда! — возразил Матиас. Он огляделся в поисках матери и заметил, что она за ним наблюдает. И на лице герцогини застыло недоумение. Он кивнул, давая понять, что заметил ее взгляд, улыбнулся и поднял руку. — Я люблю трудности.

— Нашли что-то интересное? — поинтересовался лорд Чандлер, положив своим приближением конец беседе леди Темпест и Матиаса.

— Пока еще не решила, — ответила она.

Матиас отошел, не в состоянии решить, относятся ли его слова к нему, или она честно ответила виконту. Посмотрел на книгу, которую держал в руках, и неожиданно усмехнулся, когда заметил название. «Отличный выбор», — подумал он и пошел искать продавца.

Через пять минут он вернулся к матери и сестрам. Кивнул на книги, которые держала герцогиня.

— Уже выбрали? Можем идти?

— Да, думаю, что да, — ответила мама, протягивая ему книги. — Я заметила, что ты нашел красавицу, чтобы приятно провести время, ожидая, пока я что-то подберу.

— Неужели? — весело произнес он. — Зачем мне красотки, если я сопровождаю самую красивую женщину в этом магазинчике?

— Каков льстец! — ответила польщенная герцогиня, которую не обманули его

намеренные попытки отвлечься от опасной темы. — Как только продавец выпишет тебе счет, мы можем идти.

Темпест положила книгу назад на прилавок, а сама тайком наблюдала, как лорд Фейрлэм покупает книги для герцогини Блекберн. Больше попыток заговорить с девушкой он не предпринимал. Как и не пытался даже взглянуть в ее сторону. Темпест должна была бы испытать облегчение, что он так легко сдался. К ужасу Темпест, лорд Чандлер теперь не отходил от нее ни на шаг. Что уж говорить о чувствах леди Джоаны. Обе дамы стояли, сохраняя неловкое молчание, пока виконт взялся выбирать книгу для Темпест. Неловкость только усилилась, когда краем глаза Темпест заметила, что мать лорда Фейрлэма и его сестры вынуждены будут пройти мимо нее, направляясь к выходу из магазина. Возможно, всему виной ее слишком живое воображение, но Темпест почувствовала на себе взгляд герцогини Блекберн. Девушка схватила ближайшую книгу, открыла ее, чуть ли не зарылась носом в страницы, пока не убедилась, что ее светлость покинула помещение.

— Вы испортите свои прекрасные карие глазки, если будете держать книгу так близко к глазам, — пошутил лорд Чандлер.

— Что? Да-да, конечно, — пролепетала Темпест, опуская книгу. И тут, к собственному разочарованию, она заметила, что Шанса в лавке больше нет.

К их троице присоединились кузина и лорд Медели.

— Я нашла кое-что интересное, — сообщила Херриет. На ее щечках играл здоровый румянец — свидетельство того, что большую часть времени девушка провела, флиртуя со своим будущим мужем.

— Могу я подобрать для вас книгу, леди Темпест?

Она взглянула на роман, который продолжала сжимать в руках. Ее настолько выбила из колеи неожиданная встреча с лордом Фейрлэмом, что она так и не выбрала книгу. Поскольку именно она пожелала посетить книжную лавку, глупо было уходить отсюда, ничего не купив.

— Очень любезно с вашей стороны, лорд Чандлер. Мне нужна всего минутка, чтобы сделать окончательный выбор.

Темпест отошла к прилавку. Она не хотела делать авансы виконту, позволив ему подарить себе книгу. Да и леди Джоане вряд ли это пришлось бы по нраву.

Завидев ее, продавец заулыбался.

— Добрый день, миледи. Добавить эту книгу к остальным покупкам?

— Остальным покупкам? Я ничего не покупала, — ответила она, нахмурившись, когда продавец протянул ей обернутую коричневой бумагой и перевязанную лентой еще одну книгу.

— Ваш супруг велел мне все покупки записать на его счет, — пояснил продавец, не отрываясь от своих записей, поэтому не заметил недоумения на ее лице.

— Скорее всего, вы ошиблись. Я не замужем.

Мгновенно осознав свою ошибку, продавец виновато улыбнулся.

— Прошу прощения, миледи. Я не хотел вас обидеть. Лорд Фейрлэм говорил с такой любовью и так уверенно, что я решил — вы его супруга. Как бы там ни было, джентльмен настоял на том, чтобы я отдал вам эту книгу и все остальные покупки записал на его счет.

Наверное, в книге он спрятал записку.

— Лорд Фейрлэм очень щедр. — Она оглянулась через плечо, чтобы убедиться, что

никто из ее друзей не слышит их беседы с продавцом. — Он давний друг нашей семьи, — добавила она, чтобы пресечь любые кривотолки о том, почему маркиз покупает книги даме, которая не является его родственницей.

Но ей не стоило волноваться. Продавец был настолько доволен еще одной продажей, что не ставил под сомнения мотивы джентльмена.

— Все готово, прошу вас, — он протянул ей еще одну книгу. — Надеюсь, вы получите удовольствие от чтения.

— Благодарю. Всенепременно, — заверила она, отворачиваясь и едва не наталкиваясь на лорда Чандлера.

— Вы купили вторую книгу! — снисходительно прокомментировал он.

— По совету продавца, — ответила она, чувствуя себя невероятно глупо из-за того, что приходится лгать о книге, которую она продолжала прижимать к груди. — Пойдемте?

Несколько часов спустя Темпест вошла в свою спальню, отослала служанку, сказав, что ей необходимо побыть одной. Не теряя ни минуты, она развязала бечевку и распаковала книгу.

— «Поэтические пустяки» Энн Суонси, — прочла она вслух и покачала головой. — Неожиданный выбор, лорд Фейрлэм. Если только вы были в таком же смятении, что и я.

Темпест открыла книгу, пролистала несколько страниц, пока не дошла до первого стихотворения. Здесь она и обнаружила его визитную карточку. Перевернула ее. Карандашом Шанс написал следующее:

«Пятница. Два часа. Египетский зал».

Наверное, ее должна была бы обидеть столь лаконичная манера письма, но в книжной лавке было столько свидетелей, что было не до учтивости.

Откровенно говоря, и записка, и место встречи ее заинтриговали. Ей хотелось вновь увидеть Шанса. Встреча с ним сопряжена с большим риском. «Принять его приглашение или отклонить? Как мне следует поступить?» — задавала она себе один и тот же вопрос, постукивая карточкой по подбородку. У нее три дня. Наконец она сосредоточилась на названии первого стихотворения, прочла и радостно засмеялась.

«Скажите мне, это любовь?»

Неужели она влюбилась в лорда Фейрлэма? Слишком рано, чтобы делать выводы, но она восприняла название стихотворения как знак свыше — она должна встретиться с маркизом.

— С чего это ты неожиданно вспыхнул интересом к Египетскому залу? — поинтересовался Торн у Матиаса, когда они входили в зал с коллекцией естественной истории и редкостей Уильяма Баллока³. — Мы уже засвидетельствовали почтение экипажу Наполеона, и я не намерен вновь пробираться через толпу зевак, чтобы на него посмотреть.

— Я так и знал... Следовало пригласить с собой Сент-Лиона, — поддразнил Матиас. — Он куда сговорчивее.

— Отчего же не пригласил? — Торн с испугом оглядел центральный зал. В это время дня в музее было многолюдно: посетители протискивались между чучелами, огромными витринами с артефактами и скульптурами.

— У них с Рейнбо другие планы. Похоже, они собрались на ипподром, — рассеянно ответил Матиас.

— А тебе интереснее в музее? — В голосе кузена звучало неподдельное удивление. — Ты с лошади упал?

Матиас покачал головой.

— Перестань ныть. Мы здесь ненадолго. — Оглядываясь назад, он понимал, что следовало дать леди Темпест более точные указания.

— Слава богу! Хоть одна хорошая новость! — воскликнул Торн, послушно следуя за маркизом, который осматривал основной зал. — И когда мы сможем уйти?

— Скоро, — Матиас остановился так резко, что Торн едва не налетел на него. — В таком огромном зале, она, должно быть, почувствует себя слишком на виду. Наверное, она решила подождать в одном из залов поменьше.

— Кто?

— Если у нее хватит смелости со мной встретиться, — пробормотал он скорее для себя, чем в ответ на вопрос своего кузена. — В последнюю нашу встречу она велела мне держаться подальше. Ты не поверишь, насколько она может быть упрямой.

— Не сомневаюсь, — сухо ответил Торн. — Ты не хочешь назвать имя этой упрямицы, которой хватает здравого смысла держаться от тебя подальше?

— Давай обобщем Римскую галерею. — Когда Торн схватил его за руку, глаза Матиаса прояснились, он нетерпеливо взглянул на приятеля. — Кто-кто? Леди Темпест!..

Кузен еще сильнее сжал руку Матиаса, удерживая от дальнейших поисков.

— Дочь Норгрейва? Что, черт побери, ты задумал? Я полагал, что ты решился держаться от нее подальше, избегая даже случайных встреч в городе.

Матиас пожал плечами.

— Благими намерениями... и так далее. Наверняка я бы последовал своему плану, если бы не поцеловал ее.

Торн выругался себе под нос.

— Тебя преследует желание пораньше покинуть этот мир, братишка? Уверяю тебя, Маркрофт с радостью тебе в этом поможет и без колебаний отправит через ближайшие ворота в ад. Ни для кого не секрет, что он убьет тебя, как только заметит, что ты поглядываешь на его любимую сестру. Трудно представить, что он сделает, если узнает, что ты к ней прикасался. Не говоря уже о ее задире-папаше, который убьет тебя, если узнает, что ты волочишься за его дочерью.

— Да брось ты! Я ничего не собираюсь ему рассказывать, — ответил Матиас, стряхивая руку кузена и направляясь в Римскую галерею. — Могу я рассчитывать на твое молчание?

— В знак преданности тебе и твоей семье мне следовало бы направиться прямо к твоему отцу и удержать тебя от безумства, которое затмило тебе разум, — пригрозил Торн тихим шепотом, но Матиас все отлично расслышал.

Он обернулся и схватил кузена за грудки.

— Если ты расскажешь об этом отцу или вообще кому-нибудь без моего на то разрешения, я разорву тебя на куски голыми руками. Я ясно выразился?

— Господи! — Торн отбросил руки Матиаса и поправил сюртук. Он в душе негодовал, но голос его оставался ровным. — Я тебя никогда не предаю. Даже если ты будешь вести себя как последний кретин. А как же мисс Кинг? Или ты уже о ней забыл?

— Решил оставить ее как добычу для Маркрофта, — ответил он, сдерживая свой темперамент. Он не хотел напугать леди Темпест.

— Значит, это месть, — негромко подытожил Торн.

Неужели его привлекла сестра Маркрофта как способ досадить брату? «Нет!» — мысленно он отмахнулся от этого предположения. Если бы он хотел отомстить, он бы стал преследовать обеих: и леди Арабеллу, и леди Темпест. Он чувствовал, что с младшей сестрой было бы куда меньше хлопот, чем со старшей.

Матиас поджал губы.

— Мой интерес к леди Темпест не имеет никакого отношения к мести. Честно признаться, когда я рядом с ней — вообще стараюсь не думать о ее брате.

Торн сочувственно улыбнулся.

— Ого, да ты лелеешь нескромные надежды, дружище?

— Из-за него мне приходится вести себя как монах, и за это я еще больше его ненавижу, — раздраженно ответил Матиас. Напоминание Торна о том, что он застал мисс Кинг в объятиях Маркрофта, ничуть не улучшило ему настроение. — Если он узнает, что я ухаживаю за его сестрой, это будет для него куда меньшей неприятностью, чем он заслуживает.

Его кузен неприкрыто ужаснулся.

— А ты ухаживаешь за ней?

Матиас беспечно пожал плечами.

— Пока да. — И видя, что Торн молчит, вынужден был добавить: — Я предложил девушке дружбу. Что в этом плохого?

Кузен мудро решил придержать язык, они вместе вошли в галерею.

Зал был метров восемнадцати в длину и чуть более семи с половиной в ширину. Через три сводчатых окна свет лился на бесчисленные вазы, колонны, мраморные статуи и таблички.

Матиас заметил леди Темпест, стоящую у бюста римского императора. На ней было бледно-желтое платье, поверх темно-синий шерстяной жакет. На вход в зал она даже не смотрела. Склонив голову, она что-то рисовала в своем блокноте.

От Торна тоже не укрылся ее отрешенный вид.

— А дама явно так и томится, ждет с тобой встречи...

— Веселишься, да? — усмехнулся Матиас, не желая, чтобы кузен испортил ему радость. Поглощенная своими делами или нет, но леди Темпест ждала его. — Давай поприветствуем нашего нового друга.

Леди Темпест почувствовала их приближение и обернулась до того, как маркиз тронул девушку за рукав. Лицо залилось довольным румянцем, но в карих глазах сквозила тревога, когда она перевела взгляд с Матиаса на его кузена.

— Лорд Кемпторн, лорд Фейрлэм, рада снова вас видеть, — приветствовала она, закрыла блокнот и сделала реверанс. — Вы пришли посмотреть на экипаж Наполеона?

— Мы с Шансом посетили эту выставку еще в первую неделю нашего пребывания в городе, — признался Торн. — Однако сегодняшняя прогулка по музею стала еще более приятной из-за встречи с вами.

К досаде Матиаса, его кузен подошел ближе, нежно взял леди Темпест за руку и галантно над ней склонился. Губы девушки дрожали — она с трудом сдерживала смех. Когда кузен выпрямился, Матиас боролся с искушением стукнуть Торна по затылку за то, что тот пускает пыль в глаза.

Она протянула руку Матиасу и выжидательно посмотрела на него. Чтобы не чувствовать неловкость, он склонился над ее ручкой и едва коснулся губами затянутых в перчатку пальцев.

— Милорд, какая учтивость! — поддразнила она, когда он отпустил ее руку. — Один из семьи Рук, да еще и с благородными манерами. Как неожиданно!

В ее словах не было ни намека на обиду. Оказалось, что представители семейств Рук и Брант могут находиться в одной комнате и не доводить дело до рукопашной.

— Я редко трачу их на семью Брант. — Он подмигнул, она нехотя улыбнулась. — А где ваша наставница?

— Миссис Шиэн? — Леди Темпест огляделась, но не заметила вдовы в зале. — Не так давно она пожаловалась, что в туфлю попал камешек. Она стала немного прихрамывать и вынуждена была присесть. Я сказала, что пойду в Римскую галерею. Я полагала, что она уже должна была бы ко мне присоединиться.

— Возможно, Торн мог бы найти вашу компаньонку. — Матиас многозначительно взглянул на кузена. — Если у нее до сих пор болит нога, он мог бы составить ей компанию, пока вы не будете готовы покинуть выставку.

Торн откашлялся.

— Для меня большая честь — выполнить это задание.

Леди Темпест заметила, как джентльмены молча обменялись взглядами.

— Не слишком честно по отношению к вам...

— Оставьте! — мягко произнес Торн, пресекая ее несмелые возражения. — Шанс составит вам компанию, пока я буду искать вашу наставницу — это, скорее всего, займет немало времени.

Глядя вслед удаляющемуся Торну, леди Темпест прошептала Матиасу:

— Очень мудро с вашей стороны привести с собой кузена, чтобы отвлечь миссис Шиэн.

— Я так и подумал, — последовал самодовольный ответ. — Вы так и не сказали, знают ли ваша наставница мое полное имя.

— Нет, — негромко ответила она. — Брат решил, что благоразумнее скрыть ваше имя из-за боязни, что миссис Шиэн могла бы назвать его моим матери или отцу. У нее приказ: отваживать всех джентльменов, которые задержатся рядом со мной дольше, чем это необходимо для обмена приветствиями.

— Значит, это могло бы омрачить вашу сегодняшнюю прогулку? — предположил он, не слишком тревожась. Торн был вполне способен отвлечь вдову.

— Я тоже так подумала. — Леди Темпест прижала блокнот к груди и отвернулась к бюстику, которым любовалась до их прихода. — Именно поэтому я и подкинула камешек ей в туфлю.

Смех лорда Фейрлэма окутал ее теплыми объятиями.

— Очень безнравственно с вашей стороны, — заметил он, легонько прикасаясь к ее спине, чтобы отвести к одной из скамей, расположенных вдоль стены. Их установили для того, чтобы посетители могли сидя наслаждаться бесчисленными полотнами, развешенными по стенам. — На будущее мне стоит запомнить эту вашу уловку.

— Очень сомневаюсь, что в вашем возрасте еще нужна дуэнья.

— Мужчина моего возраста никогда бы не счел обузой симпатичную вдовушку, — ответил он, жестом приглашая ее садиться.

— Очень смешно! — заметила она, устраиваясь на скамье. Темпест напряглась, выпрямила спину, когда маркиз сел в опасной близости от нее. — Вы полагаете, что с нашей стороны разумно сидеть так близко?

— Никто не обращает на нас внимания, миледи, — сказал он безапелляционно. Казалось, самоуверенность — такая же неотъемлемая часть его натуры, как и привлекательная внешность. — Общественное место — залог того, что я буду вести себя пристойно, хотя вам я разрешаю любые безрассудства.

Темпест улыбнулась в ответ на его приглашение. До знакомства с ним она не считала себя склонной к авантюрам.

— Зачем вы назначили мне встречу, лорд Фейрлэм?

— Несколько поцелуев несколько сблизили нас, ты согласна?

Она кивнула, признавая справедливость его мягкого упрека.

— «Шанс»... Прозвище очень тебе подходит.

— Подозреваю, что и тебе очень подходит твое имя: Темпест — «волнующая».

— Что? Тебе не нравится мое имя?

— Наоборот, я обожаю его — так же сильно, как всегда любил неожиданные повороты в жизни.

Темпест не знала, что ответить.

Шанс коснулся пальцами ее пальцев, привлекая внимание к тоненькой книжечке у нее в руках. От его легкого прикосновения по руке у девушки пробежали мурашки, плечи покрылись гусиной кожей. К счастью, рукава платья скрывали ее реакцию на его ласку.

— Ты записала о нашей встрече в своем дневнике?

Она прикрыла рот ладошкой, чтобы не рассмеяться.

— Это было бы не слишком разумно — ведь мы стараемся сохранить наши встречи в тайне.

— Разумеется. — Он откашлялся и выглядел несколько стесненным.

— Если только ты полагаешь, что эта встреча настолько важна, что следует ее должным образом зафиксировать.

— Совсем нет... я упомянул об этом потому, что, кажется... — он заметил ее ухмылку, — ...ты меня дразнишь.

— Немножко, — ответила она, открывая книжку. — Ты прав. Это дневник, но я использую его для набросков и эскизов, записываю то, что вызвало мой интерес.

Темпест перелистала страницы до последнего наброска.

— Как сам видишь, я как раз зарисовывала нос Нерона, когда пришли вы с лордом

Кемпторном.

Шанс взял у нее из рук дневник, чтобы рассмотреть рисунки. Он продолжал молчать, с каждой секундой девушка нервничала все больше.

— У тебя настоящий талант, Темпест, — произнес он, не отрывая взгляд от страниц. — Ты и красками пишешь?

Его похвала и искренний интерес к ее работам взволновали девушку.

— Большинство работ сделано акварелью, но я баловалась и маслом.

Темпест подняла взгляд на маркиза, и от той пугающей связи, которую она ощутила, пульс участился.

— Насколько я понимаю, то, что ты называешь баловством, — настоящие произведения искусства.

— Ты льстишь мне.

— Не скромничай, — сказал он. — Тебе стоит пригласить учителем одного из членов Королевской Академии.

Неприятно, когда о твоих потаенных мечтах говорят вслух! Особенно человек, общения с которым следует избегать изо всех сил. Темпест покачала головой. Ее тронуло, что Матиас так высоко оценил ее работы, но ее отец никогда и ни за что не допустит, чтобы его дочь являлась с художниками.

Она забрала у Шанса дневник.

— Рисую я неплохо, но до Королевской Академии не доросла.

— Откуда ты знаешь, если никого не спрашивала?

Темпест недовольно закатил глаза.

— Потому что знаю, — резко оборвала она. — Простой набросок императорского носа не означает, что мне следует докучать членам Королевской Академии.

— Темпест... — начал он.

Она захлопнула дневник.

— Если ты намерен уговаривать меня сделать то, что я не хочу, тогда нам стоит тут же расстаться.

Темпест встала со скамьи, Шанс схватил ее за руку.

— Останься. Обещаю, что больше не затрону этой темы, но при одном условии.

Казалось, что маркиз раскаивается, но смирение совершенно ему не шло. Она громко вздохнула, понимая, что еще пожалеет, что приняла его условия.

— При каком?

— Садись рядом со мной и рисуй, — проговорил он и потянул за руку, не оставляя ей выбора: либо устроить сцену, либо уступить такой простой просьбе.

Темпест села.

— Ты хочешь, чтобы я что-то нарисовала, — произнесла она, уверенная, что это всего лишь предлог, чтобы она не уходила.

— Рисуй, что пожелаешь, — ответил он, вовсю используя свое знаменитое обаяние, чтобы уговорить ее. — Все, что душа пожелает.

Она склонила голову набок, вопросительно взглянула на собеседника.

— А вы что будете делать тем временем, милорд?

— Составлю вам компанию.

Его мотивы настораживали Темпест, и он не мог ее за это винить.

Сложно было отбросить предубеждения, которые пробуждала его мерзкая фамилия, не обращать внимания на чувство вины, которое грызло изнутри за то, что просто флиртуешь с врагом.

Она была для него таким же врагом, как и он для нее.

А еще Матиас стал осознавать, что первоначальное влечение, которое он почувствовал к этой девушке, со временем только усиливается. Он видел, что Темпест тоже это чувствует, но продолжает сопротивляться своим чувствам. И ее сегодняшнее присутствие в музее лишь доказывало, что это сражение проиграно.

Пока она рисовала, он любовался ее профилем. Он бы с удовольствием полистал странички, посмотрел ее остальные работы и записи, но сегодня он и так много от нее потребовал.

— Я встретил твоих младших сестер и, как ни прискорбно, Маркрофта, — сказал он, желая как можно больше разузнать о ее жизни. — У тебя есть еще братья или сестры?

Темпест настолько была поглощена рисунком, что не сразу поняла, о чем он спрашивает. Она выпрямилась, несколько раз недоуменно моргнула.

— Ты что-то спросил о брате?

— Не совсем. Если тебе все равно, я бы предпочел забыть, что вас связывают родственные связи.

Темпест заерзала на скамье, повернулась так, что коленями коснулась бы его бедра, если бы они сидели поближе. В таком положении он не мог видеть, что она рисует, но зато прекрасно мог разглядеть ее лицо.

— Бывают дни, когда я сама бы с радостью забыла, что Оливер — мой брат, — призналась она, застенчиво улыбаясь. Матиаса ее улыбка подкупала. — И тем не менее он человек хороший.

Маркиз фыркнул, но решил, что лучше с ней не спорить. Нравится ему или нет, но Маркрофт — ее родной брат. Если он будет обижать ее брата — доверия девушки не завоюет.

— Я спросил, если ли у тебя еще братья и сестры, кроме тех, кого я уже видел.

Она опустила глаза на открытый дневник.

— Только Оливер, Арабелла, Августа и я, — ответила она, размахивая в воздухе карандашом. — Мне сказали, что у матушки возникли осложнения, когда она рожала Арабеллу. Боялись, что она потеряет ребенка — мать чуть не умерла при родах.

Поскольку он был холостяком, он не мог рассуждать о подобных вещах.

— Иногда у дам возникают сложности.

Матиас вспомнил собственную мать. Герцогиня Блекберн родила шестерых. В глазах маленького мальчика его мать преодолевала жизненные изменения с невероятным самоотречением. И только повзрослев, он стал понимать, насколько сильно сказались эти беременности на его отце. Герцог души не чаял в жене и баловал ее как мог, правда иногда, когда Матиас заставлял отца врасплох, он видел его напряженное лицо. Страх, который герцог старался скрыть, — страх за здоровье жены и еще не рожденного ребенка. Его матери повезло. Все дети родились здоровыми, она с минимальными потерями справлялась от родов.

— Когда моя сестра родилась, она была совсем крошечной, но сильной. — Темпест нахмурилась, глядя на свою работу. — Маме понадобился почти год, чтобы восстановиться. Следующий ребенок оказался мертворожденным. Как мне сказали, мальчик. После этого

еще три срыва. Все сомневались, что мама сможет выносить еще одного ребенка, но через несколько лет Августа своим появлением удивила всех. А ты? В книжной лавке я видела твою мать... и, насколько я поняла, две молодые дамы — твои сестры?

А Темпест оказалась более внимательной, чем он предполагал. Хотя они с сестрами внешне были похожи, если присмотреться как следует. Становилось очевидно, что Темпест тоже заинтересовалась его спутницами.

От осознания этого ему стало приятно.

— Да, это были мои сестры, Онор и Мерси. А еще у меня есть два младших брата. Бенджамин и Фредерик, и самая младшая сестричка — Констанция.

— Ого! Такая большая семья, — изумилась она. — Как ты выдержал стольких младших сестер и братьев, путающихся под ногами?

Матиас, если честно, никогда над этим не задумывался.

— Без особого труда, как мне сейчас помнится. Временами, конечно, они докучали. Часть времени я проводил вне дома, в школе. Часто путешествовал с отцом, когда он учил меня управлять поместьями, поэтому я привык ценить те месяцы, когда вся семья собиралась вместе.

Темпест подняла голову и встретила с ним взглядом.

— Тем, кто оставался дома, разлука давалась не легче. Когда я была юной, ужасно скучала по своему брату.

— Вы с Маркрофтом были настолько близки? — поинтересовался он, надеясь, что это не так.

На лице Темпест появилось задумчивое выражение.

— У нас разница в полтора года, поэтому в детстве мы были неразлучны. Однако все изменилось, когда Оливер покинул детскую и его отправили учиться. — Она пожала плечами, покорно принимая перемены, даже несмотря на то что при воспоминании о них становилось грустно.

Чтобы как-то отвлечь ее от неприятных мыслей, Матиас пальцем постучал по дневнику.

— Ты так старательно рисовала. Можно посмотреть, над чем ты работаешь?

Ее ореховые глаза прищурились, на лице засияла озорная улыбка.

— Нет. — Она убрала дневник, чтобы Матиас не мог до него дотянуться. — Не думаю, что я стану тебе показывать.

— Не будь так жестока, милая, — упрашивал Матиас, уверенный, что добьется своего. — Искусству необходим ценитель, а я один из самых преданных твоих почитателей.

Таким же тоном он в детстве выпрашивал конфеты у повара. А когда вырос, так же укладывал дам в свою постель.

Темпест сунула карандаш между страниц и закрыла дневник.

— Не дождешься.

Темпест встала, Матиас вскочил вслед за ней.

— Одним глазком, — упрашивал он, наслаждаясь игрой.

— Думаю, не стоит, — ответила она, уходя прочь.

Так легко она от него не ускользнет! В два шага он догнал девушку.

— А если я куплю у тебя этот набросок? — поинтересовался он, избрав другую тактику. Если бы они были наедине, он целовал бы ее до тех пор, пока она не сдалась.

— Не будь смешон, — сказала она, продолжая свой путь мимо картины, на которой был изображен суд над сыновьями Брута.

Парочка, сидевшая на ближайшей лавочке, взглянула вверх, но тут же потеряла к ним интерес, поскольку ни Матиас, ни Темпест не собирались устраивать сцен.

И все же, почему бы не пощекотать нервы прекрасной леди?

— Пять фунтов.

Она, как пристало настоящей леди, фыркнула.

— Нет.

— Десять. — Он понятия не имел, что она рисовала, да, если честно, ему было все равно. Она могла бы просто расклеить страницу, а он готов был заплатить небольшое состояние за одну ее улыбку.

— Прекрати! — Она обогнула большую мраморную колонну. — Я не продаю рисунок.

Он выглянул из-за колонны.

— Только представь, — возразил он. — Я мог бы стать твоим первым покупателем.

— Ты сумасшедший, — улыбнулась она, ее явно забавляла словесная перепалка. — Может быть, это я заплачу тебе десять фунтов, чтобы ты оставил меня в покое.

— Ты не сможешь перебить мою цену, поэтому ты застряла со мной надолго, — поддразнил он.

— Как мне повезло! — Темпест подошла к тумбе, на которой стояла огромная ваза.

Скрестив руки за спиной, он вышагивал вслед за ней, когда она зигзагом переходила от скульптуры к скульптуре. Она не слишком старалась от него сбежать. А он не спешил ее ловить.

Пока.

Следующий выставочный зал был не столь многолюден, как тогда, когда они впервые вошли сюда с Торном. Никто не стоял между Матиасом и его жертвой, он лениво следовал за ней в дальний угол зала, где в мраморе была запечатлена простая с виду женщина.

Матиас заметил, как блестят от предвкушения глаза Темпест, как она чуть запыхалась, хотя с его стороны было неучтиво подмечать такие детали.

Она спрятала дневник за спиной.

— Никакие ваши слова, лорд Фейрлэм, не заставят меня передумать, — поклялась она, но улыбка на лице подзадоривала его попробовать еще раз.

— Непредсказуемая и страстная, — сказал он низким и соблазнительным голосом. — Таким и должен быть настоящий художник.

Это описание подходило и большинству его любовниц.

Возможно, это покажется странным, но ему нравились непростые женщины. Не спрашивая разрешения, Матиас медленно приблизился, протянул руки — практически заключив ее в объятия.

— Ты что делаешь? — прошептала Темпест, зажатая между его телом и статуей. Бежать было некуда.

— Утоляю свое... — он легонько прижался сюртуком к лифу ее платья. Когда он отступил, в руках уже был зажат ее дневник, — ...любопытство.

Она прикусила губу. Такой невинный, нервный жест, и такой соблазнительный. И Матиас едва сдержался, чтобы не заключить ее в объятия и не слиться с ней в поцелуе.

Но вместо этого он открыл дневник в том месте, где был заложен карандаш. И от удивления раскрыл рот.

— Ты рисовала меня...

Или скорее отдельные его черты. Пока они разговаривали, она нарисовала его глаза и

брови внизу страницы. Еще один набросок — его профиль: нос и рот. Третий только начат: во весь рост, когда он сидел на скамье. Это был всего лишь набросок, но она точно схватила присущую ему сутулость.

— Значит, это я занимаю ваши мысли, леди Темпест? — поинтересовался он, вспоминая свою просьбу. Он был поражен и удивлен, как ей удалось нарисовать его, пристально не разглядывая.

Матиас ожидал, что она станет все отрицать. Темпест была милой девушкой, которую оберегает семья. Таким леди, как она, не пристало открыто говорить о своих желаниях. И тем не менее даже сейчас ей удалось его удивить.

Темпест подалась вперед, как будто хотела прошептать свой ответ ему на ухо.

— Может быть, — промурлыкала она, но соблазнительную уловку испортил приглушенный вздох. Она выхватила дневник у него из рук и попыталась ускользнуть.

Он коснулся ее руки.

— Что такое?

— Миссис Шиэн и лорд Кемпторн. Мне пора, — торопливо произнесла она, отчего он еще больше разволновался.

— Подожди, — взмолился он, еще сильнее сжимая ее руку. — Когда мы снова встретимся?

Темпест смотрела на него, как на умалишенного.

— Не знаю. Пожалуйста. Отпусти меня. Пока миссис Шиэн меня не увидела, но это может случиться в любую минуту.

Повернувшись спиной к выходу, Матиас закрыл ее от посто-! ронних взглядов.

— Приходи в книжную лавку. Я оставлю для тебя записку. Просто назови продавцу имя.

— Я не смогу прямо сейчас вернуться в книжную лавку, — ответила она, тело ее напряглось и все дрожало от отчаяния.

Он нетерпеливо взглянул на девушку.

— Если я не получу от тебя весточки — то пришлю посыльного прямо к тебе домой.

— Только не домой! — Испугавшись подобной дерзости, она схватила его за руку. — Обычно слуги всю корреспонденцию передают маме.

— Я не намерен давать твоему брату повод вызвать меня на дуэль, Темпест, — успокоил он. — У нас будет еще возможность встретиться. Если я сам не смогу подойти, то кого-нибудь пришлю.

— Как пожелаешь, — отвлеченно произнесла она, она сосредоточилась исключительно на том, как бы от него сбежать. Но он схватил ее за руку и поднес ее к губам. Она вздрогнула, посмотрела ему в глаза. Встревоженное лицо Матиаса разгладилось, когда она улыбнулась ему. — До следующей встречи, лорд Фейрлэм.

Она взглянула поверх его плеча. Зная Торна, Матиас не сомневался, что кузен сумеет отвлечь наставницу, чтобы Темпест смогла незаметно отойти от Матиаса. Девушка кивнула и выскользнула прочь. Он не стал смотреть ей вслед. Вместо этого стал сердито рассматривать уродливую статую, пока не почувствовал присутствие кузена.

— Доволен? — поинтересовался Торн.

— Ничуть! — рявкнул Матиас.

Темпест не ответила на его последнее послание.

Прошла целая неделя с их последней встречи в Египетском зале. Он был крайне разочарован, когда через три дня зашел в книжную лавку и владелец лавки сообщил, что ни одна дама не интересовалась посланием Матиаса. На четвертый, пятый, шестой и седьмой день его ожидал тот же ответ.

Отказ, пусть даже и ненамеренный, — резкий, по-настоящему беспощадный удар в самое сердце. Его терзали сомнения: то ли Темпест — всего лишь бесстыдная кокетка, которая даже не собиралась с ним встречаться, то ли ее семья каким-то образом узнала об их встрече, и теперь девушка наказана и заперта в своей спальне. Поскольку о том, чтобы дерзко постучать в дверь особняка семьи Брант и оставить свою визитную карточку, не могло быть и речи, у Матиаса накапливались вопросы и не находилось ни одного ответа.

Он не привык ждать даму.

Большинство женщин его просто обожало. Они охотно флиртовали с ним и поощряли его ухаживания. Многих он укладывал в постель, со многими сохранил дружеские отношения. Только леди Темпест суждено было свести его с ума от разочарования и желания. Его фамилия являлась для них препятствием. Она опасалась его семьи и сомневалась в его намерениях.

«Мне следует держаться от нее подальше».

Задумчиво сидя в гостиной Рейнбо, он не обращал внимания на разговоры вокруг, мысленно гадая, какой следующий шаг предпринять в отношении Темпест.

— Узнаю этот взгляд! — Изумление в женском голосе заставило Матиаса поднять взгляд.

— Что? Миссис Киттс! Когда вы приехали? — произнес он, намереваясь встать, но она жестом позволила ему сидеть.

— Полчаса назад, а вы и не заметили. Кстати, когда это ты стал думать обо мне как о миссис Киттс, ты, бессердечный негодяй? — ответила она, присаживаясь рядом на вышитую банкетку на гнутых ножках из красного дерева.

— Полагаю, когда вы вышли замуж за мистера Киттса, — пояснил он, не в силах сдержать улыбку. — Как ты, Сабра?

— У меня все будет великолепно, как только ты поздороваешься со мной, — сказала она, ее надутые губки напомнили избалованного, хотя и очень красивого ребенка.

— Я вижу, с возрастом ты становишься только красивее, дорогая.

— Ты прав, — она нетерпеливо подалась вперед.

Матиас не видел причин отказываться от старого друга. Он повернулся к ней навстречу. Она подставила ему напудренную щечку, но в последнюю секунду повернулась, и их губы соприкоснулись. Она рукой легонько коснулась его щеки и еще раз его поцеловала. Каждый нежный поцелуй был исполнен любви и воспоминаний. Кто-то из его друзей за спиной издал удивленный возглас, радуясь, что Шанс отвлекся от своих мыслей.

На голубые глаза Сабры навернулись слезы, когда она чуть откинулась назад и взглянула на него.

— Боже мой, как же я по тебе соскучилась, Шанс!

— Год прошел, не так ли?

Ее реснички затрепетали, она закатила глаза, мысленно взмолилась о терпении.

— Четырнадцать месяцев! Хотя я и не считала. Да ты этого и не заслуживаешь.

Маркиза и миссис Киттс много связывало. Однако их отношения закончились несколько лет назад, когда она была мисс Беттл. Она происходила из семьи богатых купцов, и поэтому ей было позволено вращаться в свете. Ее значительное приданое привлекало охотников за богатством и вторых сыновей, но у юной леди были завышенные требования. Ему было шестнадцать, когда его представили девятнадцатилетней Сабре на большом загородном приеме. Матиас тут же потерял голову. Ее белокурые волосы, утонченные черты и огромные голубые глаза напомнили ему ангела. После часа, проведенного в обществе девушки, он понял, что она не спустилась с небес, а была изгнана оттуда. Сабра была абсолютна лишена нравственности, ей понадобилось только три дня, чтобы соблазнить его в саду дома, где проходил прием.

Сабра стала его первой любовницей. Она щедро дарила свое тело, учила его, как доставить ей удовольствие. Он был настолько ослеплен страстью, что думал только об их следующем соитии. Когда семья узнала, что она соблазнила наследника герцога Блекберна, девушку тут же увезли, чтобы избежать неприятных последствий. Он же был у Сабры далеко не первым. До их знакомства она уже собрала в коллекцию внушительное количество юных аристократов, поэтому ее практичный отец понимал, что герцог не станет рассматривать его своевольную дочь в качестве потенциальной невесты для своего наследника.

Лишь спустя восемь месяцев Матиас случайно встретил ее в Лондоне. И они к обоюдному удовольствию продолжили отношения. И только позже Сабра призналась, что отец выдал ее замуж за второго сына какого-то баронета. В результате замужества были оплачены карточные долги ее мужа, а для самой Сабры и ее семьи открылись новые двери. Хотя это был брак не по любви, а по расчету, Матиас не был склонен продолжать подобные отношения. Даже если Сабра говорила правду, он сомневался, что Киттсу понравится, что его жена заводит любовников. В конечном счете их с Саброй отношения превратились в обычные дружеские, а через три года до него дошел слух, что ее муж погиб на дуэли. То ли из-за карточных долгов, то ли из-за неверности Сабры — Матиаса никогда это не интересовало.

— Что сегодня привело тебя к Рейнбо? — из вежливости поинтересовался он.

— Вчера я повстречала его в парке. Он мимоходом упомянул твое имя, а я стала сокрушаться, что уже целую вечность тебя не видела.

— Я понятия не имел, что ты в этом месяце в городе, — объяснил он, накрывая своей ладонью ее ручку, которую она положила на подлокотник его кресла.

— Да и узнать не пытался... — Она вновь надула губки. У двадцатилетней вдовы это выходило не так умилительно, как у девятнадцатилетней девушки.

— Моя дорогая Сабра, все, что было между нами — давно в прошлом. Ты уже три года вдова и, насколько я понимаю, можешь опять выйти замуж.

— Ты хотя бы у кого-нибудь обо мне спрашивал? — обиделась она.

— Сабра!

Его спокойствие и выдержка напомнили ей о том, что он больше не тот безрассудный страстный мальчишка, которого она соблазнила. И сам может обвести ее вокруг пальца.

— Отлично. Ты прав, разумеется. — Она вздохнула. — Наверное, зря я надеялась, что ты меня ждешь.

Это возмутительное предположение вызвало у него искренний смех.

— Равно как и вы хранили себя для меня, миссис Киттс! — Матиас взял свое бренди с маленького круглого столика, стоящего у кресла. Задумчиво сделал глоток и стал разглядывать ее из-под ресниц. — Нет, полагаю, что нет. Почему бы тебе честно не признаться, зачем ты меня искала?

Десять минут спустя он держал Рейнбо за грудки вечернего сюртука и припирал к стенке у входа в гостиную.

— Это ты сказал Сабре, что я ищу себе любовницу, — прорычал он в улыбающееся лицо приятеля.

— Возможно, что-то подобное я и говорил. — Принц ни на секунду не испугался гнева Матиаса, как не смущало его и сомнительное положение, в котором он пребывал. — Когда мужчина соединяется с изнемогающей от желания женщиной, с его настроением поистине происходят чудеса. Глядя на твое постоянно кислое лицо, я решил, что уже довольно давно ты не испытывал истинного удовольствия.

— Шанс, — на плечо Матиаса опустилась рука Сент-Лиона. — В тот день в парке когда Рейнбо случайно встретил миссис Киттс, он был не один. Я тоже присутствовал при этой встрече, и именно я пригласил ее присоединиться к нам сегодня.

Принц сердито взглянул на Сент-Лиона.

— Не приписывай все лавры себе, мой друг. Идея показалась мне гениальной.

— А кто из вас сказал ей, что я всегда тепло о ней отзывался?

Оба приятеля пожали плечами... по крайней мере, Рейнбо попытался. Ему было сложно двигаться, когда Матиас прижимал его к стене.

Сент-Лион ответил:

— Может быть, в последнее время ты и не упоминал о ней, но я достаточно хорошо тебя знаю и вижу, что тебе нравится эта дама.

Матиас поверить не мог, что его друзья тайно замыслили уложить его в постель к Сабре.

— Все, что было между мной и Саброй, закончилось, как только она вышла замуж за Киттса. Если бы я хотел возобновить эти отношения, я бы обязательно встретился с ней, как только узнал, что ее муж погиб на дуэли. Ваше вмешательство поставило меня в неловкое положение.

— Почему это? — удивилась Сабра, стоя в дверях гостиной. Внутри царил тишина — все замерли, пытаясь подслушать, что происходит в коридоре. — Тебе достаточно было бы сказать мне правду.

Ее улыбка была уже не столь лучезарной, как в тот момент, когда она устраивалась на банкетке.

— Пожалуй, я пойду. До свидания, джентльмены.

Матиас хмуро посмотрел на Рейнбо, потом отпустил приятеля.

— Наш разговор не закончен.

— Очень на это рассчитываю.

— Сабра... подожди! — окликнул он молодую женщину и поспешил за ней. Перехватил ее у двери. — Я же просил тебя подождать.

— Я не привыкла оборачиваться на твои крики. И вообще на крики мужчин, Шанс, — сквозь слезы ответила она.

Матиас ожидал от нее вспышки гнева, но ее слезы обезоружили его.

— Я бы хотел извиниться. За себя и своих друзей. Рейнбо и Сент-Лион хотели только

добра. Много раз за эти годы я вспоминал о времени, которое мы провели вместе, потому что это было очень важно для меня. Ты для меня много значила. Я сожалею, что поступки моих друзей так обидели твои чувства.

— Со мной все хорошо, — дрожащим голосом ответила она.

— Раньше ты умела обманывать куда убедительнее.

Матиас достал из внутреннего кармана носовой платок и протянул его Сабре. Женщина пробормотала слова благодарности и промокнула слезы. Он приобнял ее за талию и повел к устеленным подушками скамьям в прихожей.

Сел рядом с ней, дожидаясь, когда она возьмет себя в руки. К его огромному облегчению она быстро успокоилась.

— Я чувствую себя так глупо! — Ее худенькие плечи продолжали вздрагивать, но слезы течь перестали.

— Не вини себя. — Матиас нежно сжал ее ладонь в своих руках. — Мои друзья предположили, чего я могу хотеть, и все решили за тебя. Но они ошиблись.

— Шанс, единственный человек, который сегодня запутался — это ты сам, — сказала она, к его удивлению, растягивая губы в улыбке. — Твои друзья думали исключительно о твоём благе, когда приглашали меня, но я преследовала исключительно свои интересы, когда приняла приглашения Рейнбо.

— Сабра. — Он не знал, что сказать еще.

Она переплела свои пальцы с пальцами Матиаса.

— Ты был прав, когда сказал, что мог бы поддержать меня после смерти мужа. Первые несколько недель я ждала твоего визита, однако ты так и не приехал.

— Я узнал о смерти твоего мужа много недель спустя после того, как его предали земле. Она кивнула, принимая извинения.

— На несколько месяцев я словно выпала из жизни. Мой муж... да, сама бы я его не выбрала, а потом возникли сложности с его семьей, учитывая обстоятельства его смерти.

Значит, Киттс вызвал на дуэль одного из любовников Сабры.

— Мне следовало быть лучшим другом и заехать к тебе.

— Я никогда тебя не винила. До меня дошли слухи, что у тебя связь с какой-то актрисой. — Он ахнул, она засмеялась. — Я носила траур, поэтому друзья приезжали и делились последними сплетнями.

— Ясно.

— А ты смутился... — тут же заметила она. — Не думала, что тебя еще можно чем-то смутить.

— А я не предполагал, что моя жизнь — предмет для обсуждения, — пробормотал он, радуясь тому, что не покраснел, как девица.

— Откровенно говоря, я действительно интересовалась тобой, — призналась она, наслаждаясь его неловкостью. — Если ты еще не забыл, я была твоей первой любовницей.

Матиас поднял взгляд, но вокруг никого не было. Интересно, сколько его друзей сейчас подслушивает их разговор?

— Такое разве забудешь, Сабра!

— Откровенно признаться, нет. — Выражение ее лица смягчилось, когда она коснулась рукой его щеки. — Я пришла не для того, чтобы обсуждать прошлое. Я на самом деле искала тебя, потому что до меня дошли слухи... что в этом сезоне тебя пока еще ни одна дама в ловушку не заманила.

Перед его мысленным взором возникло лицо Темпест.

— Мы с тобой друзья, Шанс. Хотя должна признать, что добрыми друзьями нас не назовешь, — сказала она, склонив голову и лаская пальцами его пальцы. — Однако я очень хочу, чтобы мы вновь стали близкими друзьями. Друзьями, которые ищут друг у друга утешения в случае нужды.

— Ты этого ждешь, Сабра? Утешения?

— Есть один джентльмен. Граф, — добавила она. — Он намного старше, но уверяет, что меня просто обожает, к тому же он довольно богат. Он не просил еще моей руки. Пока. Но пока и на большее, чем на поспешный поцелуй руки, не рассчитывал. Моя семья уговаривает принять его предложение, если он его сделает.

— Похоже, ты знаешь, чего хочешь, — заметил он, смутившись еще больше. Любой мужчина, который уверяет, что знает, как устроен женский ум — лжец и хвастун.

— Впервые ты возник в моей жизни, когда я как раз собиралась выйти замуж за другого. — Сабра высвободила руки и махнула в его сторону. — А теперь, когда я в очередной раз серьезно раздумываю над тем, чтобы выйти замуж, в моей жизни вновь появляешься ты.

— Если тебе необходим совет касательно замужества...

Сабра захихикала и сморщила носик.

— Бог мой, нет! У меня масса женатых друзей, которые могут помочь мне советом. Я предлагаю утешение иного рода. И пока я жду мою судьбу, я подумала, что мы могли бы возобновить нашу дружбу. У такого мужчины, как ты, должна быть небольшая стайка любовниц, и меня, как и твоих друзей, беспокоит то, что этой стайки нет.

— Моя личная жизнь и моя постель — мое личное дело! — От злости голос его прозвучал резко.

— Это правда. — Она встала со скамьи. — И тем не менее я бы хотела, чтобы это стало и моим делом. Если только... в твоей жизни не появился еще кто-то.

Матиас продолжал молчать.

Ее глаза радостно заблестели.

— Ага, нечего сказать! Теперь я заинтригована.

Он встал и сердито посмотрел на нее.

— Сабра, оставим эту тему.

— Бог мой! — Ее ничуть не испугал гнев Матиаса, но глаза затуманила тревога. — Неужели это означает, что ты, Шанс, наконец влюбился?

— Ты ведешь себя так, как будто мне чужды такие чувства. Когда-то я думал, что был влюблен в тебя, Сабра.

— Ты меня не любил, — отмела она его предположение. — Хотя я помню, что тебя привлекало мое тело.

— Не стоит недооценивать того, что между нами было, — сказал он, напрягаясь от ее утонченных насмешек над их короткой любовной связью. — Это было давным-давно. Сердце мое ожило, и все обиды померкли.

— Вот об этом-то и речь, Шанс! — возразила она. — Влюбленный человек так быстро не забывает. Боль может притупиться, но забыться — никогда. Или мои друзья постоянно меня в этом уверяют.

— Значит, ты не любишь своего графа?

Она пожала плечами.

— Мне льстит мысль о том, чтобы стать графиней, и я действительно люблю жить в достатке. Вероятно, со временем я полюблю этого графа.

«Брак по расчету», — подумал он. Сабра — такая страстная женщина, ее натура в конечном итоге приведет ее в объятия другого мужчины. — А когда тебе было девятнадцать... ты любила меня, Сабра?

Голубые глаза затуманились от старых воспоминаний.

— Мы были молоды. Ты был так красив, и, когда вспоминаю о нашем романе, я сразу же вижу твоё сильное тело. Я бы с удовольствием стала твоей маркизой, а позже и герцогиней.

Матиас склонил голову. Он всегда задавался вопросом, заплатил ли его отец семье Беттл за то, чтобы ускорить их отъезд. Сабра права. Если бы он по-настоящему ее любил, он стал бы за нее бороться. Он бы обратился к отцу с обвинениями, которые так и не высказал, а потом бросился бы искать Сабру и обещал бы жениться, когда повзрослеет. Он же ее отпустил. Ее брак с Киттсом стал для него предлогом, чтобы продолжать дальше жить своей жизнью.

— Нет, Шанс. Ты меня не любил. Я была молода. Не хотела выходить замуж, но мой отец был настроен устроить мою судьбу, поскольку я слишком рьяно наслаждалась чужим супружеским ложем.

Он кивнул.

— Я помню.

Сабра засмеялась и импульсивно поцеловала его в губы.

— Я такой и осталась. Шанс, если ты пригласишь меня ехать с тобой домой — я поеду. Я не прошу никаких обещаний. Как и тщетных надежд. Мы могли бы поразвлечься, пока не придет пора прощаться.

Матиас коснулся лбом ее лба. Именно такого приглашения он и ждал, когда приехал в Лондон. Необременяющего легкого флирта. Несколько недель или месяц бездумного удовольствия, а потом они расстанутся без слез и взаимных обвинений. Это все, что могла предложить ему Сабра, и несколько месяцев назад он бы его с радостью принял.

Матиас выпрямился и поцеловал ее в лоб.

— Ты приехала в наемном экипаже? Если хочешь, я мог бы попросить своего кучера отвезти тебя домой.

На ее лице отразилось разочарование.

— Очень любезное предложение с твоей стороны. Да, я думаю, мне пора вернуться домой.

В горле у него застряло извинение, но он его сглотнул.

— Я попрощаюсь с друзьями, а потом мы можем ехать.

— Шанс!

— Да.

Она шагнула к нему.

— Если у тебя что-то не склеится с твоей возлюбленной, мое предложение остается в силе.

Матиас поднял руку в знак того, что он все понял, и направился к лестнице. Он больше не хотел задушить друзей за их вмешательство. Если Рейнбо будет настаивать на извинении, он его получит. Он многим обязан своим друзьям.

Сегодняшний вечер станет испытанием, откровением.

Сабра Киттс обладала всем, что он желал видеть в любовнице, но ее предложение оставило его безразличным. Матиас искал большего, чем поспешное, бесчувственное удовольствие. Он хотел чего-то недостижимого, хотел риска.

Он хотел Темпест.

При одной мысли о девушке у него бешено заколотилось сердце, тело окатила жаркая волна вожделения. Он никогда ничего подобного не чувствовал ни к одной из женщин, и ему стало неловко от осознания того, что он влюбился в девушку.

Он знал, что их отношения обречены — тот день, когда он заявит свои права на Темпест, знаменует совершенное им предательство интересов семьи.

— Мы кого-то ждем?

— Не думаю, — ответила леди Темпест, слабо улыбаясь лорду Уаррилоу и расправляя плечи.

Она не в первый раз переходила из гостиной в музыкальный салон и каждый раз оглядывалась через плечо, всматриваясь в лица гостей леди Хенвуд. Гости собралось множество, и три огромных двери, которые разделяли две комнаты, оставались открытыми, чтобы все желающие могли, сидя в гостиной, наслаждаться концертом. Графиня пригласила мисс Клару Кинг, чтобы этим вечером развлекать гостей. Арабелла рассказала сестре, что в тот вечер, когда они не могли проехать к театру, а потом их на несколько часов оставил Оливер, они так и не успели на выступление мисс Кинг.

А еще в тот вечер Шанс спас ее от пьяного и нахально потребовал в награду поцелуй. Такая наглость рассердила ее, и их поцелуй получился бесстрастным и скучным.

Второй поцелуй получился гораздо приятнее.

И не потому, что она цеплялась за любую возможность поцеловать Шанса или любого другого мужчину. Конечно, ей хотелось попробовать поцеловаться с каким-нибудь другим джентльменом, и лорд Уаррилоу наверняка с удовольствием ответил бы ей, если бы она выказывала к нему интерес. Он зачастил в гостиную к ее матери. Вот и сегодня он тоже приглашен на семейный ужин. А это уже знак того, что лорд присматривается к ней и Арабелле как к потенциальным невестам.

Шанса такие новости не обрадуют.

Прошло десять дней с тех пор, как он просил ее заглянуть в книжную лавку. К сожалению, задача оказалась намного сложнее, чем она предполагала — мать хотела, чтобы Темпест сидела дома и развлекала лорда Уаррилоу, а потому казалось, что потоку гостей не будет конца. Матушка только радовалась такому развитию событий, а Темпест не могла найти достаточно весомой причины, чтобы покинуть дом.

Темпест подозревала, что Шанс не из тех, кто легко примет отказ, и знала, что он способен на безрассудство. Волосы у нее на затылке предательски зашевелились. Она даже ожидала, что лорд Фейрлэм может войти в двери и сесть рядом с лордом Уаррилоу.

И уже одним своим появлением он навлечет беду и на себя и на нее!

— Сегодня вы кажетесь такой рассеянной, — заметил маркиз. Темпест неожиданно ощутила вину, что все ее мысли заняты Шансом, хотя рядом с ней сидит красивый джентльмен, который ничем не заслужил такого нелюбезного отношения с ее стороны.

Чувство вины усугубилось ложью.

— Я высматриваю леди Херриет.

— А я не знала, что наша кузина приедет на ужин, — сказала сестра, поворачиваясь к ней, но Темпест опустила глаза.

— Она не обещала, поэтому было бы неловко просить дворецкого поставить прибор для нее и ее спутника, — объяснила Темпест, молясь о том, чтобы Господь не поразил молнией за эту невинную ложь.

Она медленно закипала от злости: во всем виноват Шанс. Она никогда не лгала до того дня, когда случайно увидела, как Матиас с приятелями купается в реке.

Темпест оглянулась на мать, которая стояла перед огромным зеркалом и беседовала с

одной из своих подруг. Герцогиня что-то заметила в отражении зеркала и заметно напряглась. Кто-то или что-то привлекло ее внимание.

Темпест молила, чтобы это был не Шанс.

Девушка беспомощно наблюдала за тем, как ее мать поворачивается и смотрит в противоположный конец комнаты. Леди Норгрейв поджала губы. Темпест последовала за направлением маминого взгляда и сразу же узнала даму, которая вошла в комнату в сопровождении детей.

Прибыла герцогиня Блекберн.

Темпест охватило непреодолимое желание слиться со стеной.

— Все в порядке? — поинтересовался лорд Уаррилоу, заметив, что она как-то съежилась в кресле.

Темпест расправила плечи.

— Все в порядке. Все просто великолепно.

Арабелла чуть заметно толкнула сестру по ноге. «Что с тобой?» — одними губами произнесла она.

Герцогиня Блекберн и леди Норгрейв в одной комнате. Вероятно, сегодня был не первый раз, когда этим дамам приходилось как-то общаться. Краем глаза Темпест заметила, как герцогиня поприветствовала нескольких приятельниц, а потом с тремя дочерьми устроилась с левой стороны зала, ближе ко входу. Казалось, она не заметила присутствия маркизы.

И это чрезвычайно раздосадовало ее мать. Не обращая внимания на собеседницу, леди Норгрейв пристально разглядывала герцогиню.

— Темпест!

— Что? — Арабелла с лордом Уаррилоу смотрели на нее с неподдельным изумлением. — Простите, я прослушала. О чем ты меня спрашивала?

Арабелла чувствовала, что Темпест что-то тревожит, но она считала неприличным в присутствии маркиза настаивать на немедленном ответе.

— Ты что-то неважно выглядишь, сестричка. Вероятно, тебе стоит подняться наверх в дамскую комнату, пока не началось выступление мисс Кинг, — многозначительно произнесла Арабелла. — Я скажу маме, что ты пошла отдохнуть.

Темпест ухватила за это предложение как за предлог и кивнула.

— Леди Темпест, я с удовольствием провожу вас, — предложил свои услуги лорд Уаррилоу, вставая.

— В этом нет необходимости, — заверила Темпест маркиза. — Я не...

И тут она заметила Шанса и Сент-Лиона, которые стояли в дверях, ведущих в гостиную. Шанс скрестил руки на груди и сердито смотрел на Темпест. И в этот момент откуда-то из глубины зала в музыкальный салон вошла мисс Кинг. В сопровождении Оливера.

Когда ее брат успел познакомиться с мисс Кинг?

Темпест взглянула на Шанса. Маркиз тоже заметил появление ее брата и весь свой гнев перенаправил на него. В другой день она бы испугалась такого неожиданного развития событий, но только не сегодня, когда в одном зале собралось столько представителей семейств Брант и Рук.

— Нет необходимости, потому что я остаюсь, — наконец она закончила фразу и ободряюще улыбнулась лорду Уаррилоу. — Я была бы разочарована, если бы пропустила выступление мисс Кинг.

Леди Норгрейв молча села рядом с Арабеллой. Темпест ощущала, как от матери волнами исходит гнев. Брат сразу нашел себе место в первом ряду, чтобы быть ближе к мисс Кинг.

Если вечер не закончится скандалом, это можно будет считать чудом.

Мрачные мысли не отпускали и Матиаса.

Сначала он был вне себя от радости, услышав от Сент-Лиона, что на концерт приехала Темпест. Но его восторг стал куда меньше, когда он увидел рядом с ней Уаррилоу.

Неужели именно из-за маркиза она не пришла в книжную лавку?

Уаррилоу сделал ошибку, коснувшись руки Темпест, чтобы привлечь ее внимание. Ослепленный гневом, Матиас даже не заметил, как шагнул вперед, чтобы вырвать эту наглую руку — Сент-Лион едва успел его удержать.

Матиас был настолько сосредоточен на Темпест, что не заметил приезда своей матери и сестер. Как и присутствия леди Норгрейв. Только сейчас он обратил внимание на враждебный настрой маркизы, к тому же напряженные плечи Темпест говорили о том, что она прекрасно понимает: возможен скандал между их матерями.

Зачем леди Хенвуд пригласила обеих дам?

Пока он раздумывал над ответом, Темпест повернула голову и заметила его. Ее испуг для Матиаса был подобен удару в солнечное сплетение. Темпест встала — неужели она намерена с ним заговорить? И именно в это мгновение в музыкальный салон вошла мисс Кинг в сопровождении Маркрофта.

Маркрофт был слишком поглощен своей очаровательной спутницей и никого вокруг не замечал, но одного его присутствия оказалось для Темпест достаточно. Она взглянула на брата и сразу же села.

— Я и не знал, что здесь сегодня будет твоя мать, — пробормотал Сент-Лион.

— Я тоже.

— А ты заметил, что леди Норгрейв тоже здесь?

Матиас громко вздохнул.

— Разумеется, заметил.

— Думаю, о Маркрофте и мисс Кинг даже спрашивать не стоит?

Маркиз предостерегающе взглянул на приятеля.

— Можешь перестать указывать на очевидное? Я же не слепой.

— Слепой! Когда дело касается дочери Норгрейва, — возразил Сент-Лион. — Эта леди ничего, кроме неприятностей, в твою жизнь не принесла. Если будешь продолжать в том же духе, ее братец пустит пулю в твою крепкую голову.

Когда леди Хенвуд начала представлять гостей, Матиас заговорил вполголоса.

— Ты слишком волнуешься, Сент-Лион.

Виконт оперся о стену и скрестил руки.

— Не желаешь уйти, пока Маркрофт так явно вожделеет мисс Кинг?

Это была здравая мысль, но Матиас покачал головой.

— Яне могу уйти, пока не поговорю с мамой, — объяснил он, пресекая любые возражения приятеля. — Я сомневаюсь, что леди Норгрейв настроена устраивать сцену. Ей, как и моей матери, есть что терять. Однако я буду чувствовать себя намного спокойнее, когда провожу герцогиню и моих сестер к экипажу.

— А леди Темпест?

— Мои планы не изменились.

Сент-Лион выругался.

— И как именно ты намерен поговорить с леди прямо под носом обеих ваших семей?

Усмешка Матиаса была совсем невеселой.

— Позови мне лакея.

Возможно, Темпест и стала бы сомневаться в здравомыслии леди Хенвуд, которая пригласила леди Норгрейв и герцогиню Блекберн на один и тот же вечер, но хозяйка попала в точку, пригласив мисс Кинг. Наверное, эта женщина была служанкой Эвтерпы — музы-покровительницы музыки и поэзии: она обладала не только природным изяществом и красотой, но и голосом, достойным услаждать слух самого Зевса. Оливер явно был не просто покорен, но, вероятно, уже заявил свои права на симпатию молодой певицы. И тем не менее у брага нашлись конкуренты. Темпест мельком взглянула на лорда Уаррилоу. Она невольно улыбнулась.

«Королева фей» в исполнении мисс Кинг очаровала не только маркиза, но и других джентльменов в музыкальном салоне. Взгляд тайком на мать — и плечи Темпест расслабились. Несмотря на присутствие герцогини Блекберн, музыка как-то сгладила негодование матушки. Если повезет, Темпест с Арабеллой удастся уговорить ее сесть в экипаж до того, пока она не вспомнит, что ее так разозлило.

Она отвлеклась от прекрасной мисс Кинг, когда ее кто-то легонько тронул ее плечо. Слава богу, это был не Шанс и не его друг Сент-Лион, а один из лакеев леди Хенвуд.

— Прошу прощения, миледи, — пробормотал ей на ухо слуга. — Вас ожидают в прихожей.

— В чем дело? — прошептала Темпест в ответ, чем вызвала недовольство сидящих рядом слушателей. Она пробормотала извинения.

— Прошу вас, миледи. Это всего на пару минут.

Темпест кивнула слуге, и он тут же удалился, поскольку мешал смотреть представление нескольким гостям. На вопросительный взгляд сестры она прошептала той на ухо:

— Я скоро вернусь.

Арабелла наклонила голову в знак того, что все поняла, и Темпест встала. Не обращая внимания на мать, которая наверняка заметила, что старшая дочь ретировалась, девушка поспешно вышла из комнаты. Нечестно было портить вечер остальным присутствующим.

Единственным человеком, который решился бы на подобную дерзость — позвать ее посреди выступления мисс Кинг — мог быть лорд Фейрлэм. Поскольку их матери в настоящее время сидели в противоположных углах музыкального салона, Темпест с Матиасом следует вместе подумать и выработать план, который исключал бы кровопролитие.

Издалека доносился прекрасный голос мисс Кинг: «Молю, пожалуйста, верни мне мое сердце», и она желала исполнительнице удачи со своим братом. Увлечения Оливера редко длились больше двух недель. Чувства, которые молодая женщина вкладывала в исполнение баллады, говорили о том, что в прошлом ее сердце уже было разбито и, быть может, не раз.

За дверью Темпест ждал лакей леди Хенвуд.

— Добрый вечер, миледи. Прошу прощения, что прервал ваш вечер, но вам передали записку.

Темпест взяла с серебряного подноса, который протягивал слуга, послание.

— Благодарю, — она отпустила слугу. Девушка на пару шагов отошла от лакеев, которые дежурили по обе стороны двери, и раскрыла послание.

Жди меня в голубой гостиной. Ш.

И хотя на нее никто не смотрел, она опустила голову, чтобы скрыть улыбку. Внутри все затрепетало от предвкушения — чувство заполнило ее, она едва не лопнула от радости. Не желая терять ни минуты, она поспешила вверх по лестнице.

У Темпест не было никакого права терять голову от этого несносного джентльмена. Через секунду она выскажет все, что о нем думает. Ее гордости, однако, льстило то, что он, похоже, тоже не может ее забыть.

Мать приводила ее в дом к леди Хенвуд с самого детства. Арабелла и Темпест изучили этот особняк вдоль и поперек, поэтому девушка знала самый короткий путь в голубую гостиную. Большинство гостей наслаждались выступлением мисс Кинг, и она не встретила ни души, когда взлетала по лестнице.

Темпест считала по пути двери, потом остановилась у двери в гостиную. Стремясь произвести впечатление, она поправила локоны у виска и ушей. Сделала глубокий вдох и открыла дверь.

Не успела она войти, как мужская рука схватила ее за запястье и втянула в комнату. Она споткнулась, но Шанс не дал ей упасть. Со смехом обхватил ее за талию и притянул к себе, одновременно закрывая и запирая дверь.

— Шанс! — Темпест ткнула кулачком ему в плечо. — Хочешь, чтобы у меня сердце выпрыгнуло? Ты напугал меня до полусмерти.

— А кого ты еще ожидала увидеть? — поинтересовался он, не спеша ее отпускать. — Сколько мужчин тебя уже затягивали в пустые гостиные?

— Только вы, лорд Фейрлэм! — ответила Темпест, возмущенная его поведением, но он, похоже, ничего не замечал. Она уперлась руками ему в грудь и попыталась оттолкнуть. — Немедленно отпусти меня, мерзавец.

— Через секунду.

Слова Шанса должны были бы послужить для нее предупреждением. Одна его рука скользнула вдоль ее спины, обхватила затылок. Он сжимал все сильнее, заставляя ее откинуть голову назад, а сам накрыл ее рот своим ртом. В поцелуе не было ни намека на нежность. Это был удивительно чувственный, страстный, требовательный поцелуй. У девушки закружилась голова, она вцепилась в спутника, просто чтобы удержаться на ногах.

— Ты совершенно обезумел! — засмеялась Темпест, когда Шанс за руку потянул ее в полутемные недра маленькой гостиной. Кто-то побеспокоился и зажег несколько масляных ламп на столиках у входной двери, но времени, чтобы осветить всю комнату, видимо, не хватило.

— Из-за тебя я потерял голову, — признался он, останавливаясь у дивана.

Шансу явно хотелось не зажечь свечи, а вновь заключить ее в объятия. Он обхватил руками ее лицо, наклонил голову, пока их лбы и носы не соприкоснулись.

— Тебе известно, сколько прошло дней с нашей последней встречи?

— Десять, — прошептала она, тронутая той болью, которая прозвучала в его голосе.

Он вздохнул.

— А кажется, словно целый месяц. Где, черт побери, ты была? — требовательно

спросил он, легонько ее встряхивая. — Я оставил тебе записку в книжной лавке, но ты так ее и не забрала. Я каждый день заглядывал туда в ожидании твоего ответа.

Чувство вины несколько затуманило радость встречи.

— Мне не удавалось выскользнуть из дому. Матушка давала приемы, двери нашей гостиной были открыты каждый день.

Естественно, мы с сестрой должны были оставаться дома и встречать гостей.

— Вижу, что ты веселее проводила время, чем давние приятели твоей маменьки. — Он негромко презрительно фыркнул, когда она отвела взгляд. — Я-то волновался, что отец посадил ее под замок за то, что она со мной разговаривала, а она в это время строила глазки потенциальным женихам в гостиной своей матушки. — Он развернулся и отошел от нее.

Темпест последовала за ним.

— Шанс, у меня не было выбора. Отец потребовал, чтобы мы с сестрой принимали всех джентльменов, которые появятся на пороге нашего дома.

Матиас резко повернулся и схватил ее за локоть.

— А та комнатная собачка, которая сидела рядом с тобой... один из тех джентльменов, которые наносили вам визиты? — мрачно поинтересовался он.

Темпест сглотнула ком — в горле неожиданно пересохло. Маркиз ревновал. Осознание этого и удивило ее, и напугало. Она не могла припомнить, чтобы какой-то джентльмен так сильно ее хотел. Матиас был готов ее просто задушить.

— Лорд Уаррилоу — друг моего отца. Разумеется, в нашем доме он всегда желанный гость, — осторожно ответила она. Девушка положила руку ему на сердце и нежно погладила грудь, как будто Матиас был разъяренным зверем, которого нужно укротить. — Шанс, я не пряталась от тебя. Просто я не умею придумывать предлоги и отговорки. Как только мне удалось бы выйти из дома, я обязательно бы отправилась в книжную лавку или нашла бы иной способ передать тебе весточку.

Тело Матиаса несколько расслабилось.

— Ты скучала по мне?

Она не сводила взгляда со своей руки, лежащей у него на груди.

— Ты же знаешь, что скучала.

Шанс пальцами приподнял ее подбородок и завладел ее губами. Рот его был требовательным, как будто он вкладывал в этот поцелуй все свое разочарование и желание. Когда он от нее оторвался, задыхались оба.

— Я не могу здесь долго оставаться, — предупредила Темпест, положила ладони ему на руки, убирая их от лица и разводя на приличное расстояние. Ей было приятно держать его за руку, когда они сидели на диване. — Если мисс Кинг закончит свое выступление до моего возвращения, мама тут же отправит кого-нибудь на мои поиски.

— Невозможно обыскать запертую комнату, — заметил Матиас. Как только он узнал, что она избегала его ненамеренно, у него сразу поднялось настроение.

— Дело не в этом, — ответила Темпест, отворачиваясь, когда он вновь попытался ее поцеловать. Она собиралась сказать важные вещи, и, к досаде девушки, Матиас не обращал внимания на щекотливость ситуации. — У нас и так хватает проблем. Представь, если один из слуг застанет нас вместе! Именно по этой причине я и хотела поговорить с тобой наедине. Ты заметил внизу свою мать и сестер?

— Заметил. Со стороны леди Хенвуд было неразумно приглашать наших матерей на один и тот же прием. — Он подался вперед, одну руку положил на спинку дивана, вторую на

подлокотник, тем самым заключив Темпест в объятия. — И что же ты предлагаешь? У меня есть идея.

Обольстительная улыбка Матиаса говорила о том, что сейчас он поделится с ней своим замыслом.

Темпест уклонилась от его губ, поэтому он ткнулся носом ей в шею.

— Как ты можешь быть таким беспечным! — возмутилась она. — Наши матери в одной комнате... Не говоря уже о моем брате. Как только мисс Кинг закончит выступать — наступит развязка, и я не могу представить, какая именно.

— Честно говоря, кое-что предсказать довольно просто. Например, мисс Кинг. Ее выступление длится ровно час. А что касается наших маменек — Сент-Лион присматривает за ними. Если возникнут непредвиденные обстоятельства, он пришлет за мной одного из слуг, а сам вмешается — от моего имени.

Его уверенность успокаивала. Темпест почувствовала, как он поцеловал ее в шею.

— Откуда тебе известно, что мисс Кинг выступает целый час?

Шанс застыл:

— Догадался...

Темпест ответ не убедил.

— Нет. Ты сказал: «ровно час». Ты что, знаком с мисс Кинг?

— Ну...

Разумеется, Шанс был знаком с прекрасной мисс Кинг. Как и брат Темпест, он был одним из многочисленных джентльменов, которые толпились у ее гримерки в надежде удостоиться аудиенции.

Он точно пришел в театр к мисс Кинг в тот самый вечер, когда спас Темпест. Неужели он вернулся к молодой певичке, когда они расстались? Девушка презрительно фыркнула и оттолкнула Матиаса.

Шанс со смехом упал на подушки дивана.

— Темпест!

— Мисс Кинг — твоя любовница? — спросила девушка.

— Ревнуешь?

— Нет! — Неужели она ревнует? Темпест стиснула зубы и вскочила. — Должно быть, тебе чертовски неприятно, что мой брат залез ей под юбку. У вас с Оливером намного больше общего, чем я представляла.

От ее слов глаза Шанса похолодели.

— Мы с Маркрофтом совершенно разные люди!

Темпест вздернула подбородок, подобрала подол юбки, переступая через его ноги.

— Здесь вынуждена с тобой не согласиться. Если не возражаешь, я пойду. Моя мать... ой!

Он вскочил без предупреждения, обхватил девушку за талию и потянул к себе на колени.

— Очень даже возражаю! — прорычал он ей на ухо. — А теперь послушайте меня, миледи. Мисс Кинг мне не любовница. И любовниками мы никогда не были. У нее в фаворе ваш братец.

Темпест, взбешенная его грубостью, изворачивалась у него на руках, пытаясь высвободиться.

— Отпусти меня! — Она ударила его каблуком по ноге.

— А у тебя паршивый нрав, когда ты раздражаешься, — заметил он и в наказание за такое поведение укусил Темпест за мочку уха. Его объятия сжимали ее словно железные обручи. — Спроси меня, как зовут ту, кто завладела моими мыслями? Чье лицо я вижу перед собой, когда засыпаю?

Силы Темпест были на исходе. Девушка разом обмякла.

— Шанс... Если это какая-то игра, поиграй в нее с кем-то другим. — Темпест не думала, что ее сердце в силах справиться с таким разочарованием.

— Значит, вот что ты думаешь... Ты уверена, что я играю в игры? — мрачно поинтересовался он.

— Я не знаю, что думать, — призналась она. — Я просто не хочу, чтобы моей семье было больно только потому, что вы с приятелями решили, что грандиозная забава — пофлиртовать с одной из дочерей Норгрейва.

— Очень умно с моей стороны, верно? — произнес он, и от его резкого насмешливого тона она поморщилась.

Темпест вновь попыталась встать с его колен, но Матиас лишь сильнее обхватил ее за талию.

— Я много лет шел против воли отца. Соблазнив дочь его врага, я доказал бы, что я бессердечный мерзавец, но при этом предан собственной семье. Он, вероятно, даже наградил бы меня за мою изобретательность.

— Ты не такой бессердечный, — воскликнула она. — Не такой жестокий! Ты не такой!

— Откуда тебе знать? — настаивал он. От его насмешливого голоса ей хотелось кричать. — В конце концов, я один из этого ужасного семейства Руков!

— Я не считала тебя одним из них! — возразила она, напугав их обоих.

Шанс схватил ее за подбородок, их взгляды встретились. В его светло-серых глазах засветилось удовольствие.

— Признаться честно, если ты можешь не придавать значения моей фамилии — это огромный шаг вперед. Посмотрим, видишь ли ты перед собой мужчину.

Когда она завладел ее губами, Темпест ощутила весь гнев, который он до этого сдерживал. Проще было уступить страсти, которая сметала все разумные доводы, указывающие, что они друг другу не пара. Он намеренно подтолкнул ее, оставив беззащитной. Растоптав ее преданность семье.

Темпест не хотела, чтобы в его объятиях она испытывала подобные чувства.

Не успев подумать об этом, девушка поняла, что лжет себе самой.

Жизнь стала бы намного проще, если бы они с Шансом весело распрощались и она вернулась в музыкальный салон. Ее возвращения ждет лорд Уаррилоу. Она бы улыбнулась ему и сделала бы все, что в ее силах, чтобы планы отца осуществились.

— Открой рот, черт возьми! — пробормотал Матиас, легко прикусывая ее нижнюю губу.

Губы ее разомкнулись от предвкушения.

Казалось, что комната закружилась у нее перед глазами, когда она медленно откинулась на спину, уютно устроившись у него в объятиях, пока он не уложил ее на диван. Удивительная ловкость, ведь его губы ни на секунду не отрывались от ее рта. Шанс провел языком по ее нижним зубам, поласкал язык. Темпест застонала, чувствуя себя на удивление распутной. Соски напряглись под корсетом и болели. Одним коленом маркиз упирался в стык дивана, вторая балансировала на краю подушки. Он согревал девушку своим телом, не

наваливаясь на нее.

Темпест выгнула спину, продлевая это слияние тел, прижимаясь корсетом к его жилету. Она бесстыдно зарылась пальцами в его волосы на затылке, притянула как можно ближе. Поцелуй с Шансом — удивительное и головокружительное приключение. Она еще никогда не целовалась так страстно.

Между ними не возникло никакой неловкости. Только страсть.

Вскоре их тела пылали и дрожали от желания.

Шанс отпустил ее. Влажные губы, в светло-серых глазах лихорадочный блеск. Посмотрев ему в глаза, Темпест за волосы снова притянула его к себе — и он снова поцеловал девушку.

— Ты моя погибель, — пробормотал он, целуя Темпест с такой нежностью, что сердце ее затрепетало. — И я тебя погублю, если мы продолжим.

— Еще один поцелуй, — настаивала девушка, ее руки соскользнули с его плеч на грудь. Она ухватила его за жилет и притянула к себе ближе.

Шанс застыл, пытаясь воспротивиться.

— Темпест, я...

Колено, находящееся на внешнем краю дивана, соскользнуло, и Матиас повалился вниз, увлекая Темпест с собой.

Девушка почувствовала, как его дыхание щекошет локоны вокруг лица, когда они оказались на полу.

— Ударился? — поинтересовалась она, пытаясь не засмеяться, хотя сдержаться так и не смогла.

— Что тебя так развеселило? — сухо спросил он.

Она и пискнуть не успела, как он неожиданно сжал ее в объятиях, перевернувшись так, что он оказался сверху. На тонком ковре было не слишком удобно лежать, когда он навалился на нее.

— Все еще смешно, Темпест?

— Вы не джентльмен, лорд Фейрлэм, — произнесла она, стараясь придать голосу хоть каплю возмущения. Но улыбка разрушила весь эффект.

— Я никогда не утверждал ничего подобного, милая, — ответил он, небрежно целуя ее. Одно движение — и Шанс сел на колени, протянув ей руку. — И тем не менее я должен сегодня вести себя, как подобает. Давай поправим тебе прическу, прежде чем ты вернешься в музыкальный салон. Мы же не хотим, чтобы твой брат пошел тебя искать.

Оливер был слишком занят мисс Кинг, чтобы заметить отсутствие сестры. Шанс намеренно упомянул брата, чтобы она немного поторопилась. Ее хорошее настроение разом омрачилось. Она вложила ладонь ему в руки и позволила помочь ей встать.

— Что ж... милорд, теперь, когда вы воспользовались мною, от меня можно отмахнуться?

С высоко поднятой головой она подошла к ближайшему зеркалу. Краем глаза она заметила, что он сердится, а когда взгляделась повнимательнее, поняла, что догадка ее подтвердилась. Отлично. Теперь они квиты.

К несчастью, непостоянный лорд Фейрлэм был прав. Прическа ее растрепалась, пока они резвились на диване, а потом упали на пол. Пальцами она поправила локоны вокруг лица, затем облизала губы и поморщилась: губы саднили и немного припухли. Едва заметные изменения были прелестны, но хватило бы одного внимательного взгляда, чтобы

догадаться, чем она занималась все время отсутствия в музыкальном салоне.

Шанс напугал ее, когда схватил за руку и повернул к себе. Оказавшись с ним лицом к лицу, Темпест увидела, что он не просто раздосадован ее поведением. Он казался по-настоящему разгневанным.

— Если бы я воспользовался тобой, как ты тут посмела заявить, мы сейчас бы не разговаривали на повышенных тонах, — прорычал он.

Темпест не успела ничего ответить, как Шанс уже прижал ее к стене и стал целовать. Девушка тут же забыла свое раздражение и стала страстно отвечать на его поцелуи. Никто из них не старался быть нежен, когда их языки сошлись в схватке за лидерство. Она скомкала в кулак сюртук у него на спине, пока зрение не стало меркнуть.

У нее даже дыхание перехватило.

Шанс отпустил девушку, та покачнулась, пока он не приобнял ее за талию.

— Черт! — выругался он. Большим пальцем Матиас коснулся ее нижней губы. — Когда будешь стоять рядом с мамой, воспользуйся веером.

— Зачем? — У нее до сих пор немного кружилась голова.

— Одного взгляда достаточно, чтобы леди Норгрейв поняла, что кто-то доставил тебе неземное удовольствие, — напрямик заявил он.

Темпест не сомневалась, что ей удастся избежать близкого общения с матерью.

— И не я одна выгляжу зацелованной.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

С задумчивым выражением Шанс коснулся своей нижней губы. Усмехнулся, заметив значительную припухлость.

— Знаешь, а это ведь ты виновата.

— Я виновата? — Темпест вновь обернулась к зеркалу: надо было понять, насколько сильно «пострадали» губы и прическа. Шанс прав. Сложно будет объяснить румянец на щеке и припухшие губы. — В чем?

— Ты постоянно заманивала меня, делала все, чтобы я к тебе прикоснулся. — Шанс встал у нее за спиной и поцеловал в обнаженное плечо. — Когда я вновь смогу к тебе прикоснуться?

— Не знаю, — Темпест посмотрела в зеркало, их взгляды встретились. Ослепляющее желание, которое, казалось, только его и ждало, поостыло, давая Темпест возможность вспомнить десяток причин, по которым ей следует держаться от него подальше. — Может быть, опять воспользуемся книжной лавкой?

— Чтобы я прождал еще десять дней? Нет уж, — раздраженно ответил он.

— Мы могли бы встретиться в парке?

— Роттен-Роу не самое уединенное место для встреч, — вслух произнес он свои мысли. — Кто-то нас обязательно узнает и поспешит поделиться новостями с нашими семьями.

А потом ей достанется от отца, и он отошлет ее в одно из деревенских поместий, пока не убедит лорда Уаррилоу или другого джентльмена жениться на его беспутной дочери. Темпест покачала головой.

— Есть другие места для встреч, кроме тех, где любят гулять представители высшего общества, — сказала она, высвобождаясь из его объятий. — Если только у тебя нет предложения получше.

— Когда?

— Через три дня, — ответила она первое, что пришло в голову.

— Два! — возразил он. — Мое терпение не безгранично.

— В три часа?

— В половине второго, — ответил он. — Слишком рано для прогулки аристократов.

Если хочешь, можешь взять с собой альбом для эскизов.

Она кивнула, тронутая тем, что он думает не только о себе.

— Обязательно. — Она застенчиво улыбнулась. — Мне пора. Если повезет, мы с Арабеллой сможем убедить маму уехать сразу после выступления мисс Кинг.

Ее мать не станет вступать в открытое противостояние с герцогиней Блекберн в присутствии лорда Уаррилоу. Но с Шансом она своими предположениями делиться не стала.

Темпест присела в реверансе.

— Приятного вечера, милорд.

Маркиз схватил ее за руку и поцеловал.

— Лучше не бывает, — ответил он, будто она задала вопрос.

Темпест незаметно вернулась в музыкальный салон. Возле дверей столпились человек шесть, поэтому девушка протиснулась между ними и встала на свободное место в глубине зала. Она с облегчением заметила, что внимание собравшихся до сих пор приковано к черноволосой мисс Кинг. Сейчас молодая женщина исполняла печальную балладу о неразделенной любви. И эмоции, звучащие в ее голосе, и страдания, отразившиеся на ее лице, казались искренними, поэтому вызывали сочувствие даже у Темпест.

Шанс был без ума от мисс Кинг.

Она недовольно поджала губы при этой неприятной мысли.

Маркиз не смог бы устоять перед красотой этой женщины; однако в его защиту можно было бы сказать, что мало кто из мужчин вообще способен сопротивляться очарованию мисс Кинг, если она решит кого-то обольстить. Завидный талант. Наверное, Темпест повезло, что эта певица оставила все попытки затянуть Шанса в постель и переключила свое внимание на Оливера.

Она было подумала, что стоит предупредить брата, но потом решила не вмешиваться. В делах сердечных Оливер был человеком искушенным. Как и сама мисс Кинг.

Это Темпест была в них новичком.

Когда все зааплодировали, Темпест вздрогнула. Женщина, являющаяся центром всеобщего поклонения, сделала реверанс и застенчиво улыбнулась Оливеру, который протягивал ей букет цветов. Гости подходили к мисс Кинг, желая представиться ей. Среди этого бесконечного движения Темпест уже больше не видела ни матери, ни сестры.

Вечер обещает быть долгим.

— Какими судьбами вы здесь, леди Темпест?

Глаза у девушки округлились, когда она узнала голос Шанса. Не глядя на нее, он шагнул вперед и встал рядом.

— Что ты делаешь? — прошептала она, пытаясь устоять от искушения испепелить его взглядом. — Стараешься привлечь к себе внимание?

— Вовсе нет, — ответил он слишком спокойно, учитывая двусмысленность ситуации. — Для того, чтобы уговорить матушку уйти, надо сперва найти ее.

— Не строй из себя идиота! — Поняв, что хмурит брови, Темпест глубоко вздохнула и постаралась придать лицу безразличное выражение. — Почему же ты стоишь рядом со мной?

— Просто так, дорогая, — как ни в чем не бывало ответил он. — В гостиной было слишком темно, а я хотел увидеть твое лицо. Сегодня вечером ты просто великолепна.

Комплимент сразу развеял ее досаду.

— Вы слишком добры.

Она вздрогнула, когда он намеренно задел тыльной стороной ладони ее руку.

— Если бы я был добр, я оставил бы вас в покое, — медленно произнес он. — Два дня, леди Темпест. И не разочаровывайте меня.

И Шанс пошел прочь, не дожидаясь ответа. Темпест оглянулась. Никто, казалось, даже не заметил, как они с маркизом перебросились парой фраз. Ее плечи облегченно обмякли.

Но тут она наткнулась на пристальный взгляд своей матери. «Как давно она за мной наблюдает?» Сердце Темпест учащенно забилося при мысли о том, что мама могла

заметить, как они разговаривают с Шансом. Несколько гостей прошли перед маркизой, на мгновение скрыв ее из виду, и когда Темпест снова увидела мать, та уже, отвернувшись, с кем-то беседовала.

Она не узнала собеседника матери. Впрочем, ей было все равно, лишь бы маркиза держалась подальше от Шанса и герцогини Блекберн.

— Вот ты где! — Кузина радостно заключила ее в объятия.

— Херриет, — воскликнула Темпест, оборачиваясь. — Не ожидала сегодня увидеть тебя здесь.

— Я решила поехать в последний момент, — объяснила Херриет, великолепная в своем зеленом платье. — Матушка побоялась, что леди Хенвуд обидится, если мы не приедем. Я пыталась ей объяснить, что графиня, знающая эту печальную историю, поймет нас.

Темпест говорила о Херриет лорду Уаррилоу, но она сама придумала то, что кузина обещала приехать на вечер. Интересно, он рассказал об этом Арабелле и матери? Погруженная в собственные тревоги, она не сразу поняла, о чем говорит ее кузина.

— Прошу прощения. Какая печальная история?

Херриет оглянулась через плечо на небольшую толпу, которая собралась вокруг мисс Кинг.

— Разве тебе мама не сказала? Мой отец выставил себя на посмешище с некой вульгарной особой.

У Темпест подобное не укладывалось в голове.

— Твой отец и мисс Кинг? Поверить не могу!

— Мама нашла кучу счетов от множества торговцев. — Глаза Херриет пылали от гнева и боли за свою мать. — Когда она потребовала объяснений от отца, он, естественно, стал отрицать, что эта женщина — его любовница. Матушка выставила его из дома, и с тех пор отец ночует в одном из своих клубов.

Темпест видела, как ее брат сердитым взглядом отталкивал от мисс Кинг одного из слишком рьяных воздыхателей. Темпест поверить не могла, что Оливер спал с женщиной, которая была любовницей джентльмена, годящегося ей в отцы, да к тому же — любовницей его родственника. — Наверное, ты неправильно поняла маму.

— Товары доставлялись мисс Кинг, а счета оплачивал отец. Какие еще могут быть объяснения? — удивилась Херриет.

Темпест похлопала кузину по руке.

— Согласна. Это изобличающие улики. Однако я знаю твоего отца. Он хороший человек. Поверить не могу, что он мог так низко и откровенно предать твою мать и свою семью.

— В таком случае, почему он снимает номер в клубе? — возразила собеседница.

— Знаешь, у твоей мамы тяжелый характер, — мягко заметила Темпест. — Мужчины всегда ставят себя в глупое положение в отношении женщин. Скорее всего, это был невинный флирт, который закончился, когда твоя мать обнаружила счета у него на письменном столе.

— Когда я выйду замуж за лорда Медели, я не потерплю подобного обмана!.. — заверила Херриет, неожиданно направив всю боль и злость на своего возлюбленного.

Темпест надеялась, что граф не присутствует на вечере, иначе ему пришлось бы изрядно пострадать от острого язычка своей невесты.

— Неужели?

Темпест тут же представила Шанса и мисс Кинг. Девушка пальцами вцепилась в пальцы кухни настолько крепко, что та поморщилась. Темпест поспешно отпустила руку Херриет. Нечестно с ее стороны злиться на Матиаса за то, что было в его жизни до встречи с ней, Темпест.

Если только он до конца честен с ней.

— Если бы любимый изменил мне, я бы тихонько его убила. — Темпест покачала головой. Шанс ведь еще не предлагал ей руку и сердце. И не предложит, если она продолжит вести себя как женщина, которую обидел любовник. — Как бы то ни было, я сильно сомневаюсь, что твой отец изменил твоей маме. Как только она успокоится, отец, скорее всего, принесет свои извинения и все объяснит.

— Надеюсь, ты права. — Херриет оглянулась через плечо на мисс Кинг. — Матушка подумала, что, если она сегодня не приедет на прием, пойдут разговоры.

— Люди всегда болтают, — ответила Темпест с сочувствием. — Однако сегодня кумушки будут строить домыслы об отношениях моего брата и мисс Кинг.

Поведение Оливера сегодня вечером наверняка смутило их мать.

— Твоя правда. — Херриет приобняла Темпест за талию. — Напомни мне, чтобы я потом поблагодарила Оливера. Ты всегда можешь рассчитывать на нашу семью.

— Раз уж заговорили о семье, наверное, нам стоит к ней присоединиться.

Херриет кивнула.

— Кстати, знаю, что это не мое дело, но я должна спросить. С кем, интересно знать, ты целовалась? Я его знаю?

Темпест почувствовала, как побледнела.

— Неужели это настолько заметно?

— Боюсь, что заметно, кухня.

В другом углу музыкального салона Матиас тоже вынужден был расплачиваться за свои грехи.

Отойдя от Темпест, он направился в общий зал, где в последний раз видел мать и сестер. Ни Сент-Лиона, ни своей семьи он не заметил. Увидел пустые места, но ничуть не встревожился. Леди Норгрейв продолжала очаровывать своих собеседников в противоположном конце музыкального салона. Или, по крайней мере, так было несколько минут назад. В зале присутствовало столько народу, что сложно было уследить за дамой, но Матиас был этому даже рад. Если маркиза его узнает, особой радости от того, что видит еще одного представителя семейства Рук, она не испытает.

Впрочем, у нее могли появиться более весомые поводы для волнения. Леди Норгрейв потребуется нюхательная соль, если она узнает о недавней выходке старшей дочери.

Если бедняжка узнает о его грешных мыслях относительно Темпест, она спрячет дочь под замок и уложит ее в постель, сославшись на нездоровье.

Однако Темпест была жива-здоровая, она возвращалась к семье зацелованной, но девственно-чистой — Матиас не поддался своим похотливым желаниям. Он не хотел давать Маркрофту повода вызвать его на дуэль.

Эта мысль прервала поток его размышлений.

Казалось, всего несколько недель назад он сам провоцировал графа. Матиас продолжал презирать этого человека, но если Маркрофт бросит ему вызов, то не Темпест будет тому причиной. А он не хотел вмешивать девушку в их с ее братом ссору.

— Наверное, они ждут экипаж, — произнес он, уверенный в том, что Сент-Лион способен защитить герцогиню и сестер Матиаса.

Он повернулся и обомлел — прямо перед ним стояла Клара Кинг. Он совершенно забыл о ней, когда вернулся в музыкальный салон. Поскольку он совершенно не обращал на нее внимания, мисс Кинг извинилась и оставила всех своих воздыхателей. Даже Маркрофта.

— Примите мое восхищение прекрасным выступлением, мисс Кинг. — Он поклонился, но даже не подошел и не попытался поцеловать руку. — Оставляю вас с вашими поклонниками.

Клара Кинг была такой же красивой, какой он ее помнил. Цветочный аромат защекотал его ноздри, когда она сама подошла ближе к Матиасу.

— Почему? Разве вы не один из самых преданных моих поклонников, лорд Фейрлэм?

От взгляда этих чистых голубых глаз у любого мужчины помутилось бы в голове. Он усвоил урок с первого раза. И тем не менее Матиас не мог не поддаться ее чарам, когда она стояла так близко. Но потом он вспомнил, как с ней занимался любовью Маркрофт, и от досады в голове тут же прояснилось.

— Поклонники могут быть такими же переменчивыми, как и дамы, которых они боготворят, мисс Кинг.

Казалось, его слова поставили мисс Кинг в тупик. Или она оказалась более талантливой актрисой, чем он предполагал.

— Я беспокоилась о вас. Вы так и не вернулись в театр, и в гостиницу вы ко мне не заглянули.

— Не сомневаюсь, что вы нашли, чем себя занять, мисс Кинг, — сухо ответил он. Если бы Шанс на собственном опыте не убедился, что она просто бессердечная шлюха, то, вероятно, должен был бы извиниться за свое неприличное поведение.

Певичка явно была сбита с толку его холодностью. Он должен был отдать должное тому, как быстро она взяла себя в руки.

— В нашу последнюю встречу вы называли меня Кларой.

С их последней встречи много воды утекло. Они с Кларой давно бы уже стали любовниками, если бы он не охотился на Темпест. Это решение изменило все.

— К сожалению, я должен идти, — учтиво произнес он. — Меня ждет семья.

Он повернулся, чтобы уйти.

— Нет, подождите! — окликнула его мисс Кинг, делая шаг вперед и останавливаясь, когда он замер на месте. Впервые он видел, что она не знает, как поступить дальше. — Я вас еще раз увижу?

— Пока вы живете в Лондоне, ваша популярность в высшем свете делает наши встречи неизбежными, — ответил он вполне учтиво. — Нет причин дуться, мисс Кинг. В конце концов, у вас на коротком поводке есть послушный Маркрофт.

Не дожидаясь ответа, Матиас развернулся на каблуках и пошел прочь. Возможно, мисс Кинг и сокрушалась, что жирная рыбка соскользнула с крючка, но она была достаточно умна, чтобы смириться с потерей. Она любила его не больше, чем он был увлечен ею.

Он поднял голову и к своей досаде заметил направляющуюся в его сторону Темпест. Их взгляды встретились, и девушка намеренно отвернулась, уставившись куда-то поверх его плеча. Или на кого-то. На Клару Кинг. Матиас про себя выругался: Темпест явно стала свидетелем его разговора с мисс Кинг и решила, что он ее обманул.

Боль во взгляде девушки вонзилась в его сердце как нож.

Матигас от раздражения стиснул зубы. Он хотел подойти к Темпест, объяснить, что певичка сама к нему подошла. К сожалению, это оказалось невозможно. Темпест была не одна. Рядом с ней шла леди Херриет, к тому же краем глаза он заметил, как Маркрофт направляется к сестрам. Оставалось только, чтобы леди Норгрейв похлопала его по плечу!

Давно пора было уйти.

Он развернулся и через ближайшую дверь покинул музыкальный салон.

Шарлотта вышла на свет, отступив от растения в кадке, и проследила за тем, как наследник Блекбернов скрылся за углом.

«Да, я прекрасно знаю, кто вы, лорд Фейрлэм».

Имея двух дочерей на выданье, она взяла за правило изучать всех потенциальных женихов. Норгрейв сам выбрал фаворитов на этот сезон, даже не посоветовавшись с ней. И потом, вряд ли супруг прислушался бы к ее советам. Он сам тщательно подбирает кандидатов, которые отвечают его ожиданиям, будучи уверенным в том, что их дочери слепо согласятся с его выбором. Прошлогоднее фиаско с Райнхартом должно было послужить ему уроком.

Оживший кошмар этого сезона явился в образе одного из семейства Рук.

Для Шарлотты этого оказалось достаточно, чтобы поверить в проклятье.

За последние несколько лет она наблюдала за лордом Фейрлэмом, когда бы ни свела их злодейка-судьба. Шарлотта видела, что молодой аристократ похож на своих родителей. Она догадалась, кто он, еще до того, как одна приятельница подтвердила ее подозрения. Слухи утверждали, что маркиз унаследовал от отца порочные наклонности. Этого оказалось достаточно, чтобы осуждать его.

Когда же Темпест успела с ним познакомиться?

Хотя в музыкальном салоне ее дочь и Фейрлэм делали вид, что не знают друг друга, Шарлотте достаточно было одного взгляда на пару, чтобы обо всем догадаться. Возможно, благодаря материнскому инстинкту. Ее старшая дочь в опасности! Воспитанная в любящей семье, Темпест видела в людях только хорошее. Она понятия не имела, что такое боль, жестокость... насколько беспощадными могут быть мужчины.

Нужно что-то предпринять.

Шарлотта зашагала по коридору, приняв решение. Возле одной из открытых дверей стоял лакей. Он держал серебряный поднос с игристым вином. «Для леди Хенвуд только самое лучшее», — подумала она, беря с подноса бокал, даже не замедляя шаг. И продолжала идти по коридору до лестницы.

— Вверх или вниз? — пробормотала она. Может быть, стоит подойти к молодому Фейрлэму со своими обвинениями? Нет, он будет все отрицать. Мужчины такие лживые создания.

Она глотнула вина, чтобы успокоить нервы.

— Наверх.

Целая вечность миновала с тех пор, когда она в последний раз находилась в обществе этой женщины. Когда-то Шарлотта даже считала ее подругой. Позже она поняла, что та оказалась ужасной занудой. Шарлотта тогда была наивной девушкой, которую едва переносили те, кто позже смотрел на нее с жалостью.

Только одна женщина знала правду, и Шарлотта презирала ее за это.

Она открыла дверь гостиной, которую хозяйка дома использовала как дамскую комнату.

Там оказалось людно. Когда Шарлотта вошла, служанка обратилась бы к ней, предложив услуги, но Шарлотта отмахнулась от нее. В комнате сидели кружком три дамы и обсуждали своих детей. Еще одна дама частично укрылась за ширмой, браня служанку, которая поспешно ослабляла завязки на корсете.

Та, которую она искала, сидела в одном из кресел у камина. Герцогиня Блекберн устроилась спиной к двери, поэтому не заметила, как вошла Шарлотта. Однако ее собеседница оказалась более наблюдательной. Последняя наклонилась и что-то прошептала герцогине. И хотя ее светлость была слишком воспитанна, чтобы обернуться, Шарлотта с удовлетворением отметила, как напряглись плечи герцогини, когда она узнала, кто пришел.

Шарлотта сделала еще глоток вина и сверху вниз взглянула на женщину, которая приложила руку к тому, чтобы разрушить ее жизнь.

— Добрый вечер, ваша светлость.

Герцогиня Блекберн медленно встала и повернулась. Шарлотта уже и не помнила, когда последний раз разговаривала с женщиной, которую некогда считала близкой подругой. Время сжалилось над герцогиней. Она постарела, но осталась такой же красивой. Практически без возраста. Казалось нечестным, что эта женщина получила все, а Шарлотта была наказана.

— Добрый вечер, Шар... леди Норгрейв, — тут же поправились графиня. Слишком много времени прошло, чтобы фамилльярничать.

— Имоджин... — вмешалась собеседница герцогини.

Ее светлость отвернулась от Шарлотты и обратилась к собеседнице.

— Пожалуйста, Рут, я не хочу тебя задерживать. Договорим позже.

Шарлотта допила вино и обошла кресло, чтобы поставить пустой бокал на каминную полку.

— Да, ступайте... Мы с ее светлостью должны кое-что обсудить.

— Осторожнее, леди Норгрейв, — предупредила дама, отклоняясь, чтобы, не дай бог, не задеть своей тучной фигурой Шарлотту. — Герцог Блекберн будет вне себя, если вы расстроите его супругу.

Шарлотта притворно вздрогнула.

— Считайте, что вы меня предупредили. — Она замолчала, ожидая, пока дама покинет комнату. — Как вы выносите эту старую гарпию, которая всюду сует свой нос?

Герцогиня Блекберн села и жестом пригласила Шарлотту присаживаться.

— Леди Ладсторп — тетя Тристана. Она прекрасно знает, что мы много лет не разговаривали. Стоит ли говорить, что ваше решение подойти ко мне не на шутку встревожило ее.

Шарлотта устроилась в кресле и кивнула на дверь, за которой Скрылась графиня.

— Что ей известно?

Герцогиня поджала губы. Вне всякого сомнения, она вспоминала прошлое.

— Достаточно, чтобы встревожиться. Зачем вы здесь, леди Норгрейв?

— После того, что мы пережили, думаю, что титулы можно Оставить в стороне. Когда-то ты звала меня Шарлоттой, — сказала она с такой решимостью в голосе, чтобы добиться реакции от своей собеседницы.

— А ты звала меня Имоджин.

Она не обратила внимания на печаль на почти безупречном лице герцогини. Если Имоджин полагала, что ее сожаление как-то притушит гнев Шарлотты, она ошибалась.

— Я пришла не прошлое вспоминать, ваша светлость. Как не хочу возобновлять и наши прежние отношения.

— В таком случае чего же ты хочешь?

— У нас общая беда.

— Что?

— Скорее с кем... — сказала Шарлотта, пристально разглядывая собеседницу. — С твоим сыном.

На лице герцогини отразилось удивление и любопытство.

— С которым?

— Как же тебе повезло, что ты можешь похвастать, что у тебя не один сын!

— Шарлотта, я не хвастаюсь, а просто уточняю. Какой из моих сыновей тебя беспокоит?

— Ты действительно не понимаешь! — удивилась Шарлотта. — Я имею в виду наследника твоего мужа, лорда Фейрлэма.

Шарлотта полагала, что герцогиня не способна на коварство, но она побледнела, услышав имя сына.

— Что он натворил?

Шарлотта наклонилась ближе.

— Ты знаешь, что у меня три дочери? Моя старшая дочь лишь на год моложе твоего сына.

— Нет.

Она мило улыбнулась такому поспешному ответу.

— Темпест невероятно красива. Норгрейв... — Жестоко с ее стороны была так быстро упоминать имя маркиза, но она хотела посмотреть на реакцию герцогини. К счастью, та ее не разочаровала, — ...и я очень надеюсь, что в этом году она выйдет замуж. В этом месяце к нам нескончаемым потоком идут джентльмены.

Имоджин покачала головой.

— Ты хочешь сказать, что мой сын ухаживает за твоей дочерью?

Ужасно досадно, но она не могла обвинить Фейрлэма в подобной дерзости. Возможно, следовало бы открыть двери гостиной и для него, чтобы увидеть выражение лица своего супруга!

— Нет.

— Тогда в чем ты его обвиняешь?

— Я не уверена, — негромко призналась Шарлотта. — Но он что-то задумал. Сегодня вечером я видела их вместе...

— Мой сын здесь?! — воскликнула герцогиня, поднимаясь с места.

— Сядь, — резко велела Шарлотта, к ее удивлению Имоджин послушалась. — Если тебе неизвестно, где находится твой сын, вы с Блекберном плохо исполняете свой родительский долг.

— Наш сын уже не ребенок, леди Норгрейв. Он взрослый мужчина и живет отдельно. — Имоджин отчаянно защищала своего сына. — Сент-Лион...

— Кто это — Сент-Лион?

— Приятель Матиаса, — ответила Имоджин, опуская подробности взмахом руки. — Я даже не подозревала, что Сент-Лион здесь, пока он не подошел к нам с дочерьми. О моем сыне он не упоминал. — Она поджала губы, раздумывая над его умышленной

недомолвкой. — Он предложил позвать экипаж и присмотреть за девочками, пока я остановилась пообщаться с тетей Тристана.

— Подумай, зачем сыну посылать своего хорошего приятеля присмотреть за своей семьей, когда он сам в состоянии выполнить свои обязанности?

Обе прекрасно знали ответ, даже несмотря на то, что герцогине хотела этого признать.

— У тебя есть доказательства?

— Я видела, как они стояли рядом в музыкальном салоне, — сказала она, понимая, что эти доказательства, мягко говоря, слабые. — Между ними что-то происходит.

— Шарлотта, неужели этому не может быть иного объяснения? — мягко спросила она.

— Темпест получила от кого-то записку. Она покинула салон время выступления мисс Кинг, а в следующий раз, когда я ее идела, рядом с ней стоял Фейрлэм.

— Ценю твое беспокойство, — ответила Имоджин, тщательно подбирая слова. — Однако сложно поверить, что Матиас вообще подошел к твоей дочери.

Ссора между семьями, случившаяся двадцать четыре года назад, пролегла между женщинами глубокой, зияющей пропастью, преодолеть которую не пытались ни Шарлотта, ни Имоджин.

— Ты мне не веришь? — Шарлотта впила пальцами в подлокотник. — Уже не в первый раз я вижу твоего сына на той же вечеринке, где присутствует моя дочь.

— А я за несколько лет тоже заметила присутствие лорда Маркрофта на балах, но мне ни разу и в голову не приходило, что он хочет соблазнить одну из моих дочерей. Давай будем откровенными, Шарлотта, — сказала Имоджин. — Для наших семей было проще избегать общения друг с другом, когда дети были маленькие. Теперь, когда они выросли, подобные случайные встречи неизбежны. По-моему, даже ты согласишься, что нечестно с нашей стороны винить их за любопытство.

— Твой сын знает?

Шарлотта пристально смотрела на собеседницу. Она не должна никому ничего объяснять.

Имоджин тут же отвела взгляд.

— Нет. Ни я, ни Тристан никогда не говорим об этом. — Она сглотнула комок. — А твои дети?

— Нет. Наши тайны надежно хранятся, Имоджин. Каким бы смешным это ни показалось, но после стольких лет мой муж продолжает тебя защищать.

И Шарлотта тут же пожалела о своем язвительном высказывании. Она заметила, как побледнела Имоджин — единственный признак того, насколько ей больно. Герцогиня была намного сильнее, чем думали окружающие.

— Ты не понимаешь. Сомневаюсь, что Норгрейв рассказал тебе правду, но у моего мужа была веская причина порвать с ним всяческие отношения.

— Мне все известно, Имоджин. — И заметив недоверие на лице герцогини, Шарлотта продолжала: — Это тебе известна лишь половина истории.

— В таком случае просвети меня.

— Как-нибудь в другой раз. — «Или вообще никогда». Шарлотта встала, обескураженно заметив, как дрожат руки. — Сделаю вид, что я неверно истолковала увиденное. Твой сын, скорее всего, ни в чем не виноват.

— Так и есть. — Герцогиня встала. Она выглядела так же жалко, как чувствовала себя Шарлотта.

— Во имя нашей бывшей дружбы, прошу тебя, присмотри за ним. Если заметишь хоть что-то, что тебя встревожит, прошу, поговори с Фейрлэмом, сделай все, чтобы воспрепятствовать ему. Если между нашими детьми возникнут нежные чувства, это ни к чему хорошему не приведет.

— Согласна. — Имоджин помолчала. — Спасибо, что поделилась своими опасениями.

— Я поступила так, чтобы защитить свою дочь, — просто ответила Шарлотта. — Было бы разумно ничего не говорить о нашем разговоре твоему мужу. Блекберн, как показала жизнь, поступает довольно безрассудно, когда речь идет о тех, кого он любит. Не хочу, чтобы моя семья опять пострадала.

Казалось, что Имоджин хочет что-то возразить, но передумала и кивнула.

— Я попрошу Рут не упоминать о нашей встрече.

— Опять тайны? — Шарлотта вздохнула. — Отлично. Еще немного тайн между давними подругами?

Темпест ожидала стука в дверь.

— Входи, Арабелла, — крикнула она.

— Я боялась тебя разбудить.

— Я не устала, — призналась Темпест. — Я думала почитать, но буду рада, если ты составишь мне компанию.

Ее младшая сестра уже переоделась ко сну. Волосы были заплетены в косу. В белой бесформенной сорочке и в белом ночном чепце она выглядела совсем юной.

Темпест положила расческу на туалетный столик и встала с маленькой банкетки. Протянула руку.

— Мы могли бы сесть на кровать и поговорить.

Все начиналось как игра: нужно было перехитрить гувернантку, которая верила, что девочки должны рано ложиться спать. Часто бывало, что спать им не хотелось, поэтому одна из них тайком пробиралась к другой в комнату. Иногда они попадались, и тогда обеих как следует отчитывали за непослушание. Но вскоре бедная гувернантка оставила попытки разъединить их, поэтому Темпест потеряла счет ночам, которые они с Арабеллой провели в одной кровати.

Темпест отдернула одеяло, чтоб сестра первой забралась в кровать. Потом девушка подошла к туалетному столику и взяла незажженную свечу. Сняла стекло с масляной лампы, зажгла свечу, а лампу погасила. Вернулась назад и поставила свечку на стол.

— Подвинься, — велела она, и Арабелла послушалась, потому что обычно она засыпала первой.

Темпест забралась на кровать, подбила подушки и устроилась рядом с сестрой.

— Леди Хенвуд правильно поступила, что пригласила мисс Кинг, — произнесла Темпест, поскольку Арабелла продолжала молчать. — Интересно, она сократила свое выступление для концерта на званом вечере или исполняла в театре другой репертуар?

— Никогда над этим не задумывалась, — ответила Арабелла, поворачиваясь к Темпест лицом. — Я пришла сюда не для того, чтобы обсуждать мисс Кинг.

Темпест с радостью сменила тему. Честно говоря, у нее до сих пор кружилась голова, как только она вспоминала, что Шанс разговаривал с мисс Кинг. Вероятнее всего, он просто засвидетельствовал свое почтение, но неловкость, которая была так заметна у него на лице, заставляла все внутри сжиматься. Она полагала, что ревность ей чужда, и ей было стыдно от своих недостойных мыслей об этой певичке, которые промелькнули в голове, когда они с кузиной проходили мимо этой парочки.

— А о чем же ты хотела поговорить? — Темпест тоже легла на бок, и ее лицо оказалось всего в нескольких сантиметрах от лица Арабеллы. — Об Оливере? Знаю, что он...

— Честно говоря, я бы хотела поговорить с тобой о той записке, которую тебе передал лакей, — выпалила младшая сестра.

Темпест, насторожившись, убрала прядь волос со щеки сестры.

— А что с запиской?

— Кто ее прислал?

Темпест сердито взглянул на Арабеллу.

— Ты спрашиваешь из любопытства или потому, что матушка попросила тебя об этом?

— Матушка ни словечка мне не сказала, — ответила сестра, даже обидевшись на подобное предположение. — Как, впрочем, и ты. Поверить не могу, что ты подумала, что я шпионю за тобой по матушкиному наущению.

Темпест покаянно ответила:

— Я не хотела...

— Ладно, забудь! — вздохнула Арабелла. — Я просто беспокоилась, и, кстати, не я одна. Лорд Уаррилоу тоже был обеспокоен. Ты покинула музыкальный салон, и больше тебя до конца выступления мисс Кинг никто не видел.

— Я же вернулась! Из уважения к гостям леди Хенвуд я решила остаться в глубине салона, — объяснила она, стараясь по возможности говорить только правду.

— С кем ты встречалась?

— С Херриет, — ответила старшая сестра.

— Значит... это она прислала тебе записку? — переспросила Арабелла из любопытства.

— Разумеется. Я же говорила вам с лордом Уаррилоу, что жду ее.

— Ага! — Арабелла хлопнула ладошками по кровати и села. — Ты врешь! Херриет точно не могла прислать тебе записку.

Каким-то образом Арабелла догадалась, что она обманывает! Решительно настроенная стоять до конца, Темпест сердито посмотрела на сестру.

— Откуда ты знаешь? Ты что, читала записку?

Сестра раскусила ее блеф.

— Если бы Херриет написала эту записку, ты бы обязательно мне ее показала.

— Я ее потеряла. — На этот раз Темпест говорила чистую правду. Наверное, она где-то выронила послание, когда Шанс схватил ее и втянул в полутемную гостиную.

— Почему ты не хочешь говорить правду? — воскликнула сестра. — Ты ведешь себя странно — странно даже для тебя.

— Сначала ты обвиняешь меня во лжи, потом еще и обижаешь. — оскорбилась Темпест. — С меня довольно. Возвращайся-ка назад к себе в спальню.

— Сестричка!

— Я не шучу! — настаивала Темпест, готовая вытолкнуть Арабеллу из кровати.

— А ты спроси меня, откуда я знаю, что ты врешь о Херриет, — настаивала Арабелла.

Темпест села на пятки.

— Мы вернулись вместе с Херриет. Как ты смеешь утверждать, что я лгу?

— Я никогда не говорила, что ты обманывала о том, что Херриет придет, — ответила Арабелла сквозь зубы. — Я обвиняю тебя в том, что ты лжешь о записке. Херриет тебе ничего не писала.

— Откуда тебе известно?

— Потому что я у нее спросила, когда она приехала. — Арабелла хмыкнула, заметив испуганное выражение на лице сестры. — Ой, ты же не знала, что Херриет приехала, когда выступала мисс Кинг... Наша кузина и ее мать были не настолько учтивы, как ты, когда вошли в музыкальный салон. Когда Херриет заняла твое пустующее место, я спросила ее о записке. Она сказала, что вообще тебя не видела и лакея к тебе не посылала.

Темпест поморщилась.

Арабелла кивнула.

— Наша кузина забыла предупредить тебя, что уже пообщалась со мной. Когда я сообщила ей, что ты вышла, она предложила пойти тебя поискать.

Да, Херриет действительно забыла предупредить ее, что она уже побеседовала с Арабеллой. А еще это объясняло, почему кузина была настолько уверена, что Темпест с кем-то тайне встречалась.

— Ты что-то говорила матушке?

— Нет. Я позволила ей и лорду Уаррилоу думать о твоём отсутствии все, что им угодно. — Напряженная поза и холодок в голосе доказывали, что ее сестра очень на нее злится.

— Извини, что сомневалась в тебе, — сказала Темпест, сопротивляясь желанию ее обнять. Когда Арабелла обижена, она непредсказуема. — Мне жаль, что я обманула тебя. Ты права. Херриет мне записок не писала.

Холодность тут же слетела с лица Арабеллы, девушка придвинулась ближе.

— А кто написал?

— Сначала ты должна мне кое-что пообещать, — Темпест пошла на попятную: ей необходима была какая-то гарантия, что Арабелла унесет тайну сестры с собой в могилу.

— Клянусь, что никому ничего не скажу, — пообещала она, переплетая свои пальцы с пальцами Темпест. — Можешь мне верить.

Арабелла была не из болтушек. Темпест сглотнула и вздохнула.

— Ты помнишь Шанса?

Несколько секунд на лице сестры отражалось замешательство — она явно не помнила этого имени. Но потом недоумение сменилось узнаванием.

— Один из тех купальщиков? Как же я могу забыть его и остальных двух? Как там их звали?

Темпест едва заметно улыбнулась сестре.

— Торн и Сент-Лион. Если помнишь, мы еще мельком видели Шанса в театре.

Арабелла зажала рукой рот.

— Бог мой! — Она оглянулась на закрытую дверь, как будто боялась, что кто-то подслушивает в замочную скважину. — Шанс за тобой ухаживает?

— В некотором роде да, — слабо пискнула она.

Арабелла ахнула.

— Именно поэтому ты так холодна с бедняжкой лордом Уаррилоу?

— Ничуть я не холодна! — возразила сестра.

Арабелла ее не слушала.

— Как матушка и отец обрадуются, когда узнают, что у тебя появился очередной поклонник!

Темпест застонала и откинулась на подушки.

— Нет, Арабелла, родители не обрадуются.

— Почему? — У девушки округлились глаза (похоже, она сделала собственный вывод из услышанного). — Этот Шанс — охотник за приданным?

— Боюсь, еще хуже, дорогая сестричка.

— Хуже охотника за приданным? — Арабелла постучала по нижней губе. — Он торговец? Игрок? Второй сын? Настоящий сын аристократа? Сдаюсь-сдаюсь... Почему ты не хочешь рассказывать родителям о Шансе?

— Джентльмен, который представился Шансом, на самом деле — Матиас Рук, маркиз Фейрлэм, — ответила Темпест, ощущая, как все переворачивается внутри. Если сестра ее предаст, она больше никогда не увидит Матиаса.

— Лорд Фейрлэм...

Темпест нетерпеливо ожидала, когда же ее сестра наконец-то свяжет Шанса и его семью. Темпест подалась вперед и зажала сестре рот, чтобы заглушить пронзительный крик.

— Ты что? Весь дом хочешь разбудить? — прошипела она.

Арабелла поспешно покачала головой и пробормотала извинения. Когда Темпест убрала руку, Арабелла произнесла:

— Шанс — сын герцога Блекберна? Когда он тебе об этом сказал?

— Он не говорил. Мне рассказал Оливер.

— Ничего не понимаю! Эти трое уехали еще до возвращения брата. Откуда он узнал?

— У Оливера свои счеты с Шансом, и довольно давние. — Когда сестра вновь закрыла рот рукой, Темпест приготовилась к очередному приглушенному вскрику, но Арабелла лишь покачала головой. — Наш братец опустился до шантажа: он пообещал ничего не говорить отцу, а я поклялась избегать встреч с Шансом.

— Ты обманула Оливера.

С точки зрения сестры, ее бесчисленные грехи уже начали слагаться в небольшие горы.

— Разумеется, я Оливера не обманывала. Я искренне намеревалась держаться от Шанса подальше, но потом мы встретились в театре. Пока вы с миссис Шиэн сидели в ложе, ко мне пристал пьяный. Шанс меня спас.

Темпест решила опустить историю с поцелуем, поскольку ни сама Темпест, ни Шанс не получили от него удовольствия.

— Тебя спас лорд Фейрлэм? — вздохнула Арабелла. — Это просто героический поступок!

Сестра Темпест была натурой романтической. Если бы она узнала всю историю до конца, вероятно, не сочла бы его таким галантным кавалером. Однако мнение Темпест о ее порочном рыцаре с каждой их встречей улучшалось.

— Сначала я повесила нос, ведь брат поставил передо мной непосильную задачу. Я не могу сдерживать обещание и больше не встречаться с Шансом. Да и не хочу этого.

Арабелла схватила одну из пуховых подушек и прижала ее к сердцу.

— Ты в него влюбилась?

Темпест прятала глаза от вопрошающего взгляда сестры.

— Слишком рано делать выводы. — На самом деле Темпест понимала, что и Шанс борется со своими чувствами к ней. Даже если он действительно ее любит, человеку в его положении очень многое можно потерять. Он никогда не пойдет против воли семьи.

— Отец никогда не даст благословения на этот брак.

Лорд Норгрейв скорее ее убьет, чем отдаст в руки врагу.

Будь у Темпест хоть капля здравого смысла, она бы перестала противиться судьбе. Отец уже выбрал для нее супруга — лорда Уаррилоу, — а отец умеет убеждать. Молодой маркиз еще не встречал таких людей, как лорд Норгрейв.

— Незачем даже спрашивать у отца. Шанс меня замуж не позвал, а если в их семье такие же сложные отношения, как и в нашей, никогда и не позовет.

— Значит, ты сдалась?

— Конечно, нет! — самонадеянно ответила Темпест. — У нас — Семьи Брант — упрямство в крови.

Рейнбо оперся о длинный деревянный стол и подался вперед.

— Значит, Сент-Лион преувеличивает? Ты успел соблазнить дочь Норгрейва, пока ее матушка ожидала возвращения дочери несколькими этажами ниже?

Матиас сердито взглянул на виконта, тот в ответ лишь пожал плечами.

— Твой длинный язык доведет до того, что меня проткнут шпагой или убьют из пистолета.

— Не стоит все валить на меня! Ты сам играешь со смертью, друг мой, — возразил Сент-Лион. — Будешь развлекаться с дочерью семейства Брант — и, несомненно, в тебя упрется дуло пистолета.

После того, как они с виконтом проводили матушку Матиаса и его сестер к экипажу, приятели присоединились к Торну и Рейнбо в таверне. Когда они приехали, принц был как раз в эпицентре скандала. Небольшой порез в уголке рта до сих пор кровоточил, но он выстоял один против пятерых.

— А я думал, ты намеренно подбиваешь Маркрофта вызвать тебя на дуэль, — сказал принц, и по его тону было сразу ясно, что он думает о подобном поведении.

— Если тебя поймут на горячем, кто, по-твоему, потребует сатисфакции? — поинтересовался Торн, уже изрядно навеселе. — Отец или сын?

— Оба, — ни секунды не задумываясь, ответил Матиас. Он взял бутылку коньяка и налил кузену. — А потом мой отец лично довершит то, что начало семейство Брант.

— Ни один мужчина не станет убивать своего наследника, — усмехнулся Рейнбо, услышав подобное предположение.

Матиас поднес бокал с коньяком к губам и сделал глоток.

— Блекберн посчитает убийство избавлением, если заподозрит, что его наследник страдает от помешательства.

Торн гортанно рассмеялся.

— Что ж, будучи твоим кузеном, я часто сомневаюсь в здравости твоих суждений.

Матиас ногой сбил ноги кузена со скамьи и тот, потеряв равновесие, оказался на полу.

— Ты пьян. И нечего тебя слушать!

— Никто не будет обвинять тебя в помешательстве, Шанс, — возразил принц.

— Отец будет! Если я окажусь таким глупцом, что позволю Норгрейву с сынком напасть на себя, — ответил Матиас, потирая шею.

— Соблазнение старшей из дочерей Норгрейва — веское тому доказательство, — заметил Сент-Лион, чем заслужил очередной разгневанный взгляд Матиаса. — А что? Сегодня вечером вы с леди Темпест пропустили добрую часть выступления мисс Кинг. Чем вы занимались? Считали ее реснички?

— Или ее зубки, — вмешался Рейнбо.

— Это же Шанс! — произнес Торн, забираясь назад на скамью. — Он тут же полез к ней под юбку.

Таверна наполнилась резким, непристойным смехом.

Матиаса рассердило подтрунивание приятелей. Он сам удивился своему нежеланию обсуждать Темпест. Ни одному из них его не понять.

— Вы столько ночей провели в запое, что вам не понять истинной леди. Ничего не было, — ответил он, не в силах сдержать улыбку, когда подносил к губам бокал.

— Тогда пусть леди Темпест примет мое сочувствие, — сказал Рейнбо, толкая вперед пустой бокал. Матиас наполнил его коньяком. — И давно ты страдаешь импотенцией?

Матиас едва не захлебнулся коньяком.

— Мерзавец! — Он ловил ртом воздух. — Ты что, смерти моей желаешь?

— Нельзя... — очередной взрыв смеха, — ... обвинять Шанса в неумении сосредоточиться, — верный Сент-Лион бросился защищать друга. — С меня довольно уже того, что сегодня весь вечер, черт побери, пришлось следить за герцогиней Блекберн и леди Норгрейв.

Торн посерьезнел.

— До сих пор поверить не могу, что леди Хенвуд пригласила обеих дам. Ты уверен, что между твоей матерью и маркизой не произошло никакого скандала?

— Я следил за герцогиней, пока наш приятель тщетно пытался произвести впечатление на свою даму, — усмехнулся Сент-Лион. — Мать Шанса ни на минуту не оставалась одна.

— Да, я тоже так думаю, — кивнул Матиас, вспоминая душевную беседу с матушкой. Она обрадовалась, когда его увидела, но не захотела задерживать, ведь он спешил к друзьям. — Герцогиня обязательно бы сказала, если бы перекинулась с маркизой Норгрейв парой слов.

— Что ж... держитесь, друзья мои. Приближаются неприятности, — пробормотал себе под нос принц.

Матиас взглянул направо и фыркнул. К их столику приближался Маркрофт.

Если так будет продолжаться, нам придется выбирать таверны подальше от Лондона.

Если уж быть откровенным, то брат Темпест тоже не выказывал радости от их встречи.

— Фейрлэм! — угрюмо позвал он. Уперся своими ручищами о грубую поверхность стола. — Удели мне минутку. Нам нужно кое-что обсудить с глазу на глаз.

Маркрофту было неизвестно, что такое вежливость. Он постоянно задибался и скандалил, но Матиаса запугать ему не удавалось.

— Ты ошибаешься. Моя семья не имеет дело с семьей Брант. Ни с кем, кто к ней относится.

Маркрофт не обратил ни малейшего внимания ни на резкий выпад Шанса, ни на неодобрительный шепот и предостережения его приятелей.

— У тебя всегда храбрости было больше, чем мозгов, — вкрадчиво произнес Маркрофт. — И пока я буду наслаждаться тем, что буду портить твое красивое личико, я должен кое-что сказать тебе наедине.

— У меня нет тайн от друзей.

— Серьезно? — Маркрофт притворно удивился. — Тогда ты еще больший идиот, чем я думал. — Он обвел презрительным взглядом всех собравшихся за столом. — Памятуя историю, которая произошла между нашими семьями, ты слишком щедро раздаешь свое доверие. Друзья обязательно предадут, если почувствуют свою выгоду.

Матиас резко встал, Сент-Лион, Торн и Рейнбо застыли на месте. Холодный взгляд каждого из собравшихся джентльменов говорил о том, что они готовы к драке. Его друзья не раз доказывали свою верность, но Матиас предпочитал сам уладить дело с графом.

— Отлично, Маркрофт. Уважу тебя на пару минут, если это ускорит твой уход. — Шанс нагнулся и прошептал Сент-Лиону на ухо: — Проследи, чтобы нам не докучали его дружки.

Маркрофт только хмыкнул, увидев короткий кивок виконта. Даже если бы Матиас не завоевал преданность Сент-Лиона, эти два джентльмена никогда не могли бы стать приятелями.

Матиас ожидал от графа какого-то подвоха, поэтому он был настороже, когда они вышли на улицу и пошли за угол таверны.

— Все мое внимание безраздельно принадлежит тебе. Чего ты хочешь? — поинтересовался Матиас.

— На твой вопрос у меня множество ответов, — сказал граф, поглаживая подбородок. — Начнем с этого.

Есть вещи, которые всегда остаются неизменными. Матиас увернулся и избежал кулака соперника. В результате Маркрофт потерял равновесие, и Матиас тут же этим воспользовался. Он толкнул графа в стену таверны, завел его левую руку за спину, чтобы удерживать его в одном положении.

— Отпусти!

— Ну уж нет! — весело ответил Матиас. — Дай тебе волю, ты все разговоры будешь начинать с кулаков. Типичный Брант!

— Ты заслуживаешь большего, чем синяк на подбородке, — поморщился Маркрофт от боли, когда Матиас завел его руку повыше.

— Достаточно сказать, что я с этим не согласен. — Он наклонился, наслаждаясь тем, что его жертва по-прежнему пребывает в невыигрышном положении. — Мы закончили? Или еще что-то хочешь сказать?

— Да. Кое-что хочу тебе сказать. Держись подальше от моей сестры, ты, чертов ублюдок! — Маркрофт пытался вырваться из крепкой хватки Матиаса, наплевав на то, что ему становится еще больнее.

Искренняя ненависть в голосе графа встревожила Матиаса.

— От которой? — поинтересовался он, намеренно дразня Маркрофта. — У тебя же их три.

— Фейрлэм, здесь ты своим остроумием никого не удивишь, — выплюнул Маркрофт, все его грузное тело дрожало от гнева. — Хватит игры. Мне известно, что ты знаком со всеми тремя. А еще мне известно, что Темпест запала тебе в душу.

Матиас понимал, что рискует, но ослабил хватку и отошел от графа. Он наблюдал, как соперник крутит плечами, чтобы ослабить напряжение и снять судороги. Маркрофт медленно повернулся и оперся о стену таверны, потирая выкрученную руку.

— Все твои сестры настоящие красавицы, Маркрофт, — игриво продолжал Матиас. — Если тебе известно о нашем знакомстве, тогда ты также знаешь, что познакомились мы случайно.

Не стоило упоминать о том, что Темпест с Арабеллой следили за ними на реке и что дамы увидели намного больше, чем позволяли приличия.

— Темпест заверила меня, что встретились вы случайно, что она понятия не имела, кто ты, поскольку ты представился Шансом. — Граф провел рукой по волосам. — Не стоит играть со мной, Фейрлэм. Мне сказали, что ты подходил к моей сестре на приеме у леди Хенвуд.

Интересно, кто же этот «доброжелатель»? Сначала он подумал, что леди Норгрейв, хотя дама должна была быть такой же бессердечной, как и ее супруг, чтобы намеренно развязать скандал между ним и своим сыном.

— В тот вечер я много с кем встречался из гостей. Среди них была и твоя сестра, — ответил Матиас, явно раздражаясь из-за неприкрытой враждебности графа. Возможно, Маркрофта тревожат намерения Матиаса по отношению к Темпест, но сам Матиас не дурак, чтобы их открывать, да еще и Оливеру. Чаще всего этому человеку стоило только пальцем шевельнуть, чтобы вызвать у маркиза раздражение.

— Вероятно, тебя удивит, но я могу быть любезен даже с теми, кто носит фамилию Брант.

Маркрофт прищурился. Он угрожающе шагнул на соперника, но Матиас даже не шевельнулся.

— Можешь презирать меня, сколько хочешь, но Темпест оставь в покое. Моя сестра не одна из твоих певчих птичек или веселых вдовушек. Она слишком чиста, чтобы понять низменную и порочную натуру таких мужчин как ты.

— Или ты, — негромко заметил Матиас.

— Да, или я. — В полутьме в его глазах мелькнул мрачный юмор. — Моя сестра заслуживает того, чтобы выйти замуж за уважаемого человека, который будет ценить ее, даст ей дом, подарит детей. Мы с тобой прекрасно понимаем, что все это к тебе не относится.

— Ты понятия не имеешь, на что я способен, Маркрофт, — ответил Матиас, борясь с желанием ударить кулаком в ухмыляющееся лицо соперника. — Хотя должен признать, что мы с друзьями не сидим за столом и не плачемся о своей холостяцкой доле.

— Так я и думал, — свирепое выражение лица графа смягчилось. — Тогда у тебя нет причин преследовать Темпест.

— Ни одной, — солгал Матиас. У него была масса причин, но он не намерен был делиться ими с ее воинственным братом. — Твоя сестра знает, что ты за ней следишь?

— Я не... — Маркрофт запнулся, он сцепил зубы, чтобы слишком много не выболтать. — Я ее брат, и я обязан защищать Темпест. Считай это дружеским предупреждением. Если нам доведется еще раз встретиться, это будет на рассвете. Я ясно выразился?

— Предельно ясно. — Матиас наклонил голову и пошел прочь. Он был не из тех, кто отмахивается от угроз, особенно, когда их произносит Маркрофт. — А мисс Кинг тоже под твоей защитой?

Маркрофт вздернул голову.

— Мисс Кинг?

— Да, сегодня вечером я и с ней общался, — сказал Матиас, смакуя вспышку ревности, которая исказила решительные черты графа. — Она была бы рада возобновить наше знакомство.

Матиас напрягся от свирепого выражения лица соперника. И добавил масла в огонь, улыбнувшись. Такой мужчина, как граф, ни за что не признается, что питает нежные чувства к любовнице.

— С мисс Кинг ты волен поступать, как пожелаешь, — резко ответил Маркрофт. — Просто оставь в покое мою сестру. — Граф толкнул его плечом и исчез за углом.

Так быстро сдаваться было не в привычке Маркрофта. Матиас был почти разочарован. Интересно, что почувствовала бы мисс Кинг, если бы узнала, что чувства ее любовника не столь уж глубоки. Как легко он уступил ее другому! Но так и надо этой жадной шлюхе! По мнению Матиаса, Маркрофт и мисс Кинг стоят друг друга.

А что касается того, чтобы держаться подальше от Темпест...

Матиас стоял в тени, прислушиваясь к смеху и музыке, доносящимся из таверны. Теперь, оставшись один, он мог признаться: даже если бы он поклялся кровью, что будет держаться от девушки подальше — он бы солгал, стал клятвопреступником.

Он не мог объяснить, откуда он это знает. Что-то витало в воздухе, вертелось у него на

языке, таилось где-то в глубине души и позволяло верить — Темпест обязательно станет его любовницей.

Облаченные в платья для прогулок, Темпест с Арабеллой ждали в прихожей, когда запрягут лошадей в их экипаж. В это время лакей сообщил Темпест, что лорд и леди Норгрейв требуют, чтобы она явилась в гостиную.

— Подожди здесь, — велела она сестре и стала подниматься по лестнице.

Она даже не понимала, насколько нервничает, пока не заметила, как дрожат ее пальцы, когда она потянулась к ручке двери в гостиную. Обычно днем отца дома не бывало, и, увидев родителей вместе, Темпест еще больше испугалась.

Мама сидела на диване, отец расположился в одном из кресел. Она не отвлекла их от занятий, которыми бы мама могла занять свои руки, а отец ум. На столике перед ними не было ни книг, ни газет, ни вышивания. И ее родители не были поглощены беседой. К сожалению, у нее возникло чувство, что она точно знает, о чем пойдет разговор.

О ней.

Темпест проскользнула в комнату, сделала реверанс.

— Добрый день, матушка, отец, — она надеялась, что выражение лица у нее такое же беззаботное, как и ее тон. — Мы как раз собирались с Арабеллой прогуляться в парке, когда меня позвал Старлинг. Вы хотели меня видеть?

— Где Арабелла? — поинтересовалась мама.

— В прихожей, — ответила Темпест, переводя взгляд с мамы на отца. — Что-то случилось?

— Вовсе нет, — ответил ее отец, потирая руки, как будто был доволен либо самим собой, либо дочерью. Темпест мгновенно насторожилась. Отец встал с кресла, подошел к дочери. Взял за руку и поцеловал тыльную сторону ладони. Когда он опустил голову, Темпест заметила шрам у него на лице. Это был давний шрам, начинавшийся от внешнего уголка глаза и идущий вниз по скуле. Еще ребенком Темпест не раз спрашивала отца об этом шраме, но он каждый раз придумывал различные отговорки, начиная от нападения пиратов и заканчивая историей о том, как на него набросился сбежавший из зверинца медведь. Хотя ее любопытство меньше не стало, но ей казалось неприличным требовать от отца объяснений, которые он так не хотел давать.

Темпест последовала за ним к дивану. Он жестом пригласил ее садиться, дочь послушалась, а маркиз опустился на соседнее кресло. Сидя теперь между матерью и отцом, Темпест поинтересовалась:

— Какие-то новости? Мне позвать Арабеллу?

— Мы с мамой задержим тебя ненадолго, — ответил отец. — За завтраком я забыл упомянуть, что вчера виделся с твоим лордом Уаррилоу.

— Папа, на мой взгляд преждевременно называть этого джентльмена «моим», — мягко возразила Темпест, чувствуя неловкость от того, что отец относится к их связи с маркизом как делу решенному. — Вы согласны, матушка?

Мелкие морщинки вокруг матушкиного рта стали заметнее. Темпест не могла понять: то ли ее раздражает предмет беседы, то ли сам факт того, что ее в эту беседу втягивают.

— Лорд Уаррилоу наносит нам визиты достаточно часто. И это говорит о том, что он с нетерпением ждет благосклонности с твоей стороны, — ответила мать. — Однако твое благоразумие похвально.

— Но абсолютно ни к чему! — возразил лорд Норгрейв. Он достал часы из жилета, посмотрел, который час. — Даже сейчас Уаррилоу направляется к нам. Когда он узнал, что вы с сестрой днем собираетесь прогуляться в парке, то настоял, что будет вас сопровождать.

От услышанного сердце Темпест ухнуло вниз. Если Арабелла и готова смотреть сквозь пальцы на их встречу с Шансом в парке, то Темпест сомневалась, что лорд Уаррилоу будет настолько великодушен.

— Что-то не так, доченька? — поинтересовалась мама.

— Нет-нет! — ответила Темпест, вставая. Поздно уже отправлять посыльного к лорду Фейрлэму с запиской. Кроме того, существовала опасность, что этот посыльный расскажет кому-то из слуг постарше, а тот в свою очередь сочтет необходимым донести новость до ее матери. — Передам Арабелле хорошие новости.

Норгрейв смотрел вслед дочери, удаляющейся из гостиной так поспешно, словно кто-то сзади подпалил ей юбку. Девушка чего-то испугалась, и это было совершенно на нее не похоже. Старшая из трех сестер, Темпест внешне походила на мать, но в душе она больше напоминала отца и старшего брата. Если она ставила перед собой какую-то цель, то действовала разумно и твердо. Жаль, что Темпест не родилась мужчиной. Норгрейву хотелось, чтобы у него был еще один сын.

К сожалению, от Шарлотты ждать больше было нечего. Мертворожденный сын после Арабеллы, после этого еще три выкидыша. Много лет он полагал, что чрево супруги мертво, а потом родилась Августа.

Еще никогда он не был настолько разочарован.

Титул и обаяние гарантировали ему успех у женщин. Как до, так и после свадьбы с Шарлоттой. Некоторые из этих женщин рожали ему сыновей, но он их не признавал. Единственный его наследник — Маркрофт, и большинство мужчин этим бы и довольствовались, но единственный сын делал Норгрейва слишком уязвимым. Любой несчастный случай, просчет на дуэли — и маркиз в ту же секунду останется без наследника.

Он даже подумывал о разводе. Однако на пути встала семья супруги. Ее беспощадные братья слишком крепко привязали его к этой жалкой женщине, и только ее смерть могла служить для него освобождением. Смерть Шарлотты... В часы отчаяния эта мысль грела ему душу.

— Ты улыбаешься, — пробормотала маркиза, он повернулся и наткнулся на ее пристальный взгляд. — Такая редкость, когда мы остаемся наедине. Следовательно, причина не во мне. Полагаю, ты радуешься тому, как продвигаются ухаживания Уаррилоу?

Норгрейв пожал плечами.

— Уаррилоу тоже видит преимущества от вхождения в нашу семью. Но он несколько сомневается в желании самой Темпест. — Норгрейв замолчал, ожидая, выскажет ли супруга какую-либо озабоченность или предложит объяснения. Но наткнувшись на стену молчания, он продолжил. — Ты забыла рассказать о том, что произошло в доме леди Хенвуд.

— А что произошло? — Маркиза откашлялась. — Или ты намекаешь на вопиющий интерес твоего сына к мисс Кинг? Честно говоря, стыдно, как он виляет пред ней хвостом. Всем стало очевидно, что они любовники.

Если бы Норгрейв не рассматривал Шарлотту так пристально, он бы не заметил паники в глазах супруги. Что само по себе интриговало — уже очень давно ему не удавалось вывести ее из себя.

— Да плевать я хотел на похождения нашего сына! — ответил он, закрывая тему. В каких бы грехах не обвиняли Маркрофта, старший Норгрейв был уверен, что сам бы поступил еще хуже. — Уаррилоу рассказал мне, что во время выступления мисс Кинг Темпест извинилась и вышла, и не возвращалась до самого конца выступления. Лорд обеспокоен тем, что она придумала какую-то историю, чтобы избежать его компании.

— Какая ерунда! — воскликнула Шарлотта, вставая.

Норгрейв схватил супругу за запястье, чтобы она не улизнула.

Она попыталась смягчить его негодование по поводу поведения Темпест. Заинтригованный, он схватил ее еще крепче. Супруга сердито взглянула на мужа.

— Твой молодой протеже зря волнуется. Темпест пошла искать Херриет. Ты же знаешь, как девочки близки.

— Наверное, ты права, — согласился он, не сводя с нее глаз. Он ободряюще улыбнулся, когда она поморщилась от того, что его пальцы еще сильнее вцепились ей в руку. — Так почему ты ничего не рассказала мне о вечере у леди Хенвуд? Кажется, я что-то пропустил, но уверен, что ты готова мне все в подробностях рассказать.

— Из-за тебя мы опоздали.

— Хватит уже ворчать! — пожаловался Сент-Лион. — Мужчина не должен показывать даме, что слишком рад ее видеть. Имей хоть немного гордости. Ради меня.

Матиас засмеялся. Ни словом, ни делом его приятель не мог сегодня испортить его хорошего настроения. Двое приятелей приехали в парк верхом. И хотя они заранее это не обговаривали, но Матиас предположил, что Темпест по парку будет прогуливаться в экипаже. Он даже предвидел, что, скорее всего, она будет не одна, поэтому пригласил Сент-Лиона. Этот человек сможет заставить улыбаться даже суровую спутницу Темпест. Если им с Темпест не удастся найти благовидный предлог, чтобы прогуляться вместе, он планировал ехать рядом с экипажем дам и беседовать, пока они будут разъезжать по парку.

— Как думаешь, леди Темпест пригласит с собой на прогулку свою красавицу сестру? — поинтересовался виконт, пытаясь найти хоть какие-то плюсы в их сегодняшней прогулке.

— Для леди Августы ты уже слишком стар, — поддразнил его Матиас.

— Изумительный ребенок, но я говорил о леди Арабелле.

Матиас вопросительно взглянул на Сент-Лиона, но тот смотрел прямо перед собой. Пока он изучал профиль друга, ему не давала покоя одна мысль. Об отце Сент-Лиона ходили разные слухи, но приударять за дамой, которая может оказаться твоей единокровной сестрой, — слишком даже для самого отъявленного подлеца.

— А для леди Арабеллы ты слишком юн, — ответил он, отмахиваясь от мрачных мыслей. Не стоит вмешиваться, пока его друг не успел влезть в неприятности.

Сент-Лион поджал губы и несколько секунд размышлял над словами друга. А потом он вздохнул.

— Твоя правда.

Правой рукой придерживая поводья, он подался вперед, привстал с седла, пытаясь разглядеть что-то за большим экипажем перед ними.

— Знаешь, не хочу портить тебе настроение, но мне кажется, что я вижу в твоём плане слабые места, друг мой.

Матиас обратил свое внимание на то, что обеспокоило Сент-Лиона. Вдалеке показались

два экипажа. Первый явно был не тот — маркиз насчитал четырех пассажиров. Затем он начал разглядывать двух дам, которые ехали во втором. Обе дамы были в шляпках, и поэтому он не был уверен в том, кто они. Маркиз направил лошадь правее и сразу понял причину беспокойства Сент-Лиона: дамы были не одни. Рядом с экипажем скакал в седле мужчина.

Лорд Уаррилоу.

— Поверить не могу, — пробормотал Матиас.

Виконт сочувственно скосил глаза на друга.

— Может быть, это не она.

— Конечно, это она! А ее спутница скорее всего леди Арабелла. Маркиз в последнее время — самый преданный поклонник Темпест. Леди Норгрейв пригласила лорда Уаррилоу сесть рядом с ее дочерьми, когда они слушали выступление мисс Кинг в доме леди Хенвуд.

Сент-Лион тут же узнал знакомое выражение на лице друга и попытался предотвратить стычку.

— Если этот человек ищет себе невесту, само собой разумеется, что он ухаживает за дамами.

Темпест выбрала момент и повернулась, чтобы Матиас смог полюбоваться ее утонченным профилем. Злость, которая кипела у маркиза внутри, грозилась выплеснуться наружу.

— Поезжай за мной, — велел он, пришпоривая лошадь, чтобы объехать медленнодвигающийся по тропинке экипаж.

— Сегодня не самый удачный день, чтобы засвидетельствовать свое почтение леди Темпест и ее сестре, — предостерег виконт, но покорно последовал за Матиасом. — Что бы ты ни собрался сделать — умоляю, сперва подумай!

— Не волнуйся ты так, — ответил он, пришпоривая лошадь еще больше.

— Шанс! — окликнул Сент-Лион, но он уже отстал от приятеля.

Матиас даже не думал останавливаться, пока не поравнялся с задними колесами экипажа семьи Брант. Он слышал за спиной цокот копыт — это Сент-Лион догонял его.

Однако последний не успел — встречи уже было не избежать.

Темпест, должно быть, услышала приближение двоих всадников, поэтому оглянулась через правое плечо. Заметила грозное выражение на лице у Матиаса и вздрогнула.

«Я ничего не могла поделать», — произнесла она одними губами.

Неудачное извинение. Темпест казалась воплощением раскаяния, когда взглянула на него своими серьезными глазами. Да, Уаррилоу поехал с ними, но не она его приглашала. В груди

Матиаса потеплело. Но потом ее сестра засмеялась какой-то остроте маркиза, и всякое сочувствие к обеим дамам испарилось.

Он прикоснулся затянутыми в перчатки пальцами к полям шляпы и кивнул Темпест в знак приветствия. А потом, пришпорив лошадь, поскакал прочь, не оборачиваясь. Интересно, Сент-Лион задержится, чтоб принести извинения за грубость своего приятеля?

Когда виконт догнал его, он был налит яростью.

— Ты скотина!

И впервые Матиас готов был с ним согласиться.

— Так любезно с твоей стороны сопровождать меня на бал к Кармакам, — сказала Сабра, входя в бальный зал под руку с Матиасом.

— Я думал, ты хранишь себя для своего стареющего графа, — поддразнил он.

Прошло четыре дня с тех пор, как они с Сент-Лионом усаkali прочь по парковой аллее, оставив Темпест с сестрой в надежных руках лорда Уаррилоу.

Матиас грустил — и друзья стали таскать его из одного игорного притона в другой. Рейнбо, Сент-Лион, Торн и он сам чудовищно напились дешевым вином. У одних столов он выигрывал, у других проигрывал. Возникло несколько потасовок, а Рейнбо вообще вызвали на дуэль, потому что он тискал чужую жену. Подробности стерлись из памяти, но принцу удалось выкрутиться из этой непростой ситуации, не сделав ни одного выстрела.

Большую часть следующего дня Матиас спал. Когда он проснулся, слуга принес ему приглашение от Сабры. Маркиз сожалел о том, как они расстались, поэтому он принял ее приглашение. К тому же это даст ему возможность извиниться. Они снова стали добрыми друзьями, и теперь, когда в голове прояснилось, он поклялся больше никогда не пить вино сомнительного качества.

— Моего графа нет в городе, — сообщила ему Сабра. — У него разыгралась подагра. Но, по-моему, это всего лишь отговорка, чтобы остаться в деревне и половить рыбу.

Последний час они с Саброй провели в чередe гостей, которые хотели засвидетельствовать свое почтение графу и графине. По всему выходило, что на бал сегодня собрался весь свет. Чуть ранее он заметил, как Сент-Лион проследовал за какой-то блондинкой вверх. Матиас надеялся, счастье не изменило другу и это не одна из дочерей Кармака.

— Чем предпочитаешь заняться вначале? Потанцевать или поискать, где наш хозяин поставил карточные столы? — Сабра наклонилась к нему, едва не касаясь губами его уха. — Возле окна справа от нас стоят родители Торна. Зная твоего кузена, можно предположить, что он, скорее всего, прячется в комнате с карточными столами, чтобы не встречаться с дамой, на знакомстве с которой настаивают его родители.

Упоминание о картах воскресило в памяти ночи попойки. Его бедный желудок до сих пор болел от такого надругательства. Матиас покачал головой.

— Мы развлечем Торна позже. Я хочу потанцевать с тобой. Как полагаешь, твой стареющий граф одобрит танцы?

Сабра в ответ засмеялась.

— Он от всего сердца одобряет танцы — если только его самого не заставляют танцевать.

Когда они направлялись к остальным танцующим и оркестру, Матиас нахмурился.

— Не мне судить, но неужели ты будешь счастлива, выйдя замуж за такого малоподвижного джентльмена? Между вами нет ничего общего.

Тронутая его заботой, она успокаивающе погладила его по руке.

— Ему нужен наследник, и я могу ему его подарить. В ответ он подарит мне обеспеченную жизнь, Шанс. Пока я еще не приняла окончательного решения, но надо быть полной душой, чтобы не принять его предложения.

Матиас собрался было что-то ответить, но тут мимо него в танце проскользнула дама в

белом платье из атласа и газа. Наряд украшали широкие зеленые ленты, он был задрапирован тонким кружевом и украшен розами из шелка.

Грациозный танец и умелый партнер. Темпест и лорд Уаррилоу.

Казалось, что девушку тоже ошеломила их встреча. Матиас даже не заметил, как шагнул в их сторону с одним-единственным желанием — разъединить пару, но Сабра сжала его руку.

— Это она?

Взбешенное лицо и явное желание ударить — какие еще нужны доказательства?

— Тебя тянет на графов, а леди Темпест коллекционирует маркизов, — выругался Матиас, чем вызвал неодобрительные взгляды собравшихся гостей.

— Вероятно, нам пора переместиться за картонные столы, — предложила Сабра и потянула его за руку. — Глядя на гостей лорда и леди Кармак, можно предположить, что за столами есть с кем поиграть. Вместе мы могли бы отыгаться за вчерашнее.

— А кто тебе сказал, что я проигрался? — фыркнул он, обидевшись даже на предположение о том, что он не в состоянии играть, когда пьян. — Я никогда не проигрываюсь. — Он сердито взглянул на Темпест и маркиза. — Пошли. Будем танцевать.

— Шанс, честно говоря, это не лучшее твоё предложение, — сказала Сабра, не двигаясь.

— Тут я не согласен.

Темпест понадобилась вся ее смелость, чтобы не сбежать.

Она понятия не имела, что Шанс знаком с лордом и леди Кармак. Она приехала на бал с матерью и Арабеллой, но сначала они решили начать вечер за карточным столом. Когда троица заметила лорда Уаррилоу, который в одиночестве скучал в бальном зале, как будто кого-то ждал, леди Норгрейв заявила, что само провидение послало им лорда Уаррилоу, чтобы тот развлекал Темпест, раз уж карты ее не интересуют.

Темпест понимала, что матушка тайно сговорилась с красавцем маркизом.

Она даже не успела возразить, как к ним подошел лорд Уаррилоу. Не его вина, что ему необходима была невеста, а ее семья решила, что она для этого — идеальная кандидатура. Как и во время прогулки в парке, она не хотела устраивать скандал. Уаррилоу не заслуживал ни ее гнева, ни ее безразличия.

При виде лорда Фейрлэма чувство вины только усилилось.

Пока она не заметила, что Шанс тоже не один. Хрупкая голубоглазая блондинка в малиновом бальном платье прикасалась к нему настолько интимно, что это задело Темпест за живое. Когда лорд Уаррилоу вел ее в центр зала, Темпест видела, как дама что-то шептала Матиасу.

Наверное, она умоляет его покинуть бальный зал?

Через пару минут Шанс с блондинкой присоединились к танцующим.

Девушке пришлось отводить глаза, глаза щипало от навернувшихся слез. Она ревновала, черт бы его побрал! Вероятно, он так и задумывал: дерзко напомнить ей, что может обольстить любую женщину, которую захочет.

После того, как он увидел ее в парке с маркизом, Шанс решил, что она играет с ним? К тому же он всегда был невысокого мнения о ее семье. Скорее всего, он решил, что пришло время забыть о своих чувствах к ней и найти даму, из-за которой его семья не откажет ему от наследства, если он продолжит за ней ухаживать.

Ее душили рыдания.

— Вас что-то расстроило?

Темпест натянула улыбку.

— Тут немного душно, — солгала она. При виде того, как Шанс сжимает в объятиях другую, ей становилось нечем дышать.

Сердце ныло, но они с маркизом продолжили танцевать, лавируя между другими танцующими. Она мельком видела Шанса с его партнершей, когда она делала поворот, крепко вцепившись в руку лорду Уаррилоу. Пара, за которой девушка наблюдала, танцевала в дальнем конце зала. Казалось, что Шанс ведет свою партнершу к двери в сад.

Темпест вспомнила, как они с Матiasом прогуливались по саду леди Окстон. Вспомнила их поцелуй. Она едва не закричала, когда парочка исчезла в ночи. Лорд Фейрлэм — ужасный человек. Похититель сердец. Она презирала его, и если представится возможность, она с радостью убьет его, а потом станцует на его могиле.

Сбившись с ритма, она наступила маркизу на черные вечерние туфли и споткнулась. Лорд Уаррилоу подхватил ее, прижал к своей груди.

— Простите, милорд. Я такая неловкая, — пробормотала она и, поморщившись, отодвинулась.

— Миледи, вам больно? — испугался маркиз, шагнув к ней.

— Ничего страшного. Я просто подвернула ногу. — Темпест поморщилась от боли, когда попыталась сделать еще шаг.

— Позвольте вам помочь. — Не обращая внимания на ее слабые возражения, он обхватил ее за талию и помог пересечь зал. — Я пошлю кого-нибудь, чтобы сообщили вашей матушке.

— Нет-нет! — взмолилась она и потянула его за руку. — Нет причин беспокоить ее или Арабеллу. Боль сначала испугала меня, но сейчас я чувствую себя намного лучше. Я поднимусь вверх и попрошу кого-то из служанок помассировать ее. Если я на какое-то время оставлю ногу в покое, боль быстро пройдет. — Она искренне ему улыбнулась. — И тогда мне не нужно будет признаваться матушке в своей оплошности. А как ваша нога?

Он спрятал улыбку.

— С моей ногой все в порядке, леди Темпест.

Опершись о руку лорда Уаррилоу, она старалась не хромать, чтобы показать, что у нее пустяковая травма. Так они добрались до лестницы в вестибюле.

Она отпустила его руку и ухватилась за перила.

— Дальше я сама, милорд.

Лорд Уаррилоу взглянул на ее ноги, как будто мог разглядеть, насколько серьезные повреждения. Кивнул, взглянул ей в глаза.

— Танцы с вами доставили мне огромное удовольствие.

— Даже тогда, когда я наступила вам на ногу? — пошутила она.

— Мне кажется, что это мое самое любимое воспоминание, — застенчиво признался он и рассмеялся, заметив ее изумление. — У меня появился предлог сжать вас в своих объятиях.

— Ой! — Хоть и случайно, маркиз впервые признался, что желает более близких отношений. — Очень приятно слышать, — испытывая неловкость, ответила Темпест.

— Вы абсолютно уверены, что не хотите, чтобы я послал за вашей матушкой? — Он отвернулся с виноватым видом. — У меня назначена встреча, и я собирался уходить. Но я мог бы... остаться.

Лорд Уаррилоу заглянул к Кармакам, чтобы иметь возможность увидеть, а, может быть,

даже потанцевать с ней. Разумеется, у него были другие планы на этот вечер. Ее отец редко посещал балы, предпочитая различные клубы.

— Нет-нет, не стоит менять свои планы. Ступайте... хорошего вечера, — сказала она, хватаясь за перила. — Если мне понадобится помощь матушки, я попрошу кого-нибудь из слуг пригласить ее или мою сестру.

— Что ж... отлично. — Он поклонился. — С нетерпением жду нашей следующей встречи, леди Темпест.

— Хорошего вечера, лорд Уаррилоу. — Улыбка сползла с ее лица, как только маркиз повернулся к ней спиной и зашагал к двери.

Он ушел и Темпест стала медленно подниматься по лестнице. Лодыжка болела, но девушка могла все-таки наступать на больную ногу. Темпест свои слезы списывала на боль, а не на изменившееся отношение Шанса. Глаза застилали слезы, и тут ей пришло в голову, что она понятия не имеет, какую комнату хозяева отвели для гостей женского пола. Она открыла дверь в одну из комнат, внутри было темно. Вторая дверь была заперта. Она вытерла слезы и попыталась открыть дверь комнаты, находящейся напротив той, что была заперта.

Она ахнула, столкнувшись с какой-то блондинкой. Женщина едва взглянула на нее, но пробормотала извинения и зашагала прочь. Цвет ее волос напомнил Темпест о той даме, с которой Шанс скрылся в саду. Она зажала рот рукой и вошла в комнату... и тут же закричала, когда знакомый джентльмен схватил ее за руки.

— Леди Темпест.

Она заморгала, пытаясь разглядеть собеседника. Черт побери! Вот невезение! Она столкнулась с лордом Бастреллом, одним из приятелей Шанса.

— Миледи, вам больно? — поинтересовался он, ощупывая ее плечи, чтобы понять, нет ли повреждений.

— Я... со мной все в порядке, милорд, — ответила она и не смогла сдержать рыданий. — Можете идти...

Большинство мужчин любыми средствами избегают женских слез. Темпест ожидала, что он сбежит, получив ее благословение, но виконт удивил ее, потянув в комнату. Не обращая внимания на все ее заверения, что все в порядке, он повел девушку к дивану и протянул платок.

Она была бы тронута, если бы так сильно не хотела, чтобы ее оставили в покое.

Лорд Бастрелл не стал садиться в одно из кресел или на диван, а присел перед ней на корточки. Темпест отказывалась на него смотреть. Она чувствовала, как его встревоженный взгляд ощупывает ее лицо.

— Очень любезно с вашей стороны, но вы не обязаны со мной оставаться. — Она вытерла мокрые от слез щеки. — Мне просто нужно побыть одной.

— Вас кто-то расстроил? Обидел? — мягко спрашивал он.

— Ничего страшного. Я... я просто подвернула ногу, лорд Бастрелл, — призналась она, надеясь, что ее честность ускорит его уход. — Мне очень стыдно, что я вас побеспокоила.

— Сент-Лион. Можете считать меня своим другом, миледи.

Из-за доброты виконта Темпест утратила хладнокровие. Лицо девушки исказилось от боли и тяжести утраты, ком встал в горле, грозясь ее задушить. Неожиданно она поняла, что зарылась лицом в шею Сент-Лиона. Он стоял на коленях и притянул ее к себе, чтобы утешить.

Уже второй джентльмен за этот вечер предлагал ей свою дружбу и сочувствие, когда

она плакала из-за мужчины, которого не могла заполучить.

— Тихо-тихо, — прогудел он, как будто утешая ребенка. — Хотите мне пожаловаться?

Она почувствовала себя глупо.

— Я...

Темпест вздрогнула, когда кто-то резко хлопнул дверью. Девушка со Сент-Лионом отпрянули друг от друга, и, повернув голову, она увидела приближающегося к ним Шанса.

— Сначала Уаррилоу, а теперь один из моих лучших друзей, — прорычал он, как будто она ему изменила.

— Шанс! — начал виконт, опираясь ладонями в колени и вставая. — Ты все неправильно понял.

— Больше ни слова, Сент-Лион! — рявкнул маркиз, отбрасывая руку приятеля, когда тот попытался положить ему руку на плечо. Шанс взглянул на залитое слезами лицо девушки. — Маленькая соблазнительница! Обвела меня вокруг пальца! Хотя с другой стороны... чего еще ожидать от семейства Брант!

Темпест встала. Внутри клокотала ярость. Пальцы сжались, как будто она хотела ударить его по лицу.

Заметив, что она сжимает руку в кулак, он вздернул вверх подбородок.

— Бей, дорогая. Я жду!

Она поджала губы, обиженная его тоном. Как ей хотелось его ударить! Если бы только она была мужчиной!

Сент-Лион перехватил его руку.

— Довольно! Что с тобой? Ты пьян?

Шанс обрушил весь свой гнев на виконта.

— А ты! Мой лучший друг! Неужели обязательно укладывать в постель каждую особу в юбке, что встречается тебе на пути?

— Оставь его в покое! — велела Темпест и поморщилась, когда она шагнула ближе к джентльменам. — Не приписывайте Сент-Лиону своих грехов, лорд Фейрлэм.

Благодаря Шансу слезы мгновенно высохли. Мерзавец! Негодяй!

— О чем она говорит? — поинтересовался виконт, сбитый с толку взглядами, которыми обменивалась эта парочка.

— Ваш друг любит по вечерам прогуляться по саду. И каждый вечер с разными женщинами, — пояснила она с отвращением. — Держу пари, вы даже не знаете, как ее зовут.

— Сабра, — нетерпеливо ответил Шанс. Сент-Лион застонал.

— Ты приехал на бал с Саброй? — Виконт разочарованно покачал головой. — Ты сошел с ума? Глупый поступок, мой друг.

— А я должен был просить твоего благословения?

Эту таинственную леди явно что-то связывало с этими двумя джентльменами.

— Мне плевать, кто она, — прошипела Темпест сквозь зубы. — И с кем ты прогуливаешься под фонарями в саду. И с кем ты... с кем ты целуешься. Она может тебя забирать! — С высоко поднятой головой она направилась к двери. Лодыжка нещадно болела, но она не потрудилась скрыть хромоту.

— Что, черт побери, у тебя с ногой? — заорал Шанс, следуя за ней к двери.

— Не ваше дело, лорд Фейрлэм, — резко ответила она.

Сент-Лион оттянул своего приятеля, пока тот не успел перехватить девушку.

— Когда я ее встретил, она была очень расстроена. Я решил успокоить ее, а потом найти ее родных. А до прихода леди Темпест, я встречался... с одной приятельницей.

Темпест закатила глаза: да уж, приятельница виконта поправляла платье, когда выходила из этой комнаты. Темпест распахнула дверь гостиной, чтобы уйти, но Шанс ладонью придавил дверь, закрывая.

— Я буду кричать, если ты не дашь мне выйти, — пригрозила она.

— А где Уаррилоу? — От его резкого тона девушка опять оцетинилась. — Он чем-то тебя расстроил?

— Он расстроил?! — Темпест прищурилась. И Шанс, и Сент-Лион были достаточно умны, чтобы догадаться, что она в ярости. Оба отпрянули. — Я должна сообщить вам, что лорд Уаррилоу истинный джентльмен, а вы, лорд Фейрлэм, можете катиться к черту!

Никто из мужчин не стал ее останавливать, когда она открыла дверь. Темпест вышла в коридор и быстро, насколько позволяла подвернутая лодыжка, зашагала прочь. Она была настолько зла на Шанса, что почти не чувствовала боли. Этот человек разбил ей сердце. А потом у него еще хватило наглости злиться на лорда Уар-рилоу за то, что тот гипотетически мог ее обидеть.

Она уже почти дохромала до лестницы, когда почувствовала, как кто-то коснулся ее плеча. Она ударила, не глядя, но рука просто просвистела в воздухе, никого не задев. К своему стыду она поняла, что пыталась ударить лорда Бастрелла.

— Простите меня, я думала, что вы... это он.

Виконт в знак капитуляции поднял руки.

— Я велел ему оставаться в гостиной, пока я с вами поговорю. Ни один из вас не способен рассуждать здраво.

— В этом всегда была проблема, когда речь заходила о лорде Фейрлэме, — язвительно ответила она, злясь прежде всего на себя. — К счастью, я вовремя образумилась.

— Вы уходите?

Она кивнула.

— Сначала мне необходимо найти кого-нибудь из слуг. Моя матушка с сестрой где-то за карточным столом. Мне необходимо сообщить им, что я подвернула ногу и хочу пораньше уехать.

— Он и слушать меня не стал, когда я сказал, что вы повредили ногу, — пробормотал Сент-Лион.

Темпест нахмурилась, не понимая, о чем он говорит.

— Прошу прощения...

Он усмехнулся.

— Так, чепуха. Скажем, у меня появилась идея. Пока вы будете искать слугу и писать записку вашей матушке, позвольте мне исправить недоразумения, которые возникли между вами и Шансом из-за меня, и предложить вам свой экипаж.

— В этом нет необходимости. Во всех недоразумениях виноват сам Шанс. Не вините себя, — великодушно сказала она. — Да и мне наплевать, что он думает. («Особенно после того, как я видела, как Шанс флиртует с этой Саброй».) И вы не должны меня провожать домой. Мы прибыли в своем экипаже. Кучер может вернуться позже и забрать маму с сестрой.

— Ерунда, — возразил он, осторожно беря ее за руку, чтобы помочь спуститься по лестнице, не слишком напрягая больную ногу. — Этот бал — первый из нескольких мест,

куда планировали заехать ваша матушка с сестрой. Зачем причинять им неудобства, когда я могу оказать вам маленькую услугу?

— Сент-Лион...

— Ничего не говорите, — сказал он, отменяя ее возражения. — Для меня честь — помочь вам. Не говоря уже о том, что мой поступок раздосадует Шанса.

Темпест все еще злилась на маркиза, поэтому Сент-Лион точно знал, что сказать, чтобы получить ее согласие.

— Отлично. Я найду кого-нибудь из слуг.

— Экипаж будет ждать, когда вы освободитесь, дорогая, — заверил ее Сент-Лион.

Темпест ожидала, что если уж Сент-Лион оказался настолько любезен, что предоставил ей свой экипаж, то он и проводит ее домой. Но тот только помог устроиться ей в экипаже и захлопнул дверцу.

Она ладонью придержала дверь, не давая ее закрыть.

— А вы не едете?

Виконт поклонился.

— Прошу простить меня за то, что оставляю вас. Должен признаться, у меня остались незаконченные дела с той блондинкой. Вы знакомы с этой дамой — она была одной из тех, кто...

— Я очень сожалею, — ответила Темпест, не желая вникать в подробности. — Можете передать мои извинения своей подруге.

Сент-Лион с вождением закатил глаза. Очаровательный мерзавец!

— Всенепременно, — пообещал он и захлопнул дверь.

Он взглянул на сидящего на козлах кучера.

— Присмотри за леди Темпест, любезный.

— Разумеется, милорд, — хрипло ответил кучер.

Махнув на прощание Сент-Лиону, Темпест откинулась на богато украшенные подушки и стала наслаждаться поездкой домой. Измученной девушке показалось, что она всего лишь на секунду прикрыла глаза.

Через пять минут она уже крепко спала.

Что-то мягкое защекотало ее щеку.

Не открывая глаз, Темпест медленно начинала осознавать, что экипаж уже не движется. Она зевнула и выпрямилась, чтобы потянуться. И тогда она открыла глаза и ахнула.

Это был не экипаж Сент-Лиона. Кто-то занес ее в дом, пока она спала, положил на диван и прикрыл ноги одеялом. Она была потрясена тем, насколько она устала, и не понимала, как могла довериться чужому кучеру. Она огляделась. Несколько масляных ламп освещали незнакомую гостиную.

«Это не дом моего отца!»

Она откинула одеяло, села, касаясь ногами толстого ковра. Пока она спала, кто-то снял с нее вечерние туфельки. Не успела она испугаться, как в комнату с большой миской в руках вошел Шанс.

— Хорошо, что ты проснулась, — сказал он, опускаясь перед ней на колени. — Я стал уже тревожиться, что ты сказала Сент-Лиону не всю правду.

— О чем? — удивилась она, не понимая, как она оказалась в незнакомом доме с Шансом.

— О серьезности твоих увечий, — спокойно объяснил он. — Он сказал мне, что ты повредила лодыжку, но ты даже не шелохнулась, когда я открыл дверцу экипажа. Я боялся, что ты могла удариться головой, когда я попал колесом в одну из особенно глубоких ям на улице.

Она опустила назад на диван.

— Это ты был кучером?

— Да. — Увидев ее ошарашенное лицо, он поспешно объяснил: — Но ты была в безопасности. Я умею управлять экипажем. Сент-Лион, Торн, я — все мы сживали на козлах. Иногда даже устраиваем скачки. — Она просто смотрела на него, открыв рот. Шанс опустил голову, поставил миску с водой у ее ног. — Не волнуйся. Какую ногу подвернула?

— Левую, — ответила она, пошевелила пальцами ног и поморщилась. — До сих пор болит, но уже не так сильно.

— Я нагрел воду. Подержим твою ножку в соленой воде, чтобы облегчить боль. — Он нежно взял ее за левую ногу и опустил ее в теплую воду. — Я нагрел достаточно воды, на случай, если ты захочешь горячего чая.

Теплая вода ничуть не смягчила ужас, нараставший у нее внутри.

— Это дом твоего отца?

Шанс покачал головой, продолжая суетиться и переставляя ее ножку в миску с водой.

— Я же говорил тебе, что больше не живу с семьей. Это мой дом.

— Почему я здесь? — не сдержалась она. — Что происходит, Шанс?

— Клянусь, что я тебя не обманываю, — сказал он и перекрестился. В какой-то момент он снял свой черный фрак и жилет. Узел шейного платка был до сих пор завязан, но он закатал рукава, когда качал и грел воду. — Тебе удобно? Я могу зажечь камин, если ты продрогла.

— Достаточно одного одеяла, — ответила она, мысленно задаваясь вопросом, не ударились ли она головой. Ничего из происходящего вокруг не имело смысла. — Ты очень разозлился на меня.

— А ты хотела меня ударить. — Он негромко поцокал языком. — Сент-Лион клянется, что ты замахнулась на него.

— Я думала, что это ты! — пробормотала она, до сих пор сбитая с толку его поведением.

— Понятно, — произнес он, судя по голосу, не слишком расстроенный тем, что спровоцировал девушку пойти на насилие. — Что ж, никто не пострадал. Господь свидетель, что я заслужил такое отношение с твоей стороны.

Этого покаяния Темпест уже выдержать не смогла. Его спокойствие совершенно не вязалось с его обвинениями. Она закрыла лицо руками, чтобы он не видел ее слез.

— Темпест! — воскликнул он, подполз на коленях к ней, убрал руки от ее лица. — Моя любимая!

Не колеблясь ни секунды, он заключил ее в объятия, подталкивая ее зарыться лицом ему в плечо. Темпест почувствовала его руки на своей спине. Шанс прижал ее ближе, пока она рыдала.

— Я очень сожалею, — пробормотал он ей в шею. — Я просто ревновал. Мне стыдно признать, что я потерял голову, когда увидел, как ты танцуешь с Уаррилоу. Не говоря уже о том, что он испортил наше свидание в парке. Я начал задаваться вопросом: а не приложила ли ты к этому руку? И выместил свой гнев на тебе. Я был несправедлив, не дав тебе возможности даже объясниться. Наговорил вам с Сент-Лионом кучу глупостей.

— Он любит тебя, — сказала она, шмыгая носом, когда оторвала голову от его плеча. Шанс протянул ей чистый платок. — Сент-Лион точно простит тебя. Иначе он никогда бы не стал заманивать меня в твой экипаж, чтобы устроить это похищение.

— Я тебя не похищал, — возразил он, забирая платок из ее рук и вытирая ей слезы. — Считай эту остановку временной задержкой. Ты можешь уехать, как только пожелаешь.

Только скажи. Я просто хотел побыть с тобой наедине, чтобы как следует извиниться. Я был жесток и заслуживаю наказания.

Шанс выглядел таким раздраженным, что она не смогла сдержать улыбку.

— А забота о моей лодыжке и горячий чай — тоже часть твоего раскаяния?

Он небрежно повел правым плечом.

— Полагаю, что да. Ты не рассказала Сент-Лиону, насколько сильно повредила ногу и настолько сильно разозлилась на меня, что я испугался, что тебе станет еще хуже.

— Я смотрела на вас с Саброй и ни на что не обращала внимания. Наступила бедному лорду Уаррилоу на ногу и подвернула свою, — объяснила она.

— Мы с Саброй... — начал он и запнулся, помассировал себе сзади шею. — Мне было всего шестнадцать, когда мы познакомились. Она на несколько лет меня старше. И несколько месяцев мне казалось, что я в нее влюблен.

— Она очень красива.

— Да, но... все быстро прошло, когда она сбежала и вышла замуж за другого, — продолжал он, жалея, что приходится копаться в том отрезке жизни, который он предпочел бы забыть. — Пару лет назад она овдовела, а сейчас очаровала одного пожилого графа.

Темпест не была знакома с Саброй, но она видела, как эта женщина смотрела на Шанса. Она в него влюблена.

— Тебе уже не шестнадцать. Теперь ты мог бы убедить ее сбежать вместе с тобой.

— Возможно.

Он отвернулся, и Темпест поняла, что Сабра уже пыталась соблазнить Шанса. Вся симпатия, которую он испытывал к вдове, давно развеялась.

— Где она? — спросила она, молясь о том, что дама не ждет возвращения Шанса.

— Я оставил ее в саду лорда и леди Кармак. Мы поссорились, когда я сказал ей, что планирую встретиться с Уаррилоу, но когда я вошел в бальный зал, вы уже ушли. Я попросил Сент-Лиона проводить ее домой, — признался он, подбирая ее юбку, потому что край подола попал в воду.

Столь вопиющее равнодушие к бывшей любовнице не должно было бы исправить настроение Темпест, но девушка оказалась эгоисткой. Она мысленно порадовалась тому, что красавица Сабра возвращается к своему пожилому графу.

— А куда подевался Уаррилоу? — Он постарался говорить спокойно, с едва заметной ноткой любопытства, чтобы не показать, насколько ее ответ крайне важен для него. — Сложно поверить, что он тебя оставил, зная, что ты подвернула ногу.

Значит, вот почему он был так зол, когда вошел в гостиную. Шанс надеялся застать Темпест и Уаррилоу в скандальной ситуации. А когда застал ее в компании своего сластолюбивого приятеля, то разозлился еще больше.

— У лорда Уаррилоу были другие планы на вечер. Он предложил остаться, помочь, но я сказала, чтобы он уходил.

— Я принял предложение Сабры поехать с ней сегодня на бал только потому, что не хотел в очередной раз напиться до беспамятства, чтобы не думать о тебе и Уаррилоу! — признался он, переплетая свои пальцы с ее пальцами. — Я приехал с ней как друг. Между нами ничего бы не было, даже если бы мы остались вдвоем в саду.

Темпест затаила дыхание, когда он приподнял опущенные ресницы и встретился с ней взглядом.

— Только одну даму я мечтаю соблазнить в полночь в саду.

Наконец, Темпест вспомнила, что нужно дышать, и она шумно выдохнула.

— Кого?

— Зачем ты спрашиваешь? Тебя, моя дорогая, — ответил он, в глазах у него светились любовь и остроумие.

— А в этом доме есть сад?

Он обрадовался ходу ее мыслей. Она видела это по выражению его лица, по тому, как изогнулись его губы и затрепетали ноздри.

Но он покачал головой.

— Нет? — Темпест постаралась сдержаться и не надуть губы. — Вы разочаровываете меня, лорд Фейрлэм.

— У тебя нога болит, любимая, — напомнил он, вставая, чтобы потом прижать ее всем телом на диване. Темпест откинулась на подушки. Босая нога дернулась, выплеснув немного воды на ковер. — Кроме того, ты права... я хочу тебя здесь.

— Неужели? — стыдливо спросила она, ничуть не испугавшись. Вот когда она поверила, что его потеряла, ее мучил подлинный страх.

— Да, миледи. — Он искоса взглянул на нее — настоящий соблазнитель. Его губы соблазнительно нависли над ее губами. — Ты не станешь возражать против поцелуев?

— Нет...

Шанс впился в нее губами.

Долго сдерживаемая страсть столкнулась с растущим чувством облегчения. Темпест радостно восприняла, когда он прикусил ее губы, и обхватила руками его за шею и притянула ближе. Не обращая внимания на неудобную позу, она дразнила его своим языком. Кончик своего проворного языка она засовывала, ласкала, проверяла его слабости.

Неожиданно он открылся для нее, позволяя войти глубже. Она переплетала свой язык с его языком, доставляя ему удовольствие, считая, что именно она наслаждается.

Темпест негромко ахнула от удивления, когда он накрыл одну ее грудь своей рукой.

Он оторвался от ее губ.

— Мы должны остановиться, — сказал он, давая ей очередную возможность его оттолкнуть.

Шанс сказал ей, что она вольна уйти, когда пожелает. Ей стоит только сказать.

То, что выбор всегда остается за ней, наделил ее силой, о которой она даже не подозревала. Темпест дерзко прижалась к Матиасу и стала возиться со сложным узлом у него на шее. Она чувствовала, как колотится его сердце.

— Ты действительно хочешь остановиться? Отослать меня домой, когда приложил столько усилий, чтобы привезти меня сюда?

— Я хочу, чтобы ты осталась, — ответил он с горящими от желания глазами. — Каждый раз, когда я тебя целую, все сложнее помнить, что ты невинна. Каждый раз, когда я к тебе прикасаюсь, мне хочется большего.

— Я чувствую то же самое, — призналась она, осознавая, что в ее глазах горит то же самое желание, которое она видит в его глазах. — Когда мы не вместе, единственное, что я делаю, — это мечтаю о нашей следующей встрече. — Она зарылась лицом в его сорочку.

— Темпест! — застонал он, продолжая сопротивляться. Сопротивляться!

— Никогда не думала, что от желания может быть так больно, — пробормотала она ему в грудь, расстегивая маленькую пуговичку на сорочке. — Ты знаешь, как его унять. У нас обоих. Покажи мне. Я хочу доставить тебе удовольствие.

— Когда я смотрю на твое прекрасное лицо — это уже доставляет мне истинное наслаждение, Темпест, — ответил он, схватил ее за подбородок, повернул ее голову, чтобы их взгляды встретились. — Большого я не прошу.

— Ты не просишь, — произнесла она низким, соблазнительным голосом. Еще никогда она не была настолько уверена в своем решении. — Я сама предлагаю. Я прекрасно понимаю, что у тебя были другие любовницы.

Шанс не хотел говорить о прошлом.

— Я прикасаюсь к тебе, и мои бывшие любовницы превращаются в прах, подобно древним сухим цветам, которые когда-то спрятали в коробку, где хранятся дорогие воспоминания. Я ощущаю свои губы на твоих губах и удивляюсь: как я мог выдержать это одиночество, пока ждал, когда ты меня найдешь?

И он вновь занялся ее губами.

— Я тебя уже поблагодарил за то, что ты подглядывала за мной и моими друзьями? — Шанс игриво прикусил ее нижнюю губу. — Каждый день я благодарю господу за твой пытливый ум.

Темпест засмеялась, когда подумала о том, как забавно их свела судьба.

И том, что ее семья способна их разлучить.

Нет, она не будет сейчас думать ни о своих страхах, ни о будущем. Зачем портить настоящий момент, когда она здесь и когда Шанс всецело принадлежит ей? Да, она никогда не пожалеет о том, что полюбила его. Если она его потеряет, будет оглядываться назад и вспоминать о таких моментах, как сейчас, как о подарке свыше.

— Ты единственная женщина, которая занимает мои мысли, Темпест. — Он нежно поцеловал ее в губы, как будто хотел рассеять ее ревность, унять боль, которую она могла чувствовать. — Мое сердце принадлежит тебе.

Она застыла, осознавая важность его признания.

— А тело?

Спрятанный глубоко в темных штанах, прикрытый ее юбкой, его эрегированный дружок напрягся и пульсировал.

Матиас поцеловал Темпест в нос. Еще один поцелуй в щеку. Ему хотелось исследовать каждый сантиметр ее кожи и насладиться запахом, который принадлежал исключительно ей.

— Моя тело тоже всецело принадлежит тебе, — признался он, желая одновременно и унять свою похоть, и защитить девушку от себя самого.

Сент-Лион как-то сказал ему, что мужчина, который сдерживает свою истинную натуру, обычно заканчивает тем, что разрушает то, что хотел защитить. Согласившись с этим, Матиас научился сдерживаться и сохранять равновесие.

С первого дня Матиас боролся с этой нежеланной тягой к Темпест. Когда понял, что чувство взаимно — еще решительнее настроился избегать ее, и злился, когда ей все же удавалось проскользнуть сквозь его защитные барьеры.

Настойчивое желание ее семьи связать Темпест с лордом Уаррилоу могло стоить этому джентльмену жизни. Он тысячи раз представлял смерть маркиза. Матиас хотел убить его голыми руками за то, что тот помышлял о браке, прекрасно понимая, что леди достанется Уаррилоу и он получит благословение ее семьи.

Боже! Как он устал бороться — с ней и с собой.

Матиас коснулся большим пальцем шелковой ткани ее корсажа, безошибочно нащупал

сосок, который прятался под слоями ткани над китовым усом. Ему так хотелось раздеть ее, высвободить этот округлый сосок, коснуться его губами, пока он не набухнет. Ему хотелось ласкать ее плоть языком, пока она не взмолится о пощаде.

А потом он хотел показать ей, что будет, если она позволит ему продолжить.

— Шанс!

Неужели она чувствовала, насколько он близок к тому, чтобы сдать?

Темпест была девственницей, но именно Матиас настаивал на том, чтобы они остановились, прекрасно понимая, что если они станут любовниками, для него все изменится. Ему придется решить: в лучшую или худшую сторону.

— Ты предлагаешь мне свое тело, Темпест? — Ее тело, накрытое его телом, напряглось, но они зашли слишком далеко, чтобы медлить. — Если ты останешься, мы станем любовниками. Ты позволишь мне к тебе прикоснуться? Ласкать твою грудь и спрятанную между ног плоть?

Ее хриплый вздох стал свидетельством того, что в ее сообразительную и талантливую головку такое даже не приходило. Теперь, когда он произнес эти соблазнительные слова вслух, ни о чем больше думать она не могла. Она гадала: что будут чувствовать его губы, когда он поцелует ее нежную плоть, когда его язык вонзится в нее.

Его рука скользнула по телу девушки. Матиас не коснулся и платья, но Темпест заерзала и выгнула спину, страстно желая его прикосновений. Она даже представить не могла, какое удовольствие он может ей подарить, и он жаждал ей это показать.

— Позволь мне любить тебя, — произнес он, беря ее за руку и целуя костяшки пальцев.

Он едва мог дышать, ожидая ее ответа.

— Да. — От ее негромкого, застенчивого ответа у него ухнуло сердце.

И это «да» освободило их обоих.

— Эта любовь, о которой ты говоришь, — Темпест стыдливо улыбнулась Шансу. — Как она началась?

Шанс нагнулся ближе, поднес их сцепленные руки к своей груди. Положил на сердце.

— Здесь. В нашем случае она начинается здесь.

— А так бывает не всегда? — поинтересовалась Темпест, склонив голову и думая о своем брате.

— Нет, — признался Матиас. — Некоторые мужчины... Иногда они поклоняются только плоти. Однако это не о нас.

У Темпест были к нему еще вопросы, но все разлетелись, как стая птичек, когда он поднес ее руку к своей груди, к узлу шейного платка.

— Ты когда-нибудь раздевала мужчину?

Она покачала головой. Он отпустил ее руку, поднял подбородок, чтобы ей проще было дотянуться до узла.

— Нет... и чувствую себя ужасно глупо.

Шанс над ней не смеялся.

— Смотри, позволь мне помочь. — Он молча стал развязывать искусно завязанный галстук.

Как только он высвободил два конца, Темпест принялась за дело: стала разматывать тонкий льняной платок, намотанный вокруг шеи. Шанс улыбнулся, когда она справилась с задачей.

— Наверное, мне стоит уволить своего камердинера и нанять тебя, — пошутил он. — А теперь расстегивай пуговицы на рубашке, а я пока займусь пуговицами на жилете.

Темпест никогда не раздевала мужчину — для нее все было в новинку. Такие прикосновения еще больше добавляли интимности происходящему.

— Ты позвал служанку, чтобы она сняла мои чулки, или самолично их стягивал?

— На вечер я отпустил всех слуг, — признался он, встретившись с ее вопросительным взглядом. — Клянусь, я не пялился на твои ножки. Меня беспокоила только поврежденная лодыжка. Но я не знал, какую именно ногу ты подвернула, поэтому снял обе туфли и чулки.

Темпест успела расстегнуть три пуговички на его белой сорочке. Она наблюдала за тем, как он снимает и швыряет в сторону жилет. Он встал с колен, присел на диван, чтобы снять черные вечерние туфли.

Он искоса озорно взглянул на девушку.

— Если полагаешь, что я слишком своеволен, всегда можешь развязать мои подвязки. Можешь даже на икры мои посмотреть. — Он так хитро изогнул брови, что девушка засмеялась.

Не дожидаясь ответа, Шанс расстегнул пуговицы внизу бриджей и потянул за кончик подвязки на левой ноге. Не успел он заняться правой ногой, как Темпест наклонилась и развязала подвязку. Шанс стянул чулки.

— У тебя очень красиво вылепленные икры, — призналась она, восхищаясь его упругими мышцами и нежными темными волосами, которыми были покрыты его ноги. — Поневоле сравниваешь...

Темпест пискнула, совершенно не ожидая, что Шанс развернется и набросится на нее.

Раздался нервный смех, когда они оба подскочили: его правое колено оказалось на подушках дивана, правой рукой он ухватился за высокую спинку дивана, а левой за подлокотник.

— С этого дня и навсегда тебе строго-настрого запрещено смотреть на ноги других мужчин... как и на все остальное, что у них под жилетом, — изо всех сил стараясь говорить строго, произнес он.

Темпест поджала губки.

— А если я послушаюсь? Что будет?

— Вот это! — Он присосался к ее губам, и они медленно и лениво стали целоваться. В качестве наказания он несильно прикусил ее нижнюю губу. — И вот это!

Темпест ахнула, когда он одной рукой обхватил ее за талию, а вторую просунул под коленки и поднял ее. Чтобы не упасть, она схватила его за шею. Шанс босой ногой отодвинул миску с водой.

— Что вы делаете, лорд Фейрлэм? — затаив дыхание, спросила она.

— Неужели не понятно? Несу тебя в свою постель, где намереваюсь доставить тебе неземное наслаждение. — Он наклонился и нежно поцеловал ее в губы. — Если я буду постоянно тебе удовлетворять, ты никогда не посмотришь на красиво вылепленные икры другого мужчины.

Шанс поднял девушку повыше, чтобы ее юбки не задели диван и понес ее в другую комнату, оказавшуюся его спальней. Темпест крепче вцепилась в Шанса, взглянула на кровать. Она ничем не отличалась от остальных кроватей, которыми девушка восхищалась в других домах, но эта кровать принадлежала Шансу.

— Ты, видно, никого не боишься, раз отнес меня наверх в личные покои, — заметила она, но дрожь в ее голосе выдавала опасения девушки.

— Наоборот, — ответил он, укладывая ее на край кровати. — В настоящее время я живу не один. Вместе с кузеном. Поскольку его брат-близнец сейчас за границей, Торн чувствует себя одиноким и заброшенным, хотя он сам истово будет это отрицать. Его родные решили, что если он поживет в компании — это поднимет ему настроение.

Глаза Темпест округлились, когда она увидела, как Шанс снимает сорочку и остается голым по пояс. Немного волос такого же цвета, как и на ногах, покрывали и грудь мужчины. Безукоризненное, идеально вылепленное тело. Если бы у нее с собой был этюдник, она бы попросила зажечь побольше света, чтобы иметь возможность нарисовать его портрет.

Шанс рассеянно почесал плоский живот.

— Следовательно, здесь есть еще слуги. Не говоря уже о гостях, которых пригласил Торн. Поэтому принести тебя в личные покои показалось мне наиболее разумным.

Темпест большим пальцем ноги потерлась о его ногу.

— Очень разумно с твоей стороны. — Он мог бы выбрать любую другую комнату в доме, но он принес ее в свою спальню потому, что хотел, чтобы она была именно здесь.

Шанс втянул щеки и шумно выдохнул. Пусть только посмеет смеяться над ней — она тут же лягнет его.

— Я так и подумал. — Он подошел к кровати. — А теперь будь паинькой и повернись на животик.

— Зачем это? — А тут она поняла, что он намерен расстегнуть ей платье. — Ах да!

После небольшой заминки она медленно перевернулась на живот и привстала на руках.

— Ты уже делал это раньше, — сама того не желая, произнесла она.

Легкими прикосновениями проворных пальцев он высвободил ее из платья.

— Если бы я ответил, что незнаком с дамским телом — то солгал бы. Однако мой опыт не настолько впечатляющ, как ты себе представляешь. До встречи с тобой друзья нередко удивлялись моей сдержанности.

Она ощутила прохладный ветерок на голой спине. Затем он принялся развязывать ее корсаж.

— А теперь? — поинтересовалась Темпест.

Шанс вздохнул.

— Все мои дни заняты мыслями о тебе. Я уже потерял счет тем ночам, когда лежал в этой самой постели и представлял нас вместе. Представлял и размышлял о справедливости этого одиночества.

Темпест сжала бедра, чтобы ослабить то напряжение, которое возникло у нее между ног от его слов.

— Все это кажется безумством. — Темпест оглянулась через плечо: свет ламп мерцал у него за спиной, поэтому лица было не разглядеть. — И тем не менее, я чувствую то же самое.

— Садись. Иди ко мне, Темпест, — хрипло произнес он.

Девушка послушалась, рукой спереди придерживая корсаж.

Если она уберет руку, расстегнутое платье упадет вниз на талию, она останется в одном корсаже и сорочке. Второй рукой она коснулась волос и вытащила из прически небольшие серебряные гребни филигранной работы. Темно-каштановые волосы тяжелой волной упали на плечи.

В глазах Шанса вспыхнуло одобрение, он подался вперед, собрал гребни и положил их на маленький столик.

— Никогда не видел тебя с распущенными волосами, — признался он, очарованный их мягкостью и густотой. Он погладил ее по волосам, кончики которых колыхались ниже талии. — Поверить не могу, что ты все время скрывала от меня такую красоту.

— Иногда я распускаю их, — сказала он, радуясь его реакции. — Или заплетаю в косу, чтобы волосы не мешали, пока я над чем-то работаю.

— Но теперь ты будешь распускать их только для меня, — сказал он, целуя ее в висок.

— Если только это прилично.

Он стоял так близко, что она чувствовала жар его тела. Легкий запах мыла, которое использовал слуга, когда брил Шанса. Когда он развязал ей корсаж, она почувствовала, как напряглись ее соски. Даже больно стало. Она инстинктивно качнулась в его сторону.

— Посмотрите на меня, миледи, — попросил он, обхватывая руками ее лицо.

Темпест посмотрела в его серые глаза, в которых увидела подтверждение всему, что она хотела получить — страсть, желание, любовь. Она глубоко вздохнула и убрала одежду, которую прижимала к груди. Платье и развязанный корсаж соскользнул вниз, обнажая возбужденные соски.

В глазах Шанса вспыхнули возбуждение и страсть. Руки мужчины скользнули с лица на талию девушки. Он ослабил завязки нижних юбок, и платье упало на пол. Не сводя глаз с Темпест, завел руки ей за спину, потянул ее панталоны, и они соскользнули с ног.

Когда Темпест осталась стоять в одной рубашке, о стыдливости говорить было уже поздно. Руки Шанса переместились с бедер на ягодицы. Он нежно сжал руками ее округлости и прижал ее к своему телу. И тогда она отчетливо ощутила, какими твердыми стали впереди его биджи. Шанс закрыл глаза, откинул назад голову, прижимая ее все

крепче и крепче, а его твердая возбужденная плоть соблазнительно терлась о ее тело.

— Я так долго этого ждал, — простонал он низким и хриплым от желания голосом. — Не знаю, сколько смогу выдержать.

Темпест не поняла в полной мере значение его признания, но увидела, что говорил он искренне. Она испугалась, когда он неожиданно схватил ее за край сорочки и потянул оставшуюся на ней одежду через голову.

Швырнул ее сорочку через плечо и улыбнулся.

— Теперь я вижу, что точно не выдержу, — признался он, она резко втянула воздух, когда он обхватил ее за талию, поднял и усадил на матрас. — Ложись.

На огромной кровати с балдахином, резными стойками из красного дерева и плотными драпировками, девушку окутала полутьма — сюда не достигал свет масляных ламп. Темпест откинулась на спину, как велел Шанс, не зная, куда девать руки. Ей казалось, что глупо волноваться из-за подобной ерунды.

Шанс, с другой стороны, даже не смотрел, послушалась ли она его. Опустив голову, он расстегивал пуговицы на ширинке своих штанов. Поглощенный своим занятием, он даже не заметил, что она обхватила себя руками, чтобы ей ничего не мешало его разглядывать.

Не колеблясь ни секунды, он стянул штаны, обнажая свое возбужденное мужское достоинство, бедра и, наконец, ноги. Маркиз Фейрлэм был истинным мужчиной в самом расцвете сил. В свете масляных ламп кожа его приобрела золотистый оттенок, а тени лишь подчеркивали красиво вылепленные изгибы рук и ног.

Он резко поднял голову и заметил, как простодушно она его рассматривает и восхищается.

— Ты позволишь мне когда-нибудь тебя нарисовать? — неожиданно спросила она.

Шанс засмеялся и покачал головой.

— Если ты добавишь мой портрет в свой маленький альбом, тогда мне придется попросить тебя сжечь его, пока его кто-то не увидел. Это было бы настоящим варварством, поскольку такой талант, как у тебя, нельзя зарывать в землю. К тому же я никогда не узнаю, чем все закончилось, если матушка узнает, что мой голый зад был выставлен на обозрение всему Лондону.

Темпест захихикала и вежливо отвела взгляд.

— Знаешь, насколько я вижу, ты выставил на обозрение не свой зад, а нечто иное.

Он негромко выругался и забрался на кровать.

— К твоему сведению, с тех пор, как я тебя встретил, это мое постоянное состояние, — ответил он, нисколько не стыдясь столь явной физической реакции.

На самом деле он вызвал в ней искренний интерес, она подобралась поближе к его плоти. Темпест радовалась полутьме в комнате, потому что Шанс не мог видеть, как краска стыда заливает все ее тело. Шанс повернулся на бок и стал гладить ее голое плечо, руку, и она каждой клеточкой чувствовала прикосновение его кожи к ее телу.

Я никогда раньше ничего подобного не делала, — негромко призналась она. — Я...

Он прижал палец к ее губам, а потом сам прильнул губами к ее рту.

— Закрой глаза. Отгони все страхи и сомнения, — сказал он, целуя ее подбородок, и дальше скользнул вниз, к шее.

Темпест наклонила голову набок, когда Шанс языком провел по изгибу ее грациозной шеи. Легонько прикусил ее ключицу, девушка вздрогнула.

— Вот так, — прошептал он, покрывая ее тело поцелуями, когда прокладывал себе путь

к ее груди. — Просто чувствуй, любовь моя.

Темпест ахнула, когда его губы коснулись ее левого соска. Она руками уперлась ему в плечи, готовая вот-вот его отпихнуть.

Он не должен был целовать ее там. Это слишком интимно.

Груди ее потяжелели, прямо под кожей покалывало. Каждый раз, когда мышцы его шеи делали плотательное движение, взмокнувшая промежность начинала пульсировать. Она теснее сжала ноги, пытаясь себе контролировать.

Однако Шанс хотел почувствовать, как в ее теле разгорается буря. Когда его рот переместился на вторую грудь, рука скользнула на нежный изгиб живота, стала ласкать бедро. Пальцами он нежно поглаживал ее напряженные мышцы, пока она не стала расслабляться.

Она раздвинула ноги, открывая ему доступ к мягкому треугольнику между ног.

— А теперь расслабься, — пробормотал он, нежно лаская пальцами ее открывшуюся плоть.

— Нельзя, — прошептала Темпест, во рту неожиданно пересохло. — Это не...

— Можно... — заверил ее Шанс. Он сел поудобнее, чтобы иметь возможности целовать ее в губы.

Ее влажные затвердевшие соски уперлись ему в грудь — Темпест застонала. У нее болело всюду, где бы он к ней ни прикасался. Кожа казалась горячей и чувствительной, и она не знала, сможет ли она выдержать еще минуту.

Два пальца мужчины раздвинули податливую плоть.

— Шанс!

— Тебе нравится, как я тебя ласкаю? — прошептал он, обжигая ее своим горячим дыханием. — Видишь, какая влажная ты стала для меня, Темпест? Это знак твоего невысказанного желания.

Девушка не могла отрицать очевидного или придумывать иное объяснение. Шанс ласкал ее дерзко, и мышцы живота девушки напряглись. Он еще глубже ввел пальцы, и ее тело открылось ему навстречу.

Темпест открыла глаза, когда он неожиданно убрал пальцы и накрыл ее своим телом. Она почувствовала, как его напряженная плоть коснулась ее живота, когда он поудобнее устраивался у нее между ног.

У Темпест были закрыты глаза, поэтому она не заметила, как сильно напряглось его лицо. Серые глаза мужчины потемнели, он пристально вглядывался в лицо девушки. Нелегко ему давалось развеивать ее страхи и подогревать ее желание. Он уже не мог сдерживаться — его собственное желание требовало удовлетворения.

— Слишком быстро, — пробормотал он, пытаясь управлять тем, что сам и начал. — Кажется, рядом с тобой я всегда теряю голову.

— Хочешь остановиться?

— Нет! — В его глазах она заметила лихорадочный блеск, когда он накрыл ее губы своими губами.

Он сунул свою руку между их телами, и Темпест почувствовала, как он направил свою затвердевшую плоть глубже.

Она инстинктивно сжала ноги вокруг него, но эти только усилила давление. Шанс стал раскачиваться, и внезапно ее растущий дискомфорт превратился в обжигающую боль, когда ее плоть заключила в себя его плоть, и Шанс полностью овладел девушкой.

Они ахнули в унисон. Он опустил голову ей на плечо. Она сглотнула и почувствовала, что дискомфорт, который она чувствовала изначально, утих, когда его твердая плоть наполнила изнутри ее тело.

Потом он стал медленно двигаться. Шанс дышал прерывисто, его бедра, кажется, жили собственной жизнью. Вскоре размеренно движение его плоти внутри нее создало новое напряжение в телах обоих.

— Ты чувствуешь это? — спросил он, нащупывая ее левую ногу и заводя ее себе за бедро. Небольшая перемена положения позволила ему войти глубже, оба застонали от наслаждения.

Удивительный жар охватил девушку, когда Шанс стал двигаться быстрее, в теле росло новое напряжение. Должно быть, он чувствовал то же самое. Пальцами он впился в ее ягодицы, и его движения перестали быть ритмичными. Два резких толчка — и он повалился на девушку, внутри которой пульсировало множество ощущений. Темпест выгнула спину, все глубже принимая его в свое лоно. Ее негромкие вскрики слились с его хриплыми возгласами, когда его плоть, казалось, взорвалась внутри нее.

Она дрожали от невероятного наслаждения. Ни у кого не было сил двигаться. Темпест закрыла глаза, борясь с наворачивающимися на глаза слезами — она знала, что с Шансом ей бояться нечего.

Сердце так бешено колотилось в груди, что Матиас думал, что оно вот-вот разорвется.

Раньше он думал, что только старики рискуют умереть после страстного соития, но если ему предначертано судьбой погибнуть в объятиях Темпест — он умрет самым счастливым человеком.

— Ты едва не убила меня, — прошептал он, целуя ее в макушку.

Темпест замерла, икнула ему в грудь.

— А я до сих пор не могу отдышаться.

Он потянулся и укрыл их простыней. Кожа Темпест была влажной от пота, но он решил, что она будет благодарна ему за этот жест стыдливости.

Матиас лег на бок и прижал ее к себе, чтобы видеть ее лицо.

— Ты плакала? — пробормотал он. — Я сделал тебе больно, любимая?

«Я был слишком настойчив. Слишком груб. Высечь меня надо за то, что расстроил ее».

— Нет, все хорошо, — начала она.

— Не лги. На твоих щеках слезы, Темпест. — Вид слез настолько задел его, что он стал вытирать их большим пальцем.

— Шанс, ты не сделал мне больно. — Она замолчала, прикусила губу. — Может быть, только в самом начале — немного.

У Матиаса не было опыта соблазнения невинных девиц. Темпест оказалась исключением из большинства правил, которыми он руководствовался по отношению к женщинам. Он лишил ее невинности, а из разговоров с друзьями он знал, что у невинной девушки могут возникнуть болезненные ощущения. Но даже если это так, все равно он был бестактен во время соития.

— Впредь буду более аккуратен с тобой, — торжественно пообещал он.

— Ты и был очень аккуратен, — заверила она, касаясь его лица. — Случившееся меня ошеломило, вот и все.

Матиас нерешительно кивнул. Сейчас он мог ей только посочувствовать. Он обнял ее за плечи. Она прижалась щекой к его груди.

При мысли о том, что он стал причиной ее слез, Матиас сам едва не зарыдал.

— Это все меняет, — пробормотал он в ее волосы.

Темпест вздохнула.

— Ты захочешь сделать это еще раз.

Его плоть шевельнулась в ответ на эти слова.

«Не сейчас, ненасытная!»

Матиас положил руку поверх простыни на растущую выпуклость, чтобы она не заметила, что его тело совершенно его не слушается.

— Снова уложить тебя в постель? Да. Я мог бы привыкнуть засыпать с тобой в обнимку...

Темпест обвела пальцем вокруг его левого соска, и плоть под ее пальцами затвердела. Каждый ее жест возбуждал его.

— Только засыпать? — невинно спросила она.

Матиас не слишком нежно уложил ее на спину, сам улегся сверху.

— Нет, ты делаешь меня ненасытным. Я хочу всего. — Он взял ее руку и положил себе

на промежность, чтобы она почувствовала доказательство его желания. — Если бы тебе не было больно, я бы уже был внутри тебя.

— Я не такая неженка, — возразила она. — Мы могли бы...

Матиас покачал головой. Еще одно слово — и он отбросит простыни и войдет в нее.

— Нет, — сказал он, смягчая отказ поцелуем. — Не хочу больше причинять тебе боль. Я могу подождать.

Теперь, познав ее, он знал, что будет обладать девушкой еще раз.

«И еще раз».

Матиас лег на спину, прижал ее к себе, чтобы иметь удовольствие сжимать ее в объятиях. Его друзья, скорее всего, посмеялись бы над тем, что он настолько ослеплен любовью, но он готов выносить их насмешки. Темпест стояла того.

— Скоро мне придется еще раз сыграть роль кучера и отвезти тебя домой, — сказал он, испытывая такое наслаждение, что даже расставание не могло испортить ему настроение. Если Темпест окажется в своей постели до того, как ее матушка вернется домой, леди Норгрейв никогда не заподозрит, что последние пару часов ее дочь провела в постели с мужчиной.

— Значит, это будет наш с тобой секрет? — Девушка подняла голову, которая удобно лежала на его груди, посмотрела ему в глаза. — Ты не скажешь своим друзьям.

Матиас взъерошил волосы. От друзей у него секретов не было, но не это ее волновало в первую очередь. Темпест беспокоилась, что их семьи узнают об их отношениях. Но это была их первая ночь, и он не хотел портить ее правдой.

Их семьи в конечном итоге узнают о них с Темпест. Почему он был в этом так уверен?

Матиас сам собирался им рассказать.

На следующее утро Матиаса вызвали в городской особняк Блекбернов.

Дверь открыл Макки, отошел в сторону, пропуская Матиаса.

— Вы опоздали, лорд Фейрлэм, — заметил лакей, в подтверждение своих слов глядя на часы.

— Никак раньше не получилось, Макки, — ответил Матиас, протягивая слуге трость и шляпу. — У меня была назначена встреча у собора Святого Павла. Я обязан был там быть. А где родители?

— В гостиной, — ответил пожилой слуга. — Если последуете за мной...

— Не утруждайся. Я сам найду дорогу, — ответил он, отказываясь от помощи слуги и направляясь к лестнице.

— Вот и прекрасно, милорд.

— Матиас!

Он поднял голову и увидел сверху свою самую младшую сестру, Констанцию.

— Рад видеть тебя, малышка, — произнес он, перескакивая через две ступеньки. — Я думал, мама велела тебе перестать лазать по перилам?

Семилетняя малышка широко улыбнулась — стало видно, что у нее выпал передний зуб. Понятно, почему она шепелявила сильнее обычного.

— Мама говорит, что я могу лазать где угодно, если кто-нибудь за мной присматривает.

Матиас оторвал ее от скошенной балюстрады и перекинул через плечо.

— Герцогиня не разрешала тебе падать головой вниз на глазах у зрителей.

Девочка засмеялась, когда он оставшуюся часть пути по лестнице и дальше в гостиную

нес на руках. Матиас вошел в распахнутые двери и усмехнулся, когда родители поспешно отпрянули друг от друга.

— Тысяча извинений за то, что помешали, — произнес он, полуоборачиваясь, чтобы им смогла помахать и Констанция. — Смотрите, кого я нашел на лестнице.

— Констанция! — воскликнула герцогиня, вставая с дивана и направляясь к детям. — Сколько раз я говорила тебе, что опасно лазать по перилам?

— Там она и зуб себе выбила? — пошутил Матиас, несколько раз подпрыгнув на каблуках — в ответ сестра засмеялась.

— У нее уже лицо покраснело, — заметила мать, не отходя далеко на всякий случай. Матиас закатил глаза.

— Держу пари, что этот цвет ей к лицу. — С пятью своими братьями и сестрами он в детстве обращался одинаково, и еще никого не уронил.

— Шанс, поставь ее, пока кровь из ушей не пошла, — велел отец, откидываясь на спинку дивана и получая истинное удовольствие от хаоса, вызванного приходом детей.

— Слышала, малявка? Папа говорит: хватит вести себя, как глупая обезьянка. — Он быстро обнял ее и поставил на пол.

— Нет! — Констанция обхватила руками его за бедра и прижалась к брату. Матиас с сожалением вздохнул.

— Прости, моя девочка. Папино «нет» отменяет твое.

Герцогиня почувствовала, что самая юная из Руков сейчас заплачет, и взяла ситуацию под контроль.

— Констанция, тебя искал Макки.

— Чего ему надо? — Темно-синие глаза обиженно и подозрительно смотрели на маму.

— Это тебе придется у него спросить... — Герцогиня нагнулась и поцеловала дочь в лоб. — Однако я хочу, чтобы ты пообещала, что будешь держаться подальше от перил, когда пойдешь его искать.

Констанция надула губки, доказывая, что не в возрасте дело: члены семейства Рук не любят проигрывать.

— Хорошо. Обещаю.

Мать одобрительно кивнула.

— Вот и отлично. А теперь поцелуй папочку, прежде чем устремись к очередным приключениям.

Констанция подбежала к герцогу, поцеловала его в щеку. Проходя мимо, она улыбнулась Матиасу и исчезла в распахнутых дверях.

— А разве Макки ее искал? — поинтересовался тот у матери.

Однако ему ответил отец.

— Старик души в ней не чает. Если у него не найдется припрятанного угощения, он велит повару что-нибудь приготовить.

Матиас кивнул и приступил к делу.

— Простите за опоздание. У меня была назначена встреча, которую я не мог отменить. Зачем вы меня звали?

— У тебя какие-то проблемы? — неожиданно встревожился отец.

Шанс вспомнил те несколько часов, которые провел в коллегии юристов. И важность того, что он раздобыл.

— Никаких. Небольшое личное дело.

Хотя Матиасу очень хотелось похвастаться родителям хорошими новостями, он догадался, что его вызвали неспроста.

— Что-то случилось?

— Странно, я хотел задать тебе тот же самый вопрос, — ответил отец, указывая на одно из кресел. — Присаживайся, Матиас.

Обычно отец называл его Шансом, обращение по имени означало, что действительно что-то стряслось.

— Что случилось?

Герцог взглянул на свою супругу. Они обменялись взглядами, и мать покачала головой. Герцогиня вернулась на свое место на диван.

— Шанс, до нас дошли слухи, — объяснила матушка.

Матиас перевел взгляд с отца на мать.

— С каких это пор вы стали собирать городские сплетни?

Лицо герцога помрачнело.

— Обычно я, черт побери, не обращаю внимания на сплетни. Однако в этих разговорах речь идет о твоей связи с некой дамой.

С притворным равнодушием Матиас коснулся шейного платка.

— Отец, а у тебя действительно есть право наказывать меня за мои личные дела? — Он изумленно приподнял брови. — Потому что, если хотя бы половина тех сплетен, которые ходят о твоей растроченной впустую молодости, правда — я с нетерпением хочу услышать подробности! Может быть, уединимся в библиотеке и поговорим об этом за рюмкой коньяка?

Отец сердито посмотрел на сына.

— Тристан! — пробормотала герцогиня, кладя руку супругу на плечо. — Матиас, прекрати дразнить отца. Мы просто волнуемся. Ходят слухи, что тебя видели в компании леди Темпест Брант.

Разумеется, речь могла идти только о Темпест! Если бы его застали с куртизанкой или если бы он поселил мисс Кинг в бабушкином особняке — его родители и вполнину не были бы так взволнованы, как сейчас.

— Это правда, я встречался с леди Темпест, — ответил Матиас, решив не врать, поскольку леди Норгрейв тоже видела их вместе. — И что?

— Ты ухаживаешь за ней? — поинтересовался отец, едва сдерживаясь в ожидании ответа сына.

— Ты требуешь, чтобы я пересказал весь наш разговор?

— Чтобы успокоить маму... Было бы неплохо, — мрачно ответил отец.

Матиас виновато взглянул на маму.

— К сожалению, я не могу выполнить вашу просьбу. Однако уверяю вас, что мы беседовали с леди Темпест исключительно любезно, и я был выше всяких похвал.

Перед мысленным взором нежданно возник образ обнаженной Темпест, распластавшейся на его постели. Прежде чем отвезти ее домой, он показал ей еще один способ любить — зарывшись лицом между ее ног, он стал так целовать ее, что она закричала — ослепляющая разрядка удивила саму девушку.

Наверное, для него это был самый запоминающийся момент того вечера.

Он не знал, что Торн вернулся домой, пока кузен не постучал в дверь его спальни. Он хотел знать: не убил ли кого Матиас у себя в постели. Торн был ошарашен, когда узнал даму,

но быстро пришел в себя. Извинился, захлопнул дверь. Бедняжка Темпест была до смерти напугана, что их грех уже больше не секрет, несмотря на все его заверения, что Торн никому ничего не скажет.

«Неужели Торн разболтал?»

— Можешь считать это шуткой, но леди Темпест не стоит причислять к числу своих побед, — отрезал отец.

Герцогиня чувствовала себя неловко, обсуждая личную жизнь сына, и Матиас прекрасно ее понимал. Ему тоже было чертовски неловко.

— Если мы говорим о леди Темпест, то тут не о чем говорить, — холодно ответил он.

— Конечно, о ней! Если ты думаешь головой! — вскочил с места герцог Блекберн и разгневанно посмотрел на сына. — Не давай Норгрейву повода бросить тебе вызов.

Раздосадованный Матиас фыркнул:

— Меньше всего меня волнует лорд Норгрейв. Ты боишься его, отец?

Тут уже вскочила с места мать.

— Прекратите. Оба.

Серо-голубые глаза герцога налились яростью.

— Шанс, не дави на меня. А то пожалеешь! — Презрительный взгляд герцога ранил так же сильно, как и его угрозы. — Какие бы отношения тебя ни связывали с этой девушкой — немедленно положи им конец!

Мама часто говорила, что он унаследовал отцовский нрав. Матиас изогнул правую бровь.

— А если я решу послушаться твоего мудрого совета? — усмехнулся он.

— Тогда я сам положу им конец! — вкрадчиво пригрозил отец. — И ни тебе, ни Норгрейву мои действия не понравятся.

— И о чем папа хотел с тобой поговорить?

Темпест с сестрой приняли приглашение полюбоваться фейерверком в Воксхолл вместе с Херриет и ее возлюбленным, лордом Медели, его сестрой и лордом Чандлером. Чуть позже к их небольшой компании присоединился лорд Уаррилоу. Даже Оливер заглянул ненадолго, чтобы отдать дань уважения хозяевам, пока они наслаждались ужином. Темпест отметила, что брат появился один, но сомневалась, что одиночество его продлится долго. Если его не ждала мисс Кинг, то в саду множество привлекательных молодых женщин, которые не устоят перед его прекрасными темными глазами.

К сожалению, виконт не обрадовался, что на внимание Темпест претендует еще один мужчина. Но леди Джоана даже не пыталась скрывать своего счастья. Вероятно, до нее дошли слухи, что лорд Норгрейв давит на маркиза, чтобы тот побыстрее принимал решение.

— Леди Темпест обещала тебе встречу, — напомнил ему Рейнбо. — Ты слишком нетерпелив. Прекрати расхаживать и присоединяйся к нам. Выпей пива. Если ты будешь продолжать испепелять взглядом их компанию, кто-нибудь из джентльменов обязательно заметит и захочет узнать, в чем причина.

— Да пусть удивляются, — прорычал Матиас. — Я с удовольствием дам им знать, что они флиртуют с моей женщиной. Я не позволю, чтобы от меня отмахнулись, как от назойливого воздыхателя. Я не позволю Уаррилоу держать ее за руку, пока они будут любоваться фейерверком.

Сент-Лион преградил ему путь.

— Шанс, следует избегать не только ее друзей. Когда я охотился за одной полногрудой брюнеткой возле шатра, мне показалось, что я узнал Маркрофта.

— Ты уверен, что это был он? — спросил Матиас.

Виконт поднял руки в знак капитуляции.

— Как и большинство присутствующих здесь джентльменов — включая нас самих — Маркрофт был в маске. У мужчины, которого я видел мельком издали, были такие же широкие плечи, как у графа, и вел он себя так же грубо. Если это Маркрофт и он узнает, что ты где-то поблизости, он заберет сестер и сунет их в ближайший наемный экипаж.

Матиас выругался. Когда он получил записку от Темпест, он никак не ожидал, что ее будут окружать друзья и поклонники.

— Леди Темпест знает, что ты здесь, — сообщил ему Торн.

— Откуда, черт побери, ты знаешь?

— Когда никто не видит, она постоянно поглядывает в нашу сторону, — ответил кузен.

Его спокойствие просто вывело Матиаса из себя. Не раз он видел, как Торн теряет хладнокровие из-за дамы. Рейнбо выбрал кусок цыпленка со стоящей перед ним тарелки и сунул мясо в рот. Стал жевать, сердито сдвинув брови.

— Шанс, уже темнеет. Наверное, твоя дама дожидается момента, когда все увлекутся фейерверком.

Прошло пять дней с момента их ссоры с отцом. Он дважды издали видел Темпест, но ему не представлялась возможность отвести ее в сторону и поговорить. Поцеловать ее. Ему необходимо обнимать ее, слышать из ее уст, что она избегает его не намеренно... что ничуть

не сожалеет, что подарила ему свою невинность.

Спустя полчаса Темпест и ее спутники покинули свои места в салоне и направились прочь из праздничных шатров. Над головами висели разноцветные лампы, и гости наслаждались музыкой и вечерней прохладой.

— Я пошел за ними, — сообщил он приятелям, не желая давать лорду Уаррилоу возможности побыть с ней наедине.

— Составить тебе компанию? — спросил Сент-Лион.

Матиас покачал головой.

— Если я не вернусь, ступай к сцене с фейерверками. Скорее всего, они направляются туда. Я тебя найду.

Темпест с Шансом рука об руку спешили по узенькой тропинке, которая ответвлялась от одной из основных дорожек — он увел ее подальше от спутников девушки, в густую рощу. Тропинки, по которым редко ходили, скрывались под кронами ветвистых вязов и платанов, украшенных фонариками. Тропинки извивались и вели неизвестно куда, но повсюду стояли скамьи и столики для всех, кто захочет посидеть и насладиться пейзажем.

— А если нас увидит лорд Уаррилоу? — спросила она, ощущая чувство вины за то, что покинула маркиза.

— Я видел, как он целовал тебя, Темпест. — По мрачному выражению лица Шанса было заметно, что он расценивает поступок маркиза как тяжкий грех. — И я не готов это простить.

— Он и меня удивил, — пыталась она объясниться, но было нечестно перекладывать всю вину на маркиза. Она ответила на его поцелуй, потому что не хотела ранить его гордость. — Поцелуй ничего не значил.

При первых звуках фейерверка Шанс и Темпест обернулись.

— Я и не заметила, что уже так поздно. — Многих гостей привлекли взрывы и вспышки света в ночном небе. — Может быть, мы тоже пойдем? Чтобы я смогла вернуться к сестре, а ты — найти своих друзей?

— Чуть позже, — ответил он, замедляя шаг. Несмотря на горящие вверху фонари, лицо Матиаса оставалось в тени. — Темпест, а если Уаррилоу сделает тебе предложение? Ты примешь его?

— Мой отец страстно желает выдать меня замуж, но... нет, я не приму его. — Девушка остановилась. Шанс сделал еще несколько шагов, потом обернулся к спутнице. — Я его не люблю.

Шанс с Темпест несколько минут молча смотрели друг на друга. Воздух наполнила музыка и взрывы. Девушка учуяла запах пороха.

— А кого ты любишь?

Темпест подошла к нему.

— Тебя. Я тебя люблю, Шанс. — Она удивленно прищурилась, заметив его недоверие. — Только не говори мне, что ты этого не знал?

— Брант не может влюбиться в одного из семейства Рук, — хрипло произнес он голосом, исполненным эмоций.

— А Руки не влюбляются в Брантов, — ответила она. — И что нам делать?

— Оставаться вместе. В любви. Я люблю тебя, Темпест.

И Уаррилоу, и фейерверк исчезли вдалеке, когда они с Шансом стали целоваться. Руки

Темпест скользнули под вечерний сюртук, а его руки обхватили ее за талию. Не отрывая губ, он повел ее прочь с дорожки. Они были одни, но он ничем не рисковал.

Он неожиданно остановился, она охнула, когда он прижал ее спиной к стволу дерева.

Матиас оборвал поцелуй.

— Я хочу тебя.

— Я тоже тебя хочу. — Она ухватила его за сюртук, прижала к себе. — Поцелуй меня.

— Прямо сейчас. — Заметив ее недоуменный взгляд, он добавил: — Я хочу взять тебя прямо здесь. Возле дерева. Прямо сейчас.

Темпест должна была признать, что его искренние слова возбудили ее, но она не отнеслась к нему серьезно. Хотя они и были одни, но все равно находились в общественном месте.

Конечно же, он не рассчитывал, что они...

— Сейчас, Темпест. — Шанс потянулся к ширинке своих штанов и бесцеремонно стал расстегивать пуговицы.

Взял ее руку и поднес к твердой плоти, которая еще больше возбудилась от ее прикосновения. Его плоть была твердой, горячей, словно шелк скользила по ее коже.

Сердце забилося чаще, когда она представила, что он входит в нее. Как овладевает ею у ствола дерева, прямо на глазах у всех, а над головой мерцают звезды.

Не дожидаясь приглашения, Шанс начал тянуть наверх ее юбку и нижние юбки. Он негромко застонал, когда коснулся ее обнаженного бедра. — А где панталоны, леди Темпест? — медленно произнес он, и она почувствовала, как краснеет. — И я знаю, чем наградить подобную распушенность.

Матиас страстно поцеловал ее в губы. Он полностью терял голову, испытывая мучительное возбуждение. Он не мог думать ни о чем — только о том, как овладеть ею. Он прижал к себе Темпест, она почувствовала, неистовую пульсацию его плоти, которая прижималась к ее животу.

— А если кто-то пойдет по тропинке? — прошептала она.

Что же касается Матиаса, он подумал: «Да пусть бы вокруг нас

собралась даже небольшая толпа, пусть все смотрели бы, только бы не вмешивались...»

Он попытался придумать, как бы ее успокоить.

— Если будем вести себя тихо, никто даже не догадается, чем мы занимаемся.

Темпест нервничала, но еще он слышал возбуждение в ее голосе. Он обхватил руками ее округлые ягодицы, приподнял ее. Прерывисто вздохнул, вошел в нее и медленно стал опускать ее на затвердевшую плоть, лоно девушки раскрывалось и обхватывало его.

— Обхвати меня ногами, — прошептал Шанс, прижавшись лицом к ее корсету.

Матиас наслаждался каждым проникновением. Темпест оставалось только держаться. Она ощутила, как еще сильнее сжала ногами его бедра, когда он ускорил темп, вонзаясь в нее снова и снова.

— Бог мой! — ахнула она.

Прижимаясь щекой к ее корсету, он равномерно двигался внутри ее тела. Каждое движение — испытание равновесия и выносливости, и уже через несколько минут все его тело взмокло от пота. Он слышал, как растет темп взрывов фейерверка, и он старался двигаться в такт, приводя их обоих к оргазму.

— Шанс...я... Боже! — Темпест вцепилась ему в плечи и закричала. Она опустила

голову ему на грудь, пытаясь заглушить свои вздохи о его сюртук.

Она вздрагивала в его объятиях, а ее тело сжимало его плоть, Матиас глубоко вошел в нее и сдался. Ощущения казались бесконечными, как будто ее тело жадно поглощало каждую каплю его семени.

Шанс пошатнулся, но сохранил равновесие. Его плоть все еще находилась внутри ее тела, как будто они находились не на улице и он мог провести в таком положении счастливый остаток ночи. Желательно в уютной постели.

Темпест удивленно взглянула на него.

— Это было невероятно.

— Я тебе говорил, что обожаю бесстыдных женщин?

Она засмеялась, наклонилась, их губы встретились. Далее последовали неспешные, нежные поцелуи.

Как бы он того ни желал, он не мог украсть ее. Ему придется вернуть ее друзьям. Вернуть Уаррилоу. И этого Шанс не хотел больше всего.

Вечер выдался чудесный, хотя Темпест и пришлось неохотно попрощаться с Шансом. За тот недолгий час, что они провели вместе, настроение Шанса постоянно менялось. Он злился и ревновал, когда она в начале вечера увидела его с друзьями, потом он был настойчив, снисходителен, страстен и взволнован обладанием ею, и, в конце вечера — нежен, задумчив, но при этом настроен весьма решительно.

Что-то Шанса тревожило. Или кто-то. Темпест тайком поглядывала на лорда Уаррилоу, когда он вошел в прихожую дома Брант, сопровождая их с Арабеллой.

— Добрый вечер, дочери! Уаррилоу, друг мой! — приветствовал троицу лорд Норгрейв, стоя на пороге библиотеки.

Сегодня вечером отец, судя по его нетвердой походке, успел упиться любимым коньяком. Он наклонился, поцеловал воздух, поскольку не попал ей в щеку. Отец двинулся к Арабелле.

— Моя красавица Арабелла, поцелуй папочку.

Сестра ахнула, когда отец смачно поцеловал ее в губы.

Их матери нигде видно не было. Когда отец пребывал в подобном настроении, маркиза предпочитала пораньше лечь спать. Если бы Темпест попыталась открыть дверь, то обнаружила бы, что мама ее заперла.

— Спокойной ночи всем, — пожелал лорд Уаррилоу, пятясь назад. Молодой маркиз достаточно давно был знаком с лордом Норгрейвом, чтобы знать, насколько тяжело с ним общаться, когда он напивается. — Дамы, вечер был превосходным.

Отец удивленно изогнул бровь, покачал головой, чтобы в ней прояснилось.

— Уаррилоу... подожди. — Он одним глотком допил оставшийся коньяк и отдал пустой бокал Арабелле. — Будь послушной девочкой и налей папуле еще бокальчик.

Он развернулся и направился к молодому маркизу.

— Ты не можешь вот так нас оставить. Мы еще не отметили хорошие новости.

Темпест сняла шляпку.

— Какие новости, папа? — Она проследила за взглядом отца, которым он прожигал лорда Уаррилоу.

— У меня не было возможности поговорить с вашей дочерью, Норгрейв, — ответил молодой лорд, явно чувствуя себя неловко. — Если вы не против, я зайду завтра днем.

— А зачем ждать? — возразил ее отец. Он беспечно махнул в сторону лестницы. — Идите в гостиную. Темпест, следуй за супругом.

Темпест так и замерла от слов отца. Арабелла стояла посреди библиотеки с бокалом коньяка. Обе молодые дамы неотрывно смотрели на лорда Уаррилоу.

Лорд Норгрейв хлопнул себя рукой по губам, от чего сразу же качнулся. Засмеялся, убирая руку.

— Я проболтался, да? — Шатаясь, он подошел к Темпест, положил руку ей на плечо. — Не трать время попусту, дочь моя. Вам с Уаррилоу есть что обсудить.

Видя, что дочь не шевелится, он подтолкнул ее.

— Прошу вас, миледи, — пригласил ее лорд Уаррилоу, беря ситуацию в свои руки. — Мы можем поговорить с глазу на глаз в библиотеке.

Темпест оглянулась через плечо на сестру. Арабелла была поражена не меньше старшей

сестры. Ни для кого не было секретом, что лорд Уаррилоу прибыл в Лондон в поисках невесты, но пока он не поцеловал ее в Воксхолле, Темпест была уверена, что молодой маркиз к ней равнодушен.

В ней маркиз тоже не будил сильных чувств. Один лорд Норгрейв спал и видел, когда они поженятся. До гостиной они дошли молча. Темпест плотно закрыла дверь, только что не заперла, чтобы отец не вошел. Присутствие лорда Норгрейва сейчас было бы крайне нежелательным — в его нынешнем состоянии.

Темпест собралась с духом.

— Милорд...

Маркиз поднял руку, призывая ее молчать.

— Нет-нет, позвольте мне сказать первым, леди Темпест. — Он за руку подвел ее к дивану. — Пожалуйста, давайте присядем.

— Мой отец очень пьян, милорд. Когда он проспится, даже не вспомнит этого разговора, — сказала она, молясь о том, чтобы молодой маркиз не слушал того, что говорит лорд Норгрейв.

— Речь не о вашем отце. — Лорд Уаррилоу присел рядом с девушкой. У него вспотели ладони, и он вытер их о штаны. — Простите, миледи. Наверное, мне стоило попросить бокал коньяка, прежде чем подниматься с вами наверх.

Не хватало только коньяка!

— Мы можем поговорить в другой день, — негромко предложила она.

Маркиз покачал головой.

— Нет, я несколько дней собирался с духом. Надеялся, что нам выдастся случай поговорить раньше... наедине. Однако я напугал вас поцелуем, и вы убежали.

И сбежала в объятия другого мужчины. А пока ее искал джентльмен, который хочет предложить ей руку и сердце, она позволила Шансу задрать вверх ее юбку и овладеть ею прямо возле дерева. Поступок был крайне безнравственным, но она наслаждалась каждой секундой этого неистового соития.

— Милорд, ваш поцелуй напугал меня, но я вас не боюсь. — Она не могла найти подходящих слов. — Вы хороший человек. Я знаю, что мой отец считает, что мы будем хорошей парой, но я думаю, что он ошибается. Вы заслуживаете женщину, которая...

Темпест постаралась не вздрогнуть, когда молодой лорд схватил ее за руку.

— Признаюсь, поначалу я сомневался, но потом изменил свое мнение, — второй ладонью лорд Уаррилоу накрыл ее руку. — Миледи... леди Темпест, вы окажете мне честь стать моей невестой?

Именно этих слов так ждал лорд Норгрейв. Темпест попыталась представить себя в роли леди Уаррилоу, но единственное, что она видела — серый туман. Как она могла полюбить его, если ее сердце и тело принадлежали другому мужчине?

— Вы ошеломили меня, милорд, — ответила она, глядя на их сцепленные руки. Темпест опустила плечи и закрыла глаза. — Я должна была бы ответить вам, что мне нужна пара дней, чтобы дать вам ответ, но это ложь. Лорд Уаррилоу, я не могу выйти за вас замуж. Вы хороший человек, мне приятно находиться в вашем обществе, но принадлежать вам я не могу.

Маркиз поморщился, потом медленно высвободил ее руку. Он избегал ее взгляда.

— У вас кто-то есть?

Она колебалась. Однако лорд Уаррилоу заслуживал знать правду.

— Да.

— А он... — Лорд откашлялся. — Этот джентльмен признался в своих чувствах? У него благородные намерения?

Темпест с тоской взглянула на дверь. Следовало попросить Арабеллу принести им коньяка.

— Он не признался в своих чувствах моему отцу. — И она никогда не попросит его это сделать, иначе Оливер вызовет его на дуэль. Им с Шансом придется противостоять своим семьям, если они планируют строить совместную жизнь. — Существуют определенные преграды.

Лорд Уаррилоу с жалостью взглянул на девушку.

— Конечно, есть преграды, однако я вынужден дать вам совет. Женатые мужчины редко разводятся с женами.

Темпест взглянула на маркиза.

— Он не женат. Дело в том... достаточно сказать, что моя семья никогда не одобрит этот выбор.

— Если между вами и этим человеком лежит непреодолимая преграда, тогда я не понимаю, почему вы не можете выйти замуж за меня? — Тон маркиза был беспечным, но она чувствовала, что он не шутит.

— Даже если бы я не встретила этого джентльмена, я бы все равно отклонила ваше щедрое предложение. Честно признаться, я отношусь к вам как к брату.

Лорд Уаррилоу прижал руку к сердцу и засмеялся.

— Миледи, вы ранили меня в самое сердце.

— Мне не безразлично, милорд, — продолжала она, молясь о том, что однажды он ее простит. — Мне вы настолько небезразличны, что я отказываю вам ради вашего же блага.

— Очередная стрела в мое сердце! — Маркиз покачал головой и неспешно встал. — Больше я откровений между нами не вынесу, миледи. Надеюсь, вы понимаете.

— Понимаю, — заверила Темпест, вставая.

Она угрюмо следовала за маркизом вниз, где их с хорошими новостями ждали отец с сестрой.

Лорд Норгрейв, прищурившись, посмотрел на Темпест, потом на не улыбающегося лорда Уаррилоу.

— Ну-с? Мне послать слугу разбудить маркизу, чтобы мы отпраздновали, как должно?

Молодой маркиз взял с узкого столика свои шляпу и перчатки.

— Не стоит будить супругу. Свадьбы не будет.

— Что? — Сообщение лорда Уаррилоу мгновенно отрезвило старика. — Разумеется, будет. Вы с Темпест поженитесь.

— Я не могу жениться на женщине, которая любит другого. — Лорд Уаррилоу повернулся к Темпест, в его глазах плескалась горечь. — Вы тоже заслуживаете счастья, миледи. Но вы никогда не будете счастливы, если не будете честны со своим отцом.

Темпест в отчаянии закрыла глаза. Лорд Уаррилоу поклонился, пожелав всем спокойной ночи.

— Послушайте свою дочь, Норгрейв, — посоветовал маркиз. — Увидимся завтра в клубе.

Арабелла, Темпест и их отец так и остались стоять на своих местах. За лордом

Уаррилоу захлопнулась входная дверь.

— Кто?

Темпест взглянула на Арабеллу, услышав вкрадчивый вопрос отца.

— После всех моих стараний найти тебе мужа ты ему отказываешь. Я хочу знать имя джентльмена, который стоит за тем, что ты осмелилась предать меня и нашу семью, — велел он и клацнул зубами.

— Он тут ни при чем, — ответила Темпест. — Я не собираюсь за него замуж.

— Значит, ты предала меня безо всякой на то причины.

Его неожиданное спокойствие должно было бы насторожить Темпест. Лорд Норгрейв повернулся и ударил Темпест по лицу. Пощечина была настолько сильной, что девушка упала на пол. Она прижала руку к горячей щеке, но вставать не спешила.

— Темпест! — воскликнула Арабелла и поспешила к сестре. — Папа, пожалуйста... она не виновата.

— Не смей ее защищать! — проревел он.

Сестра зажала уши руками и зарылась лицом в плечо сестры.

— Я хочу знать имя мерзавца!

Темпест гневно смотрела на отца.

— Нет! Он не имеет никакого отношения к моему решению отказать лорду Уаррилоу.

Взревев от досады, он, пошатываясь, подошел к Темпест и рывком поставил ее на ноги. Арабелла заплакала, когда отец стал трясти старшую дочь, ее голова дергалась взад-вперед.

— Имя! — орал он ей в лицо.

Темпест никогда не осмеливалась послушаться отца или мать. Она испугалась, но отказывалась назвать имя Шанса. Она не доверяла отцу и брату: всю вину за неповиновение они обязательно возложат на Матиаса.

— Не могу, — прошептала она.

Лорд Норгрейв вновь замахнулся.

— Я знаю, кто он, папа! — зарыдала Арабелла. — Пожалуйста, не бей сестру.

Горящий яростью взгляд отца переместился на младшую дочь.

— Скажи, как его зовут, Арабелла. Или я отхожу твою сестру по спине хлыстом.

Темпест задрожала, но отказывалась верить, что отец может отхлестать ее кнутом.

— Молчи, Арабелла.

— Матиас Рук... лорд Фейрлэм, — призналась она, отводя взгляд от Темпест.

Лорд Норгрейв настолько удивился, что отпустил Темпест. Девушка попятилась от него, продолжая сжимать в объятиях рыдающую сестру. Казалось, отец ничего не замечает вокруг. Приоткрыв рот, он качал головой.

— Фейрлэм, говоришь. — Он потер подбородок, размышляя над глубиной предательства дочери. — Наследник Блекберна.

Если бы он ударил ее еще раз, Темпест решила бы, что заслуживает такого обращения. Она бы безо всякого возражения приняла заслуженное наказание.

Но вместо того чтобы избить дочь, Норгрейв засмеялся. Сначала он несколько раз фыркнул, потом фыркание переросло в смешки, а те — в надрывный смех. Лорд Норгрейв продолжал надирать живот, пока не начал задыхаться. Сделал глубокий вдох и продолжал смеяться.

Еще никогда Темпест не была так напугана поведением отца.

Продолжая прижимать к себе Арабеллу, Темпест бросилась с сестрой на лестницу,

прочь от отца. Даже за запертой дверью спальни она слышала раскаты отцовского хохота.

Слухи о помолвке леди Темпест Брант и маркизом Уар-рилоу достигли ушей Матиаса на следующий же день, когда он отдыхал в одном из клубов. Несчастный приятель, который поделился с ним хорошими новостями, тут же пожалел о своем поступке — Матиас устроил ему допрос с пристрастием. В очередной раз он услышал эту новость от своего приятеля, которого встретил у своего любимого портного. А когда еще один знакомый упомянул об этой помолвке, когда Матиас с Рейнбо и Сент-Лионом были на ипподроме «Таттерсолл».

Если исключить возможность поговорить с самой Темпест — от чего настойчиво отговаривали его друзья, — оставался единственный человек, который мог подтвердить или опровергнуть эти сплетни.

Маркрофт.

Расспросив людей, Матиас уже точно знал, где можно найти графа. В это время дня он всегда посещал небольшую таверну с приватным номером, отделенным от основного зала пивной, в котором молодые аристократы оттачивали свои боксерские навыки на каждом, кто хотел подраться. Рейнбо с Торном несколько раз были свидетелями поединков графа — он сходил с закаленными соперниками, которые зарабатывали себе на жизнь частными боями. Но Матиас не хотел ссориться с Маркрофтом в заведении, где тот был завсегдатаем.

— Я говорил тебе, что идея сама по себе ужасна, Шанс? — спросил Рейнбо, когда они приехали в таверну.

— Пару раз упоминал, — пробормотал Матиас. — Если только вы с Сент-Лионом не намерены привязать меня к деревянной стойке, я настоятельно вам рекомендую: прекратите сотрясать воздух и спорить со мной.

— Понять не могу, почему ты привязался к этой девушке, — сказал принц раздраженно. — Она ничем не лучше остальных.

Матиас схватил приятеля за грудки и пихнул его в стену таверны.

— А в этом я с тобой не согласен. И если ты бережешь свой безукоризненный подбородок, не смей умалять достоинства дамы, которую я высоко ценю и уважаю. В противном случае я выбью тебе зубы.

— Боже мой, ты влюбился в нее! — воскликнул Сент-Лион.

Матиас резко отпустил приятеля и отступил назад.

— Я... черт побери!

— Этим и объясняется твое поведение в последнее время, — Рейнбо оправил помятый Матиасом сюртук. — И даже ты должен признать, что свое поведение здравым не назовешь.

Матиас сцепил зубы, но спорить не стал. Его жизнь сошла с привычных рельсов в тот миг, когда он познакомился с Темпест. Он хранил все в тайне от своей семьи и друзей, но мысль о том, что Уаррилоу объявил Темпест своей невестой, довела его до бешенства и заставила искать человека, которого Шанс воспринимал как врага.

— Давайте найдем Маркрофта, а потом можем ехать. — Он вошел в таверну, даже не оглядываясь, чтобы проверить, следуют ли за ним друзья.

Маркрофт как раз находился в приватном номере, который использовали для боев за деньги, однако сегодня граф не дрался. Вместе с двумя друзьями он сидел за маленьким столиком в углу. Оба мужчины встали, когда они заметили, что к ним в сопровождении Сент-Лиона и Рейнбо приближается Матиас.

Казалось, Маркрофт несколько не обеспокоился их приходом.

— Джентльмены, я понятия не имел, что вы облюбовали эту таверну. — Он повернулся к своим приятелям. — Похоже, настали времена, когда это заведение должно открывать двери нежеланным гостям.

— Обычно мне нравятся наши пикировки, Маркрофт, — сказал Матиас, упираясь руками в стол. Тот закачался, когда Матиас наклонился вперед. — Однако чтобы не тянуть время, сейчас я предпочту перейти прямо к делу.

Граф оценивающе взглянул на Матиаса и откинулся назад на спинку стула.

— Я бы пригласил тебя присесть, но увы: все стулья заняты моими друзьями.

Матиас мрачно усмехнулся.

— Я пришел сюда не для того, чтобы выпить с тобой пива, Маркрофт.

Последний взглянул поверх плеча Матиаса на Рейнбо и Сент-Лиона.

— А твои приятели?

— Они тоже не собираются с тобой пить, — уколол его Матиас. — Мне просто нужно, чтобы ты ответил на несколько моих вопросов, и мы пойдем.

— Должно быть, это что-то крайне важное для тебя, раз ты решился подойти ко мне, Фейрлэм, — задумчиво заметил Маркрофт.

Для Матиаса это дело действительно было чрезвычайно важным, хотя он и не собирался в этом признаваться.

— Уаррилоу. Он предложил твоей сестре руку и сердце?

Взгляд графа несколько посерьезнел.

— Которой? У меня три сестры.

— Перестань играть со мной.

Маркрофт поджал губы в молчаливой угрозе.

— Я предупреждал тебя, чтобы ты держался от Темпест подальше. И вуаля! Вот он ты, и к тому же задаешь вопросы о том, что тебя совершенно не касается.

— Уаррилоу... — Матиас тоже стиснул зубы, стараясь держать себя в руках. — Он уже подходил к твоему отцу?

Граф прищурился.

— Подходил, и, по-моему, отец принял его предложение. А почему ты спрашиваешь?

Сердце болезненно сжалось от ответа Маркрофта. Его охватил приступ ревности.

— А сестра согласилась на этот брак?

Брови Маркрофта удивленно взметнулись вверх.

— Понятия не имею. Главное, чтобы этот брак одобрил отец. Все сомнения, какими могли бы возникнуть у моей сестры, будут развеяны, как только они с Уаррилоу заживут в браке. — Граф встал и тут только заметил свирепое выражение лица Матиаса. — Фейрлэм, надеюсь, ты не собираешься высказывать свое мнение по этому вопросу?

— С чего бы это, интересно знать? — пробормотал Рейнбо.

— Темпест не любит Уаррилоу, — прямо сказал Матиас.

— Не любит, наверное, — ответил Маркрофт, видя внутреннюю борьбу Матиаса. — Хотя моя сестра — послушная дочь. Даже если она испытывает нежные чувства к другому мужчине, она уступит воле отца.

Горько было осознавать, что граф прав. И тем не менее у Матиаса на руках были подписанные бумаги, что могло склонить чашу весов в его пользу.

— Хочешь пари?

— Держись подальше от моей сестры, Фейрлэм, — прорычал Маркрофт. — Мой отец уже предпринял определенные шаги, чтобы убедиться, что она под надежной защитой от тебя и всех тех, кто хочет разрушить ее счастье.

— Норгрейв отослал ее из города? Когда? — допытывался он.

— Так я тебе и сказал! — ответил Маркрофт голосом, который так и сочился презрением. — Какие бы игры ты ни вел с моей сестрой, твоему флирту положен конец. Если ты посмеешь еще раз к ней приблизиться, я вызову тебя на дуэль. Возможно, пуля избавит других дам от твоего нежелательного внимания.

— Считай, что я принял твой вызов.

И пока никто не успел отреагировать, он ударил Маркрофта. Его кулак попал ему прямо в челюсть, и граф распластался на стуле. Единственная причина, по которой он остался сидеть — за его спиной была стена. Неожиданная жестокость Матиаса его совершенно ошарашила — как и всех собравшихся.

— Когда это случится, можем назначить дату дуэли. — Он повернулся, встретил изумленный взгляд Рейнбо. — Здесь у меня больше нет дел.

Если Норгрейв решил отослать Темпест из Лондона, с ее отъездом, скорее всего, не станут тянуть. У Матиаса было слишком мало времени, чтобы осуществить свой план.

— Я сожалею, Арабелла, что ты оказалась заложницей этой ситуации, — сказала Темпест, когда окраины Лондона исчезли за горизонтом.

Из-за нее их с Арабеллой сослали в деревню.

— Не вини себя, — ответила великодушная сестра.

— А кто же виноват? — удивилась миссис Шиэн, обидно фыркнув. — Вела себя как бесстыдная потаскушка, когда таскалась по городу с этим Руком. Счастье, что после всего, что было сказано и сделано, лорд Уаррилоу согласен взять вас в жены. Будьте уверены, что городские кумушки будут пальцы загигать, считая, как быстро вырастет у вас живот и вы подарите своему супругу наследника. Вы должны благодарить лорда Норгрейва за то, что защищает вас от...

— Довольно, миссис Шиэн, — резко оборвала ее Темпест. Такая резкость была настолько несвойственна девушке, что вдова проглотила то, что собиралась сказать, и вернулась к шитью.

Несмотря на все мольбы и увещевания, Норгрейв объявил, что Темпест и ее сестра возвращаются в деревню и остаются там до свадьбы Темпест и лорда Уаррилоу. Девушке было даже позволено попрощаться с будущим супругом. Отец заверил ее, что молодой маркиз поймет желание отца защитить своих дочерей от наглых посягательств.

Существовал только один мужчина, о котором отцу следовало бы беспокоиться, и он предпринял определенные шаги, чтобы она не смогла сообщить ему о своем поспешном отъезде.

Темпест молча гадала: будет ли Матиас пытаться ее разыскать. Или он воспримет то, что отец узнал об их связи, как конец их отношениям? Даже если Шанс и решится последовать за ней, ее предстоящий брак с лордом Уаррилоу быстро остудит его пыл. Он не сможет противостоять своему отцу, как и она не смогла послушаться своего.

В тишине недр их экипажа насмешливые слова миссис Шиэн о том, что кумушки будут пальцы загигать, стали для нее мучением. В поспешном соитии ни она, ни Шанс не подумали о том, что в результате их страсти может появиться ребенок. Даже сейчас

предположение о том, что она может носить его ребенка, не испугало ее до смерти, как должно было бы. Эгоистично с ее стороны или нет, но если она не может иметь мужчину, которого любит, то она хотела бы иметь от него ребенка. Ее отец позаботится о том, чтобы они с лордом Уаррилоу поженились как можно быстрее. Если в ее чреве и растет ребенок, то все решат, что этот ребенок от ее супруга.

— Все будет хорошо, сестричка.

Темпест вздрогнула, когда сестра накрыла ее руку своей ладонью. Она даже не осознала, что тихо и скорбно всхлипнула, чем испугала Арабеллу, показав, как ей плохо... К тому же по щекам Темпест текли слезы. Она вытерла их пальцами, попыталась улыбнуться, подбодрить сестру.

— Ты спала всего пару часов, — сказала Арабелла, поскольку несколько часов после ссоры с отцом Темпест прорыдала. — Попытайся заснуть. Мы еще нескоро приедем.

Темпест закрыла глаза, позволив грусти и слезам исчезнуть под цокот копыт и мерное убаюкивание экипажа. Казалось, что прошла всего пара минут, когда она резко очнулась от мужских криков и пистолетных выстрелов.

— Что стряслось? — поинтересовалась она, инстинктивно нащупывая руку Арабеллы, когда экипаж стал замедлять ход. Наверное, она проспала несколько часов, потому что кто-то зажег лампы в салоне, а за окном сгущались сумерки.

— Разбойники, — прошептала миссис Шиэн посеребрившими губами. — Три беззащитных женщины... Они нас убьют.

— Не убьют, если мы отдадим все наши ценности, — негромко ответила Арабелла.

Темпест была согласна с сестрой.

— Необходимо сохранять спокойствие.

— Слезай, дружище! — прокричал один из разбойников кучеру. — Отложи поводья и спускайся вниз.

Борясь с искушением прижаться лицом к окну, Темпест вглядывалась в пыльное стекло и смогла разглядеть лица всадников. Неожиданно дверца распахнулась, и все три женщины в ужасе завизжали.

— А здесь что у нас? — Мужчина в капюшоне уперся руками по обе стороны двери, преграждая им путь к бегству. — Три пташки в клетке, — крикнул он своим приятелям.

— Хорошенькие? — поинтересовался один из них.

Под черным капюшоном раздался низкий смех.

— Довольно симпатичные.

Он протянул руку к Темпест, которая отпрянула от его прикосновения.

Миссис Шиэн ударила нахала по руке.

— Оставьте миледи в покое! Эти дамы под моей защитой, не смейте протягивать к ним свои грязные руки!

— Какие-то сложности? — поинтересовался третий голос. Происходящее его явно веселило.

— Я со всем справлюсь, — последовал ответ, и человек в капюшоне опять потянулся за Темпест. Он схватил ее за руку, намереваясь вытащить из экипажа.

— Нет! — закричала миссис Шиэн.

Темпест воспользовалась тем, что он отвлекся, и вцепилась зубами в его предплечье. Он удивленно вскрикнул и тут же отпустил ее. Она слышала, как стоявшие на улице разбойники засмеялись.

— А зубки у нее острые! — прорычал первый разбойник и грубо схватил ее за руку. Она ругалась и брыкалась, и он слишком разозлился за нее за сопротивление, чтобы быть деликатным. Он вытащил ее из экипажа и толкнул в объятия второго разбойника в капюшоне. — Бери себе эту! И скатертью дорога!

Второй схватил ее и прижал намного крепче, чем позволяли приличия. Когда Темпест попыталась отпихнуть его, он поднял свободную руку, в которой оказался пистолет.

Темпест тут же застыла на месте.

Она беспомощно смотрела, как сестра и миссис Шиэн выходят из экипажа. Разбойники поставили двух женщин рядом с кучером. Их наставница тихонько всхлипывала в свой платочек.

— Присмотри за ними, — приказал тот, кто вытащил ее из экипажа, тому, что оставался в седле.

— Сделаю! Одно движение — и я стреляю! — холодно предупредил он.

Никто не двигался, пока разбойник обыскивал экипаж в поисках ценных вещей. Темпест прикусила губу, чтобы придушить свой вздох, когда он нашел пистолет, который миссис Шиэн спрятала в своей корзинке для шитья. Усмехнувшись себе под нос, мужчина спрятал пистолет себе под шерстяной плащ.

Вдалеке слышались раскаты грома.

— Закончил? — спросил всадник. — Лучше успеть до дождя.

Темпест подняла голову и повернулась к говорившему. Все трое были укутаны с головы до ног, чтобы их не узнали, но что-то в его голосе показалось девушке знакомым.

Она поморщилась от вспышки молнии.

— Отдайте!

Темпест переключила свое внимание с разбойника на миссис Шиэн, которая пыталась вырвать у одного из разбойников свой ридикюль. Вдова заплакала от отчаяния, когда разбойник выиграл сражение и обыскал сумочку в поисках ценных вещей.

— Грязный подонок! — рыдала миссис Шиэн, когда разбойник высыпал содержимое сумочки на дорогу.

Он протянул пустую сумочку и кивнул Арабелле.

— Клади свои побрякушки сюда!

Сестра Темпест молча исполнила приказ, отданный хриплым голосом. Понимая, что следующая очередь за ней, Темпест поспешно сняла сережки и золотое колечко, которое подарила ей бабушка. Она бросила драгоценности в ридикюль сразу, как только ей ткнули им в лицо.

— Умница! — похвалил тот, кто ее удерживал.

Она закрыла глаза и промолчала, когда он похлопал ее по бедру.

— Свяжи этих двоих, — приказал всадник, кивнув на кучера и дуэнью.

— Господа, послушайте! — возразил кучер, когда ему связали за спиной руку длинной веревкой, которую разбойник достал из-под плаща. — Это знатные дамы. Не стоит их связывать.

Темпест взглянула на темнеющее небо, ощутив холодные капли дождя на лице.

Как только разбойник закончил связывать кучера и миссис Шиэн, он велел им залезть в экипаж и закрыть дверцу. Потом он подошел к Арабелле.

— Сведите вместе запястья, миледи, — грубо приказал он. — Как будто собрались молиться.

Арабелла кивнула и послушалась. Не обращая на мольбы вдовы о пощаде, разбойник подвел сестру Темпест к всаднику и посадил на коня. Второй разбойник обхватил ее за талию и устроил у себя на коленях.

Темпест напряглась, когда он подошел к ней. В глубине души ей хотелось сбежать от разбойников, но перспектива получить пулю в спину за подобную дерзость заставляла ее оставаться на месте.

— Ведите себя хорошо, миледи. А то я высеку вас за то, что вы меня укусили, — пригрозил разбойник, связывая ей руки.

Мужчина, который ее держал, передал пистолет своему товарищу, чтобы оседлать лошадь. К тому моменту, когда она оказалась на коленях у разбойника, дождь полил как из ведра.

— Пожалуйста, сэр, — негромко взмолилась Темпест, — отпустите нас. Вы уже забрали все драгоценности. Мы с сестрой станем для вас обузой в такую ненастную погоду, и наше похищение увеличит ваши шансы быть повешенными.

Ее попытка воззвать к разбойнику основывалась на том, что тот, кто удерживал ее, не проявлял грубости и казался добрее остальных. Если ей удастся убедить его опустить их с Арабеллой, возможно, он сможет защитить их от своих грубых поделльников.

Она заерзала у него на коленях, когда он крепче прижал ее к себе. Слишком поздно она поняла его намерения — он укутал ее своим плащом, чтобы защитить от дождя. Она прильнула к его теплему телу и вздохнула. Глаза ее округлились, когда она ощутила знакомый запах.

Он коснулся губами ее уха, она облегченно расслабилась в его объятиях.

— Я потерял голову в ту минуту, как встретил вас, леди Темпест, — прошептал Шанс ей на ухо. — Я готов рискнуть головой, лишь бы ты была рядом.

Изменив голос, он обратился к друзьям.

— Мы поскакали!

Как только они отъехали на несколько километров от экипажа, Матиас, Сент-Лион и Рейнбо сняли черные маски, но капюшонов из-за дождя снимать не стали. Сестра Темпест не стала кричать, когда Сент-Лион снял маску, поэтому Матиас догадался, что виконт уже сообщил девушке, кто он, чтобы дама не боялась.

— Поверить не могу, что ты оставил кучера и миссис Шиэн связанными в нашем экипаже, — в третий раз пробормотала Темпест. Облегчение, которое она испытала, когда поняла, что знакома с разбойниками, тут же развеялось, когда она стала размышлять о судьбе своей прислуги. — Бедняжка была так напугана.

— Нам пришлось быть убедительными, — возразил Матиас. — У кучера был свой приказ. У миссис Шиэн свой. Оба были вооружены пистолетами. Ни один из них не намерен был отдавать вас без боя, и мы не оставили их беззащитными. Рейнбо отогнал экипаж подальше от дороги, привязал лошадей. Если кучер не сумеет освободить себя и вдову — на ночь у них есть ночлег.

— А еще ты позволил Рейнбо ограбить миссис Шиэн, — она прижималась к нему всем телом, а он пытался укрыть ее от дождя.

— Он забрал только пистолет и пустой ридикюль. Все остальное он положил назад в корзинку с шитьем, — с досадой в голосе пояснил он. — Если хочешь выйти замуж за Уаррилоу, я всегда могу оставить вас с сестрой в ближайшей гостинице, а сам продолжу

свой путь.

— Откуда ты узнал?

— Слухи о твоём предстоящем замужестве уже достигли ушей городских кумушек, — он ещё крепче прижал её к себе, вспомнив, что увидел почерневший синяк на её щеке. — Как я понимаю, твой отец узнал о нас.

Матиаса заверяли люди, которым было хорошо заплачено, что они неболтливы. Однако как он понимает, кто-то из них отправился к лорду Норгрейву.

— Лорд Уаррилоу узнал, что я люблю другого, и решил отступить. Когда отец понял, что я испытываю чувства к другому, потребовал назвать его имя. — Темпест вздрогнула. — Прости меня. Отец... он был пьян. Я вынуждена была сказать ему правду.

— И тогда он тебя ударил? — разозлился Матиас, он был вне себя от того, что человек может ударить собственную дочь.

— Нет, — негромко призналась она. — Ударил он раньше. Когда я назвала твоё имя, он смеялся.

— Он испугал тебя?

— Мы с Арабеллой ещё никогда так не боялись отца, — призналась она.

Узнав об этом, Матиас не пожалел, что они забрали не только Темпест, но и её сестру. Поначалу он намеревался оставить Арабеллу со слугами, но ему хотелось, чтобы с любимой был рядом человек, которому она доверяет. Без её согласия он принял за неё решения, которые изменяют их жизнь.

— Мы едем в гостиницу?

Матиас понимал, что обе женщины чувствуют себя неловко, но с тех пор, как они с друзьями переоделись в разбойников, им нельзя было отдыхать, пока они не достигли места назначения.

Но он не ответил на её вопрос, а задал ей свой.

— Ты собиралась выйти замуж за Уаррилоу?

Темпест зарылась лицом во влажный сюртук. Наконец она произнесла:

— Мой отец был решительно настроен выдать меня замуж за маркиза. И я готова была выйти за него, чтобы моя семья оставила тебя в покое.

Он остановил лошадь. Темпест отпрянула, встретившись с его разгневанным взглядом.

— Что?

— Неужели ты так мало в меня веришь? — крикнул он ей.

— Шанс! — Рейнбо крикнул через плечо, потом крикнул Сент-Лиону, чтобы тот остановился.

Капли дождя струятся по щекам, как слезы.

— Конечно, нет!

— Тогда считаешь меня трусом?

Она покачала головой.

— Нет! Я пыталась тебя защитить.

— От кого? От твоего отца? Маркрофта? — Матиас обиделся, что она поверила, что её семья может нанести ему поражение. — Я и не таких клал на лопатки.

— А ты думаешь, что мне от этого легче? — крикнула она в ответ. — Что мой отец или брат будут ранены... или, хуже того, кто-то из них погибнет от твоей руки?! Что тебе придется ввязываться в драку или пострадать из-за того, что я влюбилась в тебя? В этой борьбе нет победителей. Особенно тогда, когда это касается тебя и моей семьи.

— Шанс, сейчас не время... — Сент-Лион поднял руку, уступая, когда Матиас сердито взглянул на приятеля.

— Если бы ты так не спешила выйти замуж за Уаррилоу...

— Я не хотела за него выходить! — перекричала его Темпест.

— ...ты бы поняла, что не увидела еще одного выхода из ситуации.

— Да неужели! — Темпест вздернула подбородок, чтобы смотреть на него свысока. — И что, будь любезен, скажи, я проглядела?

— Выйти замуж. За меня, — ответил он, борясь с желанием встряхнуть ее за то, что сдалась так легко.

— Выйти замуж за тебя? — Казалось, сама идея изумила девушку.

Злость утихла, когда он увидел ее изумленное выражение лица. Голос его стал мягче, но Матиас попытался объяснить:

— Торн ждет нас со священником! Я уже получил специальное разрешение. Если ты согласна, сегодня вечером мы можем пожениться. Ты станешь маркизой — замужней и разделяющей ложе с супругом — и нашим семьям придется с этим смириться.

«В конце концов», про себя добавил он. Матиас был уверен, что им с Темпест со временем удастся примирить семьи, возможно, когда появятся внуки.

— Ты хочешь на мне жениться? — спросила Темпест. Слезы на щеке смешались с каплями дождя.

Матиас положил ей руку на щеку.

— Я сам диву даюсь! Я мог бы десяток причин назвать, почему это желание безумно. И еще десяток причин, почему тебя можно назвать последней девушкой в Англии, на которой мне следовало бы жениться.

— Десяток? Серьезно?

Он усмехнулся, заслышав раздражение в ее голосе.

— Существует один неоспоримый факт, о который разбиваются все доводы. Он же и убедил меня рискнуть ради тебя всем.

— И что это?

— Я люблю тебя. Вы, миледи, украли мое сердце, мою бессмертную душу. Я готов послушаться своей семьи и бросить к твоим ногам свою жизнь.

Не обращая внимания на вздохи друзей, он прильнул к губам любимой, вложив все свои чувства в этот поцелуй. Однако ему необходимо еще спросить, готова ли Темпест пожертвовать всем ради него, но ответ он почувствовал без слов — девушка прижалась к нему и отвечала на поцелуй до тех пор, пока оба не стали задыхаться.

— Я была так несчастна, когда думала о том, что в нашу следующую встречу я уже буду леди Уаррилоу, — призналась она, в ее взгляде отразились все беды и унижения дня сегодняшнего. — Он хороший человек. Однако я его не люблю.

Матиас презирал ту ревность, которая бурлила у него в крови, когда она вспоминала маркиза, но ему удалось найти Темпест до того, как она вышла замуж за этого человека.

— А кого же ты любишь? — прошептал он ей в волосы.

— Я... — начала она.

— Шанс, ты хочешь, чтобы мы все утонули? — пожаловался Рейнбо, его терпение оборвалось. — Получай у дамы согласие и поехали!

— Да, Фейрлэм, — добавил Сент-Лион. — Я не хочу, чтобы на меня напали и ограбили настоящие разбойники.

Темпест смущенно отвела взгляд от мягкого подтрунивания его приятелей. Как ни крути, дождь и холодный ветер уюта не добавляли. Матиас схватил ее за подбородок, поднял ее лицо к себе.

— Темпест, ты выйдешь за меня замуж?

Затаив дыхание, он ждал ее ответ. После всех его приготовлений ему и в голову не приходило, что она может ему отказать.

— А твои родные? Только не лги мне! Не говори, что они благословили наш брак.

Матиас не хотел признаваться Темпест, что его родители ничуть не обрадовались его чувствам к девушке, точно так же, как и ее родные. Не хотел говорить о злых словах, которые они с отцом сказали друг другу, о боли в глазах матери, когда он сообщил, что намерен жениться на дочери Норгрейва.

— Нет, — признался он, потому что только Темпест могла понять его чувство вины из-за того, что собственное счастье он поставил превыше верности семье. — Со временем родители забудут прошлое. Они полюбят тебя так же, как и я полюбил.

На лице Темпест все еще отражалось сомнение, но ответ Матиаса удовлетворил ее.

— Да, лорд Фейрлэм, я выйду за вас замуж, — ответила она, и он едва не задушил ее в объятиях, с трудом справляясь, чтобы не упасть с лошади. — Я люблю тебя.

— Слава богу! — искренне воскликнул принц. — Поздравляю вас обоих! Теперь мы можем ехать?

К десяти часам Темпест уже была замужней дамой. Она смотрела на золотое колечко на своей левой руке — доказательство того, что они с Матиасом Рук, маркизом Фейрлэмом, обменялись брачными клятвами в присутствии ее сестры и трех его друзей. И хотя волосы девушки все еще были влажными после путешествия, надо было отдать должное герцогу Рейнбо — он оказался предусмотрительным разбойником. Вместо того, чтобы искать наживу, ему удалось незаметно сунуть в сумку несколько платьев и аксессуаров, чтобы они с Арабеллой могли переодеться в сухое платье перед церемонией венчания.

Она грелась у камина, когда в спальню вошел Шанс. Девушка улыбнулась. В одной руке маркиз нес канделябр, в другой бутылочку вина и два бокала.

— Добрый вечер, муженек, — игриво приветствовала она. Сквозь неплотно задернутые шторы видны были вспышки молний, а несколькими секундами позже прогремел раскат грома. — Ты босой спускался в погреб?

Утомительная поездка вскоре после церемонии всех уложила в постель. Арабелла помогла сестре раздеться, а потом побрела в свою спальню, оставив Темпест встречать супруга в одной сорочке, прикрыв босые ноги шерстяным одеялом. Пока она готовилась к первой брачной ночи, Шанс с приятелями отмечали успех приключения и пили в библиотеке за здоровье жениха. Где-то по пути в спальню ее супруг оставил свой сюртук, жилет, чулки и сапоги.

Он наклонился и поцеловал ее в губы.

— Добрый вечер, леди Фейрлэм. Я попросил Торна спуститься в подвал и принести вина, поскольку он сообщил хорошие вести и нам есть, что праздновать.

— Что-то важнее нашей свадьбы? — пошутила она.

Шанс поставил канделябр на стол и опустился рядом с ней на пол.

— Для моего кузена да. — Он положил один пустой бокал себе на колени, наполнил второй и протянул его Темпест. Потом взял первый бокал и наполнил его. — Перед отъездом из Лондона Торн получил весточку от родственников, что его брат-близнец

возвращается в Англию.

— А почему он не с нами? — Темпест не терпелось познакомиться с Гидеоном, поскольку теперь они с Торном были частью ее семьи.

Матиас глотнул вина, отставил бутылку в сторону.

— До семьи дошли слухи, что его корабль причалил в порту. Пока мой кузен не объявлялся.

— Мне нравится Торн, — призналась она, довольная тем, что неприветливый кузен Шанса отнесся к ней с Арабеллой как к любимым сестрам. — Гидеон похож на брата?

— Внешне — да. Когда они хотят подшутить, их сложно отличить друг от друга. Однако Торн с Гидеоном совершенно разные, как вы с сестрой, когда речь заходит о характере. Сомневаюсь, что годы, проведенные врозь, что-то изменили.

Шанс мог бы многое рассказать о братьях, но, казалось, не хотел продолжать разговор о них. Его следующие слова подтвердили ее догадки.

— Хватит говорить о моих кузенах. Мне очень интересно знать, что там у вас под одеялом, леди Фейрлэм.

Ее ресницы призывно затрепетали.

— Почему бы вам самому не посмотреть?

Шанс проглотил остатки вина, поставил пустой бокал на стол. Не сводя глаз с Темпест, он забрал у нее недопитый бокал и тоже поставил на стол. Поскольку концы одеяла не были подоткнуты, Темпест решила, что он потянет за свободный конец и откинёт одеяло в сторону. Матиас удивил ее тем, что стал приближаться очень медленно. Сначала погладил распущенные волосы, зарылся пальцами в густую гриву, потом она ощутила его пальцы на своем затылке. Медленно он притянул ее к себе, их губы встретились.

Его губы отдавали вином и коньяком, который он пил с друзьями. Ее язык изворачивался и дразнил его. Матиас пах дождем, шерстью и дымом.

— Кажется, что это наша первая ночь, — призналась она, целуя его подбородок. Кружевная тесемка ее сорочки сползла с правого плеча. Она ощутила, как его пальцы едва касаются ее обнаженной руки.

— Так и есть.

Шанс развязал шейный платок, однако его сорочка мешала ей покрывать поцелуями его шею.

Предугадывая ее просьбу, он отстранился и стянул сорочку через голову. В свете свечей его кожа, казалось, отливала золотом. Темпест встала на колени, одеяло соскользнуло ниже, когда она подалась ближе к Матиасу. Темпест поцеловала его ключицу, погладила темные волосы на его груди.

— Будь милосердна ко мне, женушка, — молил он хриплым от сдерживаемой страсти голосом. — Я не хочу разочаровать тебя в нашу первую брачную ночь.

Приободренная Темпест потянулась к пуговицам его брюк. Искоса взглянув, она увидела доказательство его желания. Темпест вспомнила те ощущения, когда Шанс пронзал ее тело своей плотью, наполнял ее до краев, пока она едва могла дышать — девушка задрожала.

— Замерзла? — Он прижал ее еще ближе, чтобы согреть теплом своего тела.

— Тебя хочу, — прошептала она, расстегивая его бриджи и беря в руки его возбужденную плоть. Как и все тело Матиаса, плоть была такой же горячей, и мужчина дрожал от удовольствия, когда Темпест ласкала его.

Едва уловимый мускусный запах его возбужденной плоти наполнил ее нос и легкие. Она присела на пятки, гадая, какая же она на вкус.

— Ты не против?

Глаза под отяжелевшими ресницами округлились, когда он понял ход ее мыслей.

— Нет. Я в твоём полном распоряжении, — ответил он, стаскивая штаны. Он сел на пол, чтобы освободиться от штанов, отшвырнул их в сторону.

Игриво толкнув его в плечо, она молча заставила его лечь, и он с радостью послушался.

Ее длинные каштановые волосы упали ему на бедра, когда она, поддавшись инстинкту, наклонила голову. Шанс напрягся от ее первого прикосновения, когда она лизнула солоноватую смазку.

— Тебе нравится? — поинтересовалась она, удивляясь тому, как напряглось его тело. Ее супруг был сплошным комком чувств.

— Да, — прошипел он сквозь губы. — Ты можешь взять меня всего.

Заинтригованная Темпест подняла голову.

— Целиком?

— Как пожелаешь.

Шанс едва слышно стукнулся затылком о пол, когда Темпест наклонила голову. Солоноватый привкус стал выразительнее, когда она языком слизала жидкость. Ее супруг застонал, инстинктивно приподнял бедра вверх, как будто в молчаливой мольбе, чтобы она захватила ртом больше его плоти.

Темпест обхватила пальцами основание его возбужденной плоти и открыла пошире рот. Чувствуя, что Темпест не знает, что делать дальше, Шанс показал ей, как сильно ему нравится ощущать ее рот и язык, когда его разгоряченная плоть скользит глубже, а потом выходит.

Пока она сосала и дразнила головку его плоти, ее соски напряглись, когда налившиеся груди терлись о его ноги. Что-то теплое заполнило низ живота.

Темпест застонала, притянула его к себе, представляя, как он входит в нее. Она сжала бедра в тщетной попытке унять нарастающую боль.

Ей просто было необходимо, чтобы он вошел в нее. Прямо сейчас.

Темпест отпустила его плоть, облизала нижнюю губу, чтобы насладиться его вкусом. Интересно: а мужчина может выпустить семя любовнице в рот?

— Шанс!

Он резко открыл глаза от звука ее голоса. Зрачки его поглотили почти всю серую радужку, превратив ее в тоненький ободок. Шанс потянулся к ней, уложил на себя сверху. Перевернулся так, что она оказалась снизу. Один вздох — и его разгоряченная плоть проникла в самое ее сердце, наполнив ее до краев одним мощным, резким толчком.

Все произошло именно так, как она запомнила.

Его естество наполнило каждую клеточку ее тела, которое сжималось и разжималось, когда Шанс неистово погружался в нее. Темпест прижала его голову к своей груди, все еще прикрытой льняной сорочкой, но тонкая ткань не стала препятствием для его ненасытного рта. Ткань намокла, когда он стал грубо сосать ее сосок, входя в нее все глубже и глубже. Она извивалась в его объятиях, требуя больше и больше. В ответ он легонько прикусил ей сосок.

Темпест вскрикнула, но не от боли. Сладкая агония, которую вызвал в ней Шанс, взорвалась фейерверком — а в небе неистово сверкали молнии. Разрядка — словно раскаты

грома, от которых сотрясалась и сама Темпест, и половицы. Она открыла глаза и увидела, что ее супруг возвышается над ней подобно языческому божеству: его серые глаза потемнели от страсти и необузданного желания удовлетворить эту страсть.

Он прорычал ее имя, когда ритм его движений стал все неистовее, а потом последнее глубокое проникновение — и Темпест оказалась прижатой к полу, когда его семя выстрелило из его плоти, ритмичными струями наполняя ее лоно.

Ее кожа была влажной от пота, а мышцы подрагивали от бешеного соития, но она еще никогда не чувствовала себя такой цельной и могущественной, как в этот самый момент.

Жаль, что они с Шансом не могут здесь остаться навечно.

— Не жалеешь? — лениво пробормотал он ей в плечо.

— Совершенно. — Она вздохнула. — А ты?

Его прерывистое дыхание щекотало ей шею.

— Только об одном.

Она замерла, а он в ответ засмеялся. Поцеловал в плечо и нежно извлек свою расслабленную плоть из ее лона. Пальцами стал ласкать и раздвигать лоно, влажное от возбуждения и его семени. Она ахнула, когда он безошибочно нащупал спрятанную чувственную точку.

— Я так и не раздел тебя полностью. — Шанс подхватил ее на руки и понес в кровать. — Не волнуйся, дорогая. Тебе понравит ся, как я это делаю.

Полностью поглощенные друг другом, ни Шанс, ни Темпест не думали о своих семьях и о тех трудностях, которые ожидают их по возвращении в Лондон.

— Отец тебя убьет.

Неверие молодой жены в его силы должно было бы вызвать у Шанса раздражение, но темно-лиловый синяк на ее щеке служил красноречивым напоминанием о том, на что способен лорд Норгрейв.

— Вы не будете носить траур, леди Фейрлэм. Твой отец может попытаться оспорить наш брак, но уверяю тебя, что он совершенно законен, не говоря уже о том, что церемония была совершена по всем правилам и принесла истинное удовольствие. Ты моя жена во всех смыслах этого слова. Он не сможет забрать тебя у меня.

Темпест была слишком взволнованна, и даже его невинные подшучивания не могли отвлечь ее от мрачных мыслей.

— Почему ты так уверен, что мой отец примет наш брак, хотя твоя семья до сих пор его не признает?

Матиас наклонился, готовый опровергать все ее домыслы, пока его инстинктивное желание защитить свою семью не разбилось о суровую реальность сложившейся ситуации. Он откинулся назад и потер ноющую грудь.

— Отличный вопрос!

Реакция его семьи на Темпест и их недавний брак поколебала его беззаветную преданность. За всю свою жизнь он ни на секунду не сомневался в родительской любви и поддержке. Ему было больно и обидно узнать, что его надежды оказались тщетными. Родительская любовь требовала от него жертв. Отец с матерью хотели, чтобы он порвал с Темпест.

«Никогда!»

— Мой отец ослеплен прошлым. Что бы там твой отец ни наделал, похоже, что мой никогда не сможет его простить. — Матиас откинулся в кресле и потер лицо руками. — А твой отец когда-либо говорил, что произошло между ним и Блекберном?

— Никогда, — Она обхватила себя руками, — И матушка тоже никогда об этом не упоминала. Шанс, мы вынуждены смириться с тем, что наши семьи никогда не признают наш брак и наших детей. Ты все еще хочешь быть моим мужем?

Он наклонился и поцеловал ее надутые губки.

— Да.

Темпест вздрогнула, когда в дверь негромко постучали. Они с Матиасом встали. Девушка была настолько напугана предстоящей встречей с отцом, что у Матиаса руки так и чесались проучить его за то, что он обидел свою дочь. Однако в его планы не входила драка с тестем. Ему необходим был союзник, если они с Темнеет надеялись положить конец этой вражде между их семьями.

— Войдите, — выкрикнул Матиас. Дверь открыл дворецкий.

— Милорд, к вам с леди Фейрлэм посетитель. Лорд Норгрейв. Он уверяет, что он отец вашей супруги.

— Пригласи его.

— Разумеется, милорд. — Дворецкий поклонился и вышел. Через несколько минут он вернулся с их первым посетителем.

Матиас взял Темнеет за руку, переплел свои пальцы с ее пальцами, чтобы показать ей,

что она не одна. Кожа девушки была прохладной на ощупь — было заметно, что Темпест из всех сил старалась сохранять спокойствие.

— Не забывай, любовь моя, что ты моя маркиза. Он не может силой увести тебя.

Темпест закрыла глаза и вздрогнула.

— Знаю, — прошептала она, взметнула ресницы, услышав, как негромко клацнула дверь.

— Лорд Норгрейв, сэр. — Дворецкий удалился из библиотеки и закрыл дверь.

В комнате повисло неловкое молчание.

Темпест не сделала ни малейшей попытки обнять или иным образом поприветствовать отца. Матиас прекрасно понимал ее настороженность, поэтому первый шаг должен был сделать именно он. Он отпустил руку жены и шагнул вперед, наклонив голову.

— Лорд Норгрейв, нас должным образом так и не представили друг другу. Я...

— Знаю я, кто ты, Фейрлэм, — перебил маркиз, его светло-голубые глаза лучились умом и уверенностью. — Должен признать, что меня заинтересовал человек, решившийся похитить мою дочь.

— Едва ли это можно было бы назвать похищением, лорд Норгрейв, — возразил Матиас, жестом приглашая ее отца присаживаться. — Немного понадобилось времени, чтобы получить специальное разрешение, чтобы жениться на вашей дочери. Как только разрешение было у меня, я не видел причин откладывать нашу свадьбу.

Матиас подошел к серванту, открыл дверцы, за которыми стояли несколько графинов.

— Коньяк?

— Пожалуй, от бокальчика я бы не отказался. К тому же и повод есть, согласна, доченька? — спросил маркиз, не сводя глаз с Матиаса, наливающего коньяк в бокал.

Темпест смотрела на отца.

— Шанс, мне не наливай.

— Не хочешь выпить в честь праздника, Темпест? — решил подтрунить над дочерью Норгрейв, которая стояла с непроницаемым лицом. — Примите мои соболезнования, молодой человек.

— Шанс мой супруг, папа. Это его дом. Будь любезен говорить о нем с уважением или покинь его дом, — заявила она. Ее изящные плечики дрожали от злости.

— Темпест, дорогая, я сам пригласил твоего отца, — сказал Матиас, давая ей знак, что не стоит дразнить старика, если они хотят заручиться поддержкой этого негодяя. — Нам с твоим отцом нужно кое-что обсудить. Если хочешь, ступай наверх, мы оба тебя пойдем. — Он протянул маркизу бокал коньяка.

Норгрейв понюхал, прежде чем сделать глоток. Удовлетворенный тем, что ему предложили не какое-то дешевое пойло, он сделал добрый глоток. Потом кивнул.

— Фейрлэм прав, Темпест, — протянул он. — Дай мне время поговорить с твоим супругом, а потом мы уйдем.

— Никуда я с тобой не пойду, — ответила она, решительно подходя к Матиасу и беря его за руку. — Ты выбрал лорда Уаррилоу, а я выбрала Шанса. Теперь он мой муж.

— Я вижу, ты все еще злишься на меня за то, что я ударил тебя за непослушание. — Маркиз вздохнул. — Ноу меня были веские причины наказать тебя, доченька. Однако меня задевает этот синяк у тебя на щеке, поэтому прими мое самое искреннее раскаяние за то, что ударил тебя.

Темпест кивнула, похоже, удивленная угрызениями совести отца.

— Наверное, я выпью чаю в гостиной.

Матиас дождался, когда она выйдет из библиотеки, потом сам сел. Все эти годы врожденное любопытство заставляло его наблюдать за Норгрейвом издалека, но сам с ним никогда не общался. Они в молчании потягивали коньяк, изучая друг друга.

Наконец Норгрейв произнес:

— Твое приглашение было неожиданным. Его принесли в тот момент, когда мы с сыном раздумывали над тем, стоит ли вызывать тебя на дуэль.

— И что решили? — поинтересовался Матиас. Он сделал глоток коньяка, не особо тревожась из-за Маркрофта.

— Уверен, тебе отлично известно, что Маркрофт спит и видит, чтобы всадить пулю тебе в грудь, — равнодушно ответил он, своими светло-голубыми глазами разглядывая собеседника.

— Пусть попробует. Хотя мне бы не хотелось стрелять в родственника, — Матиас не стал добавлять, что для Маркрофта он готов сделать исключение.

— Вот как! Родственника! — Норгрейв смаковал слова. — А кому принадлежит твоя преданность, Фейрлэм? Отцу? Матери? Любимой жене?

— Все трое заслуживают моей преданности, лорд Норгрейв, — ответил он, подозревая, что отец Темпест играет с ним в какую-то игру в слова.

— А твои родители... они одобряют ваш брак? — вежливо поинтересовался он.

Матиас едва не поперхнулся коньяком.

— Мои родители удивились поспешности в выборе невесты. Кроме того, им стало обидно, что я женился тайно.

Видя боль в глазах матери, он до сих пор чувствовал себя виноватым. Матиас заметил пустой бокал тестя, встал, подошел к серванту, достал бутылку. Он наполнил бокал гостя.

— И зачем ты это сделал? — Видя недоуменный взгляд Матиаса, Норгрейв пояснил: — Зачем причинил боль семье, когда в твоих силах было этого не делать: ты мог просто поведать о своих намерениях.

Сам Норгрейв заставил Матиаса действовать, и маркиз прекрасно об этом знал. Он не только в запале ударил Темпест. Существовала опасность, что он мог силой выдать дочь замуж за Уаррилоу.

— Вам отлично известно, зачем...

— Да, известно. — Норгрейв наклонил голову набок. — На самом деле вопрос в другом: известна ли причина тебе самому?

Матиас поставил бутылку рядом с бокалом маркиза.

— Довольно игр, лорд Норгрейв. Если хотите мне что-то сказать — говорите прямо!

Глаза гостя одобрительно заблестели.

— Отлично. Я хочу, чтобы ты уговорил Темпест вернуться со мной домой. Утром ты вернешься в коллегия юристов и подашь прошение об аннуляции брака.

Матиас фыркнул.

— Невозможно! Ваша дочь — моя жена во всех смыслах этого слова.

Норгрейв откинул голову назад и засмеялся.

— Готов держать пари, что она была твоей во всех смыслах этого слова еще до того, как ты получил специальное разрешение от архиепископа Кентерберийского. — Он поднял руку в знак того, что не желает слушать возражения Матиаса в свою с Темпест защиту. — Несмотря на то что отец твой предпочитает это отрицать, но мы знакомы с ним с детства.

Мы любили одних и тех же женщин, а чутье подсказывает мне, что ты настоящий сын своего отца.

Этот факт он не мог отрицать.

— Искушайте меня, чем хотите, Норгрейв. Я не стану аннулировать брак. Темпест моя жена.

— Приятно видеть, что моя дочь встретила человека, который достаточно силен, чтобы любить и защищать ее даже от собственного отца. При иных обстоятельствах я бы отдал тебе ее, ничего не требуя взамен.

— О каких обстоятельствах речь? Старая вражда между вами с отцом? — Матиас уперся руками в колени, подался вперед. — Темпест любит вас. Я не хочу удерживать ее от общения с вами и леди Норгрейв. Между нами не должно быть вражды. Вы имеете дело со мной, а не моим отцом.

В глазах почтенного джентльмена вспыхнула искра восхищения, но потом погасла.

— К сожалению, проблема не только в этом.

Волосы на затылке Матиаса предостерегающе зашевелились.

— Вы точно как мой отец, — раздраженно выплюнул он. — Он не в силах забыть прошлое.

— Это не совсем так, Фейрлэм, — ответил Норгрейв, постукивая указательным пальцем по бокалу. — Это прошлое нас не отпускает. Есть причина, по которой Блекберн и его красавица супруга не разрешают тебе и остальным своим детям иметь дело со мной и моей семьей. Блекберн знает правду.

— Какую правду? — настаивал Матиас.

— Что ты мой сын, а не его, — прямо ответил он.

От слов маркиза перед глазами Матиаса все поплыло. Он сел в ближайшее кресло и сердито взглянул на собеседника.

— Я ошарашен, — признался Матиас, с губ слетел нервный смешок, чтобы рассеять ужас произнесенного лордом Норгрейвом признания. — Я никогда не слышал более изощренной и более гнусной лжи, призванной разлучить жену с мужем. Вашей изобретательности можно только позавидовать, милорд.

Жалость, мелькнувшая в глазах маркиза, показалась искренней.

— То, что я рассказал тебе правду, Фейрлэм, не делает мне чести.

— Нет! — Матиас обеими руками вцепился в подлокотники кресла, чтобы не ударить кулаком в челюсть самодовольного Норгрейва. — Я вам не верю.

Лорд Норгрейв бездумно погладил шрам на щеке.

— Похоже, Блекберн не был до конца честен касательно своего скандального прошлого. Приходится мне тебя просвещать. Похоже, такова моя доля, раз уж ты мой...

Матиас ударил кулаком по подлокотнику.

— Я не ручаюсь за свои действия, если вы закончите это утверждение.

Маркиз прищурился, услышав неприкрытую угрозу, но ему хватило здравомыслия отступить,

— Так, и на чем же я остановился? Ах да, Блекберн. В свою растраченную впустую молодость мой друг спал со всеми женщинами, которые попадались ему на глаза. Мы часто держали пари на то, кто первый из нас переспит с той или иной девушкой. И плевать было на победу — мы с Блекберном просто наслаждались игрой! У нашей дружбы практически не было границ. Для нас было привычным делом спать с одними и теми же женщинами.

Матиас подумал о матери, и в голове у него все перемешалось. Отец его, конечно, не святой, но он совсем не похож на того, кого описывает Норгрейв. Он бы никогда не стал делить мать Матиаса с этим человеком.

— Может, мой отец просто устал от вашей желчи? Поэтому он порвал с вами всякие отношения? Я и часа не провел рядом с вами, а уже устал от вашей лжи, — негромко заметил Матиас.

— Все ваши слова — сплошная ложь. Отец любит мать.

Губы маркиза растянулись в задумчивой улыбке.

— Да.

Матиас встал, сердито глядя на маркиза.

— Герцог Блекберн — мой отец, запомни, лживый ублюдок. А моя мама никогда бы не позволила тебе и пальцем к ней прикоснуться...

Норгрейв вскочил, мужчины оказались лицом к лицу. Матиас понял, что они одного роста. Испугавшись хода своих мыслей, он отошел прочь от человека, пока не ударил его в лживый рот.

— Нет, Фейрлэм, я прикасался к твоей матери... — возразил маркиз, обходя вокруг Матиаса. — Эту ночь я не забуду никогда. Имоджин была невероятно красива. — Он прикрыл глаза, взгляд светло-голубых глаз затуманился, когда он стал вспоминать прошлое. — С такой готовностью отвечала на мои прикосновения. Я понимаю, что ни один сын не желает думать о матери как о женщине, но ты потребовал, чтобы я говорил правду. Твоя мама не могла решить, кого из нас она больше хочет, поэтому отдалась обоим. Несмотря на то что Блекберн был моим лучшим, ближайшим другом, но я не мог отказаться от Имоджин. Наше влечение друг другу невозможно было отрицать, да я и не жалею. Никто из нас и подумать не мог, что мое семя в ту ночь даст всходы в ее лоне. Когда я узнал, что она носит дитя, то готов был на ней жениться. Блекберн тоже был влюблен в Имоджин и решительно был настроен забрать ее себе. Мы даже подрались из-за нее, в результате у меня появился этот шрам. Он постоянно напоминает мне о том, что я потерял, когда твоя мама выбрала не меня, а твоего отца.

Матиас смотрел на поблекший от времени шрам на лице собеседника. Он злился на Норгрейва потому, что его отец — лорд Блекберн — отказывался обсуждать причины своей давней вражды с маркизом. Онемевший от ярости Матиас не в силах был опровергнуть историю маркиза.

— Тот, кого я когда-то считал своим братом, женился на Имоджин и порвал со мной всяческие отношения, потому что не хотел, чтобы кто-то узнал, что твоя мать носила моего ребенка.

— Довольно. Хватит! — воскликнул Матиас, потрясенный настолько, что не мог слушать дальше. Неужели он, сам не зная этого, женился на единокровной сестре? Сколько раз он доставлял ей наслаждение и наполнял своим семенем? Возможно, она уже носит его дитя. От этой отталкивающей мысли коньяк словно кислотой выжигал все изнутри. — Вы мне не отец.

На сей раз его напряженный голос звучал уже менее уверенно.

Матиас потер лицо руками, глаза жалили злые слезы. Он мысленно выругал обоих: и Блекберна, и Норгрейва за их проклятую распушенность... и их отвратительные тайны.

При мысли о том, что придется отказаться от Темпест, у него разрывалось сердце.

Собеседник, казалось, угадал ход его мыслей.

— Поэтому ты должен отпустить Темпест, — осторожно произнес Норгрейв. — Тебе придется мне поверить. Она твоя единокровная сестра. Однако у меня есть план. Если дать хорошую взятку, никто не станет допытываться, почему ты хочешь аннулировать брак. Верни ее в семью. Уаррилоу — хороший человек, он любит ее. Я еще раз с ним поговорю. Как только он узнает, что ты больше не стоишь у него на пути, он вмешается и женится на Темпест. На случай, если она носит твоего ребенка, никто...

Их внимание привлек доносящийся от двери звук — как будто кто-то подавился. Темпест выглядела так же плохо, как сейчас чувствовал себя Матиас. Она вновь подавила приступ тошноты, зажав ладонью рот.

— Это неправда. Ты придумал это намеренно, чтобы сделать мне больно.

— Доченька, почему, по-твоему, семья Рук оборвала все связи с нами? И почему мы с твоей матерью поддержали это решение? Любые интимные отношения между Шансом и любой из моих дочерей стали бы катастрофой.

Матиас подошел к жене, но она поморщилась, когда он попытался к ней прикоснуться. Он не хотел называть ее отца лжецом, потому что слова его были губительны.

— Ты веришь ему?

— Не знаю, — воскликнула она, и это признание разрывало ей душу. — Что мы наделали?

Его челюсть напряглась, вздулись желваки, когда он проглотил свой гнев.

— Мне необходимо поговорить с родителями.

— А если я твоя единокровная сестра, Шанс? Давай посмотрим правде в глаза: твои родители обманывали тебя всю свою жизнь и отказывались говорить о причинах этой вражды. Даже ты не станешь отрицать, что твоя семья не одобряет наш брак и с радостью поддержит аннуляцию.

— Любовь моя, только не проси, чтобы я сдался, — взмолился он, обхватывая ее лицо руками и прижимаясь своим лбом к ее лбу.

Слезы заструились по ее щекам, по его пальцам.

— Я не могу здесь оставаться. Я должна уехать. — Темпест оттолкнула его.

— Нет! — крикнул он, намеренный последовать за ней. Мы знаем только его версию событий. Позволь мне поговорить с моими родителями.

Норгрейв решительно положил руку Матиасу на плечо.

— Сынок, для всех будет лучше, если она сейчас поедет со мной.

Матиас сбросил его руку.

— Вы мне не отец! — прорычал он. Человек чувствует, кто его родители, разве нет? — Темпест останется со мной. Черт побери, она моя жена!

— Если в свете прознают о твоём настоящем отце, жизнь Темпест будет разрушена. Она моя дочь, Шанс, сказал Норгрейв, раскрывая объятия, в которые тут же поспешила Темпест. Он баюкал ее на своей груди, пока девушка рыдала. Если любишь ее, позволишь мне защитить ее и... тебя.

У него так сжалось горло, что Матиас едва мог дышать. Темпест плакала и прятала взгляд. Он чувствовал себя совершенно беспомощным.

— Позаботьтесь о ней. Мне нужно... — Матиас откашлялся. — Если необходимо будет аннулировать брак, я найду, как сделать это, не афишируя своего решения.

— И поскорее, — поторопил Норгрейв, красноречиво напоминая ему о том, что аннулирование брака необходимо для того, чтобы Темпест могла выйти замуж за Уаррилоу,

чтобы предотвратить все разговоры о том, что она носит ребенка Матиаса. — Я знаю, что говорю правду. У Блекберна и твоей матери нет причин ворошить прошлое. Успокой их, исправив собственную ошибку.

Через пять минут Темпест и отец, о существовании которого Матиас и не подозревал, ушли. Матиас чувствовал себя больным и потерянным, от одной мысли о том, что он придет к родителям со скандальной историей Норгрейва, рискуя узнать, что это правда, — он выходил из себя.

Матиас схватил один из стульев и швырнул его в стену. Переступив через обломки, он схватил со стола бутылку коньяка и направился к столу. Лорд Фейрлэм намеревался напиться, и, если повезет, до полной потери памяти, чтобы унять растущую боль в сердце.

— Что ты наделал? — спрашивала Шарлотта, следуя за мужем вниз по лестнице. Путаясь в юбках, она не успевала за его широким шагом, но все равно не отставала.

— Я привез домой нашу дочь, — ответил Норгрейв. — Я думал, ты обрадуешься.

Темпест заперлась в спальне и отказывалась с кем-либо разговаривать. Из-за двери Шарлотта слышала сдавленные рыдания, от которых разрывалось ее сердце.

— Что ты ей сказал? Угрожал? — Она резко остановилась у подножия лестницы, когда супруг повернулся к ней лицом.

— До угроз дело не дошло. Темпест сожалеет о своем поспешном решении выйти замуж за лорда Фейрлэма, и теперь, когда с глупостями покончено, она готова принять предложение лорда Уаррилоу, — объяснил он, явно упиваясь собственной ролью того, кто расстроил брак молодых влюбленных.

— А как же Фейрлэм? Несколько людей сказали мне, что он без ума от нашей дочери. — Шарлотта прищурилась. — Ты не смог бы его купить. Что же ты ему сказал, что он согласился развестись с Темпест?

— Достаточно будет аннулировать брак.

— Сильно сомневаюсь, что Темпест с Фейрлэмом получают такое разрешение. Обычные обстоятельства во внимание не примут. Тебе пришлось бы изобрести поистине дьявольский план, чтобы разлучить их.

— Невысокого же ты мнения обо мне, женушка.

— Только потому, что ты никогда даже не пытался вырасти в моих глазах, — ответила она, вспоминая, что он сделал все, чтобы разрушить ту любовь, которую она некогда питала к нему.

Хлопнула дверь бильярдной, и Шарлотта поняла, что муж ушел.

Она поспешила за ним, ругаясь себе под нос. Когда она открыла дверь, Норгрейв стоял и смотрел в окно.

— А зачем именно аннулировать брак? Что ты мог сказать Фейрлэму такое, что заставило бы его... — Она задумалась над тем, на чем еще мог бы сыграть ее супруг, убеждая молодого маркиза. — А Темпест... но он уже перехитрил тебя, женившись на ней. Здоровый молодой мужчина не станет тянуть со вступлением в брак.

Не поворачиваясь к жене, Норгрейв сделал глоток портвейна, но продолжал молчать.

— Значит, не Темпест, — нахмурилась Шарлотта, вновь распаляясь, когда вспомнила о том, что ее дочь с разбитым сердцем сейчас рыдает в подушку. — Ты угрожал Блекберну и его жене. Нет, тогда бы Фейрлэм просто вызвал тебя на дуэль. Пуля в твою дряхлую тушу отвадила бы тебя от... — Нет, ее муж разыграл другую карту. Которую очень сложно опровергнуть, поскольку семьи Рук и Брант хорошо умеют хранить свои тайны. При одной мысли у нее начиналась тошнота. Она подошла к супругу, потянула за рукав, чтобы он посмотрел на нее.

— Ты не посмел. Даже ты не мог быть так жесток.

— Ну, скажи конкретно, в чем именно ты хочешь меня обвинить, — спокойно заявил он ей.

— Не все твои грехи — надуманные. Тут же приходит на ум леди Имоджин Сантер. — Она наклонилась ближе и прошептала: — Ты что, забыл, что я одна из немногих, кто видел

твое избитое лицо и тело, когда с тобой разобрался Блекберн? Он хотел тебя убить, и оба мы знаем почему.

Норгрейв погладил свой шрам и усмехнулся.

— Блекберн старался заявить свои права.

— Не смей отрицать, что цена была намного выше, и не ты один заплатил за нее кровью. Как сам знаешь... Святые небеса, — воскликнула она, отступая от него. — Ты рассказал его сыну, что произошло двадцать четыре года назад. Как ты посмел?! Разве ты не достаточно жизнью разрушил?

Макки распахнул двери особняка семьи Рук и увидел одурманенного выпитым вчера Шанса.

— Добрый вечер, милорд, — приветствовал дворецкий, заметив полупустую бутылку коньяка в руке маркиза. — Вы бутылкой стучали в дверь?

Матиас пожал плечами.

— Она достаточно крепкая для такой задачи. Он дома?

— Кто?

— Блекберн, — засмеялся он, вытирая песок с глаз. — Человек, который уверяет, что он мой отец.

Макки застыл, заметив, как маркиз подбирает слова.

— Вы имеете в виду своего отца.

— Я хотел поговорить с человеком, который всю жизнь меня обманывал! — крикнул он, получая удовольствие от того, его голос эхом разносится по коридору. — И матушку тоже не забудем.

— Шанс!

Матиас резко обернулся, но мир наклонился и завертелся, словно юла. Он прищурился и оказался лицом к лицу со своей матерью. Наверное, она была в оранжерее. Но радость на ее лице сменилась тревогой, когда она заметила бутылку в его руках и, мягко говоря, нетрезвое состояние своего сына.

— Что-то случилось? Где Темпест?

— Она бросила меня, — ответил Матиас, боль внутри становилась все нестерпимее. — Они просят аннулировать брак, поэтому вы обязаны сказать правду.

— Шанс. — По лестнице спускался герцог Блекберн. — Я рад, что ты вернулся. Я думал над своими словами... А где твоя жена? Я должен перед ней извиниться.

— Что-то произошло, Тристан, — пробормотала его мама. — Шанс, отдай-ка Макки коньяк...

— Черт побери, ты прав: ты должен перед ней извиниться! — крикнул он родителям, размахивая бутылкой. — Я привел домой ангела, а вы приняли ее так, словно перед вами дешевая шляха, больная сифилисом.

— Ты пьян, — герцог поджал губы, борясь с улыбкой.

— Тристан, ты не хочешь мне помочь, — пожаловалась матушка и решила сама забрать бутылку. — Иди сюда, отдай это мне. Я скажу Макки...

Матиас прищурился, глядя на мать.

— Поэтому ты ее презираешь?

— Кого? — Они обменялись с герцогом и Макки недоуменными взглядами. — Вероятно, нужно позвать слуг, чтобы отнесли его наверх и уложили в постель. Пусть

проспится.

— Почему вы не сказали мне, что Норгрейв — мой отец? — выпалил он.

Тут одновременно произошло две вещи: во-первых, герцогиня Блекберн лишилась чувств прямо у его ног, а во-вторых, отец ударил кулаком Матиаса с такой силой, что тот позже клялся, что расслышал, как треснули зубы. Он упал на колени, а потом ткнулся лицом прямо в мраморный пол.

Открыв глаза, он обнаружил себя лежащим на оттоманке в спальне своей матушки. Кто-то был заботливо приложил к его больной челюсти салфетку со льдом. Матиас сел и выругался.

— Вот и хорошо, что ты очнулся, — сурово сказал Блекберн, ничуть не раскаиваясь, что ударил сына в лицо. — Твоя мать испугалась, что ты мог сломать скулу, когда упал на мрамор.

Матиас коснулся лица.

— А на что ты надеялся?

— Что ты испустишь последний вздох, пока я буду отхаживать твою маму. Тогда мне не пришлось бы душить тебя за то, что ты ее расстроил, — проворчал он.

— Очнулся? — спросила мать, входя в гостиную. Она присела рядом с ним на кровать, осмотрела его челюсть и синяк на щеке. — Больно?

— Не так сильно, как я того заслуживаю. — Удар герцога и сон отрезвили Матиаса. — Долго я спал?

— Всего час, — ответил его отец, расхаживая по комнате. — И теперь, когда ты вернулся в мир живых, я хочу знать, каким образом ты пришел к глупейшему выводу, что маркиз Норгрейв твой отец?

Блекберн был в такой ярости, что Матиас не спешил объяснять, что к такой глупой выходке его привели несколько часов размышлений, настоянных на коньяке.

— Я послал Норгрейву записку. Вы так злились из-за моего брака с Темпест, что я подумал, что смогу получить ответы о вашей вражде от ее отца.

— И все ответы, которые ты получил, оказались лживыми! — закричал отец на Матиаса, — Что он сделал? Ударил тебя по голове бутылкой и украл твою жену?

— Темпест сама от меня ушла.

— Матиас, что произошло? — всплеснула руками его мать. — Неужели Темпест ушла из-за того, что ей наговорили в этом доме?

— Нет, я заверил ее, что, как только все успокоятся, вы с отцом, в конце концов, примете ее как мою жену.

Его мать поморщилась — видимо, устыдилась собственного поведения.

— И что сказал Норгрейв, когда ты спросил его о нашей ссоре? — допытывался отец.

Матиас смотрел на маму, молча молясь о том, чтобы она посмотрела на него.

— Он сказал, что у вас с Норгрейвом была любовная связь, и ты знала, что носишь его ребенка, когда выходила замуж за моего отца.

Блекберн выругался.

— Следовало давным-давно вызвать его на дуэль.

— Сперва я был уверен, что он лжет. — Матиас пожал мамину руку. — Он пришел ко мне с единственной целью: убедить Темпест уйти с ним. Я был готов, что он будет угрожать, но история, которую он мне рассказал.... Мягко скажем, что она лишила меня дара речи. Вы

с отцом отказывались говорить о том, что произошло двадцать четыре года назад, и его версия события не была лишена смысла. Я не знал, кому верить, поэтому я собирался прийти к вам и потребовать объяснений.

— Черт побери, почему же ты не пришел?! — сердито посмотрел на него отец.

— Все происходило настолько стремительно, что у меня закружилась голова. А потом я понял, что Темпест подслушала наш разговор с ее отцом. Каждый из нас болезненно воспринял новость о том, что мы можем быть единокровными братом и сестрой. Норгрейв воспользовался нашими сомнениями и стал требовать аннулировать брак. Он боялся, что его дочь уже может носить моего ребенка, поэтому он настоял на том, чтобы она безотлагательно вышла замуж за лорда Уаррилоу, чтобы скрыть правду.

— А кто такой лорд Уаррилоу? — поинтересовалась мама.

— Норгрейв сам выбрал его для своей дочери. — Блекберн с Матиасом фыркнули. У них было одинаковое выражение лиц — только Имоджин могла это оценить. — Признаюсь: я растерялся, испугался, что разрушил жизнь Темпест, женившись на ней. Я поклялся все уладить, даже если это бы означало, что нужно будет аннулировать наш брак.

— Ты — благородный человек. Однако отец твой прав, — сказала мама, губы ее дрожали, она старалась не расплакаться. — Норгрейв обманул тебя. Он тебе не отец. Темпест тебе не сестра.

— Неужели я давал повод усомниться, что я твой отец? — заорал герцог на сына. Матиас поморщился. Его сомнения ранили отцовские чувства.

— Нет, сэр. — Матиас покачал головой. — Но Норгрейв был искренним, когда он упомянул матушку — это и убедило меня, что он говорит правду. Он говорил о любви и утрате. О предательстве, о том, как отец ранил его во время драки.

Герцогиня резко подняла голову. Посмотрела сыну в глаза.

— Твой отец ему щеку не расцарапал. Это сделала я. — Герцогиня и герцог обменялись взглядами. Имоджин наклонилась вперед, едва не касаясь губами уха Матиаса. — Я не хочу, чтобы ты что-то говорил. Просто закрой глаза и слушай.

Матиас послушно закрыл глаза, и мать рассказала ему, как Норгрейв обманным путем завлек ее в тот дом, где сейчас живет Матиас со своим кузеном. Прошло более двадцати четырех лет, а он слышал боль в голосе матери, когда она рассказывала о том, что произошло в спальне, которая сгорела во время пожара, устроенного Блекберном несколько лет спустя.

Даже несмотря на то, чего ей стоило раскрыть такие интимные и унижительные подробности истории своему сыну, Имоджин хотела, чтобы он понял, кто оказался в тот день настоящим негодяем. Чтобы сын понял, что все чувства, которые теплились в сердце маркиза по отношению к даме, которую он опорочил, — сплошной обман. У Норгрейва была одна цель: посеять сомнения между сыном и отцом, разделить семью Рук. А еще он хотел во что бы то ни было положить конец браку Темпест с Матиасом.

Мама Матиаса отстранилась, чтобы наблюдать за реакцией сына.

— Сперва я боялась, что могу носить ребенка Норгрейва после того, как он мной овладел. Он поселил страх в моей душе, и когда я поняла, что на самом деле ношу ребенка... — Она сморгнула слезы и покачала головой. — Твой отец — Блекберн. Никогда не было ни малейшего сомнения. Ни разу. Он верил непоколебимо, и когда ты родился, я взяла тебя на руки и поняла, что он прав. Ты не можешь быть сыном Норгрейва. Клянусь.

Матиас закрыл лицо руками. Его семья хранила тайну. Сперва чтобы защитить его мать, потом из любви к детям, чтобы не ранить ни его, ни его братьев и сестер мучительной

правдой. Их молчание к тому же давало Темпест и ее родным определенный покой.

Никто не хотел верить, что отец способен на настоящее зло. Матиас заключил маму в объятия. Прижимал ее к себе, когда она плакала, поднял на отца глаза, полные раскаяния.

Блекберн коротко кивнул, принимая его молчаливое извинение.

— Матиас, ты должен найти жену, — сказал ему отец хриплым от переполняющих его эмоций голосом. — Делай, что хочешь, но убеди ее, что Норгрейв все выдумал, чтобы обманом выдать ее замуж за этого Уаррилоу.

— Ты поедешь со мной? — Мать напряглась от его вопроса, поэтому он обратился к отцу. — Вы уже высказались против нашего брака. Темпест ушла от меня, уверенная в том, что вы с матерью против нашего брака именно потому, что все сказанное ее отцом — правда. Если вы оба будете со мной и открыто выступите против обвинений Норгрейва, она обязательно вам поверит.

Признание ее отца раздавило Темпест, но Матиас знал, что его жена слишком упряма, чтобы так легко сдаться. Почти с самого начала она поверила ему... и нашла в себе силы любить его.

— Мы поможем тебе, — негромко заверила его мать, напуганная предстоящей встречей.

Пришло время разоблачить Норгрейва и привезти домой свою жену.

Уоргрейв с Блекберном за прошедшие двадцать четыре года не сказали друг другу ни одного доброго слова.

Матиас сомневался, что сегодняшняя встреча что-то изменит.

Тем не менее герцогиня и герцог Блекберн стояли рядом со своим старшим сыном, а лорд Норгрейв маячил один у подножия лестницы. В руках у него не было ни шпаги, ни пистолета, когда он пристально разглядывал неожиданных гостей. Чтобы еще больше унижить последних, маркиз не стал приглашать их наверх в гостиную или в библиотеку.

Он хотел, чтобы они ушли, но Матиас отказывался покидать его особняк, пока Темпест не пойдет вместе с ним.

— Блекберн, сплетники завтра утром будут молоть языками, когда прознают, что ты заходил ко мне, — сказал Норгрейв, чувствуя, что превосходство на его стороне, поскольку семья Рук по собственному желанию вошла в логово льва.

— Я должен извиниться перед твоей дочерью, — сказал отец Матиаса. Внешне он выглядел совершенно расслабленным, но Матиас видел, что это не так.

— Я двадцать четыре года ждал от тебя извинений, — признался Норгрейв, пытаясь скрыть раздражение, несмотря на то что своих извинений он тоже не принес.

— А мне нравится заставлять тебя ждать, — резко ответил Блекберн. — Темпест, с другой стороны, не заслуживает нашего осуждения за прошлые деяния, которые не она совершала. Пошли за ней кого-нибудь из слуг, чтобы мы с супругой могли извиниться, и мы уйдем восвояси.

— Какая жалость! — проворчал маркиз. — А я только хотел предложить вам что-нибудь выпить.

— Вы так любезны, лорд Норгрейв, — произнесла мать Матиаса, хотя он мог только догадываться, чего ей стоит быть учливой с человеком, который когда-то так жестоко и несправедливо обошелся с ней. Матиас зауважал герцогиню еще больше. — Я надеялась засвидетельствовать свое почтение вашей жене.

Лорд Норгрейв усмехнулся, чувствуя, что они затеяли какую-то игру, но никто из них не сообщил ему правил.

— Сожалею, что маркиза нездорова, но я обязательно передам ей ваши слова.

— Отлично. — Мать Матиаса положила руку на рукав сюртука Блекберна, молчаливое напоминание о ее преданности. — И передайте леди Норгрейв, что я буду молиться за ее скорейшее выздоровление. Когда мы беседовали с ней у леди Кармак, ваша супруга была в добром здравии. Надеюсь, что так и будет.

Выражение лица лорда Норгрейва стало задумчивым.

— Я понятия не имел, что вы с Шарлоттой недавно беседовали.

— Что ж, я надеюсь, что мы станем общаться намного чаще, поскольку наш сын и ваша дочь поженились, — с притворной беспечностью сказала герцогиня. Она взглянула на Матиаса, и черты ее лица смягчились.

— Шанс!

Матиас взглянул на верх лестницы и увидел спускающуюся в сопровождении матери Темпест. По ее лицу было заметно, что она плакала, но вела себя девушка сдержанно.

— Что ты здесь делаешь? — Она, не скрывая удивления и настороженности, перевела

взгляд на герцога и герцогиню Блекберн.

— Мы могли бы поговорить наедине? — спросил Матиас, и внутри у него все сжалось, когда она покачала головой.

Лорд Норгрейв шагнул вперед, препятствуя Матиасу приблизиться к его дочери.

— Поскольку все согласны с тем, что аннулирование брака — самый разумный выход из положения, мне кажется, что не стоит оставлять вас с Темпест наедине.

— Неужели вы искренне полагаете, что способны удержать меня от беседы с собственной супругой?

Распахнулась дверь, и к небольшой группе собравшихся присоединился Маркрофт.

— Какие-то проблемы, Фейрлэм? — поинтересовался его новоиспеченный шурин, никак не комментируя распухшую и покрасневшую щеку Матиаса. Если бы отец разрешил, граф с удовольствием добавил бы ему и от себя.

— Никаких, если твой отец отойдет в сторону, чтобы я мог как следует поздороваться со своей женой, — ответил он, бросая вызов ему и любому из семьи Брант: пусть только попробуют не признать его права как супруга Темпест.

Какое-то движение привлекло внимание Матиаса — он увидел медленно спускающуюся леди Арабеллу. Девушка встала рядом с матерью. Она, казалось, была потрясена, когда увидела в прихожей семью Рук.

— Святые небеса! Мы празднуем свадьбу Темпест и Шанса?

— Нет! — отрезал лорд Норгрейв.

— Почему нет? В конце концов, есть повод, — не согласилась леди Норгрейв. Она кивнула стоящему позади дворецкому. — Старлинг, принесите из подвала несколько бутылок вина, а я проведу наших гостей в гостиную.

— Послушай, Шарлотта, — вмешался Норгрейв, поднял руку, когда Темпест достигла подножия лестниц. — Блекберн с супругой уже уходят. Незачем приглашать их наверх. А ты... Темпест... я не позволяю тебе...

Темпест, отойдя от него, решила поприветствовать вновь приобретенных родственников. Матиаса так и распирало от гордости, когда его жена ослушалась своего отца и сделала реверанс перед герцогом.

— Ваша светлость, вы окажете нам честь, если присоединитесь к нам в гостиной.

Его отец напугал Темпест, когда схватил ее за руку и склонился над ней.

— Мы с радостью примем ваше любезное приглашение, если вы позволите принять вас в нашу семью.

— Нет причин сотрясать воздух, обмениваясь любезностями, Блекберн, когда в течение недели брак будет аннулирован, — произнес лорд Норгрейв, оттягивая Темпест от герцога.

— Я не был бы так уверен в исходе дела, — ответил Матиас и потянул Темпест за другую руку. — А теперь будьте так любезны, отпустите руку моей супруги, чтобы мы могли поговорить с ней наедине.

Лорд Норгрейв сердито взглянул на Матиаса.

— Мы же договорились.

— При условии, что вы сказали правду... но, как мне сказали, вы на это просто не способны, — ответил Матиас, даже не пытаясь скрывать раздражение. Он обнял жену за талию и потянул ее прочь от отца.

— Шанс! — Темпест, не колеблясь, бросилась к мужу в объятия, на ее лице читались любопытство и надежда.

— О чем говорит Фейрлэм, отец? — поинтересовался Маркрофт.

Лорд Норгрейв с ненавистью посмотрел на Блекберна.

— Ты сам его заткнешь или мне заткнуть?

— Молчание едва не стало причиной того, что твоя ложь почти разрушила брак твоей дочери и моего сына, — ответил герцог, едва сдерживая свою ненависть к маркизу. — Ты на это и рассчитывал? Что Шанс настолько испугается твоих откровений, что постесняется спросить у нас прямо, а ты за это время быстренько обстряпаешь аннулирование брака, чтобы Темпест могла выйти замуж за этого Уаррилоу?

— Отец!

— Позже, Маркрофт! — вызверился на сына маркиз.

— Да, Норгрейв, почему же вы не расскажете Маркрофту, как пытались убедить меня, что я тоже ваш сын? Потому что вы силой взяли мою мать, когда узнали, что она полюбила вашего близкого друга? — исполненным отвращения голосом спросил Матиас. — Как вы стремились убедить Темпест в том, что она вышла замуж за своего единокровного брата, чтобы иметь возможность манипулировать ею и склонить к браку без любви, только потому, что вам был выгоден этот брак.

Арабелла ахнула. Стоящая рядом с ней леди Норгрейв, казалось, ничуть не удивилась сказанному. Вероятно, она уже догадалась, что сделал ее супруг, чтобы убедить Темпест уйти от Матиаса.

Все замерли. Маркрофт зло и недоверчиво смотрел на отца.

Матиас сам испугался того мрачного изумления, которое росло внутри него. Он гадал, что больше тревожит графа: темная природа его отца или осознание того, что ему придется признать своим единокровным братом человека, которого он презирал всю свою жизнь?

— Шанс, откуда мы можем знать точно? — спросила Темпест.

— Твой отец обманул нас, любовь моя, — ответил Матиас, чувствуя необходимость облегчить боль и неуверенность, которые он заметил в ее глазах.

Темпест оглянулась через плечо на герцогиню Блекберн.

— Он сказал правду о твоей матери. Они были любовниками.

Мать Матиаса прикрыла рот ладонью и всхлипнула.

— Они никогда не были любовниками, Темпест. Норгрейв изнасиловал Имоджин, — сказал герцог, угрожающе надвигаясь на своего бывшего друга. — Чтобы наказать меня и ее. Я никогда его не прощу.

Матиас не хотел отпускать Темпест, но он не мог рассчитывать, что Маркрофт не вмешается, если его отец решит возобновить свою «дружбу» с Норгрейвом, сойдясь с ним в кулачном бою.

Темпест закрыла лицо руками.

— Неужели ты не понимаешь, Шанс! Не имеет значения, в какую из версий случившегося мы поверим. Мой отец может оказаться прав. Ты можешь быть его сыном.

— Нет!

Все повернулись на неистовый крик герцогини.

Мать Матиаса подошла к ним.

— Так искусно прибегать к ухищрениям может только Норгрейв, — сказала она, вскользь презрительно глядя в сторону маркиза и отмахиваясь от него. Ее лицо омрачила печаль, когда она подняла на Темпест полные слез глаза. — А это значит, что ему верить нельзя. Однако у меня нет причин тебя обманывать. Шанс — сын Блекберна. Нет причин,

которые бы помешали тебе любить моего сына и строить с ним семью. — Она задумчиво улыбнулась невестке. — Рожать детей. Не позволяй сомнениям разрушить то счастье, которое ты с ним познала.

— Темпест, я люблю тебя, — хриплым голосом произнес граф. — Я всего лишь пытался сделать так, чтобы твое сердце не разбилось окончательно.

Темпест беспомощно посмотрела на Матиаса, а тот мечтал задушить маркиза за то, что тот ни слова не сказал, чтобы развеять опасения дочери.

— Доченька, Имоджин говорит правду, — подтвердила леди Норгрейв, понимая, что ее предательство вызовет ярость супруга. — Полагаю, вы ошиблись в подсчетах. Время — единственное, над чем не властен мой муж. Вы согласны, ваша светлость?

— Да, — ответила герцогиня, стараясь сохранять хладнокровие. Она дерзко направилась к лорду Норгрейву, а он снисходительно наблюдал за ее приближением. Спустя пятнадцать секунд она дала ему пощечину. Звонкий хлопок эхом разнесся по прихожей.

— А вот и Старлинг, — весело воскликнула маркиза, когда увидела слугу с бутылками вина. — Пока вас не было, всем еще больше захотелось выпить. Понадобится еще несколько бутылок.

— Мне необходимо что-то покрепче вина, — пробормотал Маркрофт и удалился в библиотеку в поисках бутылки коньяка.

Норгрейву хватило здравомыслия промолчать. Не говоря ни слова, он скрылся в библиотеке и закрыл дверь.

Матиас увлек Темпест в противоположную сторону, в то время как маркиза пригласила всех последовать за ней наверх. Повинуясь порыву, Матиас схватил Темпест за руку и поднес ее пальчики к своим губам.

— Ты знаешь, сколько часов мы провели порознь, миледи? — спросил Матиас. Он понизил голос, чтобы слышала только Темпест. — Я так соскучился по тебе.

Лицо девушки смягчилось от нежности.

— Мне было так плохо без Тебя.

— Лорду Уаррилоу придется подыскать себе другую невесту, потому что ничего из сказанного твоим отцом не убедит меня отказаться от тебя. — Матиас переплел свои пальцы с пальцами Темпест, наклонился и поцеловал жену в губы. — Я думал, что потерял...

— Знаю, — прошептала она в ответ. — Мне хотелось умереть, когда я подслушала ваш разговор с отцом...

— Тихо-тихо! — успокоил он ее, снова целуя, чтобы унять боль, которую они оба познали. — Все разрешилось. Больше ложь твоего отца не властна над нами.

Они с Темпест должны были благодарить родителей Матиаса за то, что те разоблачили вранье Норгрейва. Если бы не они, он бы пошел на поводу у маркиза и потерял любимую. Отдал бы ее другому. Как и его отец, Матиас был не из тех, кто прощает.

Что касается всего остального... пусть семьи Рук и Брант хранят свои тайны.

Матиас огляделся и понял, что наконец они с Темпест остались наедине. Он прижал ее к себе.

— Мы должны присоединиться к нашим семьям? — пробормотал он, не желая ни с кем ее делить.

— Я хочу домой.

Домой.

Матиаса немного удивляло то, насколько изменились его ценности с тех пор, как он

встретил Темпест в Лондоне. Приехав в город, он все свои мысли сосредоточил на эфемерных удовольствиях, которые часто ищут мужчины, чтобы развеять скуку.

Он даже не осознавал, что все это время ждал Темпест.

Его приятели могут решить, что он сошел с ума, если женился так рано, но сам он считал себя поистине счастливым человеком. Женщина в его объятиях наполнила его жизнь смехом, стала бальзамом и для его души, и для тела. А вместе они превратят старый дом его бабушки в настоящее семейное гнездышко.

Он зарылся подбородком в макушку жены.

— Что скажешь, если мы сбежим из этого сумасшедшего дома и отметим нашу свадьбу в тишине спальни? Предпочтительно обнаженными.

— Просто великолепная мысль! — похвалила она, виновато глядя в сторону лестницы. — Хотя с нашей стороны неприлично уйти, не прощаясь.

— Да, — согласился Матиас и, взяв ее за руку, повел к входной двери. — Если повезет, к нам никто не явится целую неделю... или две.

— Обещаешь? — поддразнила она.

Шаткое перемирие между семьями Брант и Рук не продлится долго. Слишком много злости накопилось за эти годы.

Матиас удрученно взглянул в сторону библиотеки, где медленно напивались коньяком отец и сын.

Нет, две недели слишком мало.

— Мы будем ценить каждый день. Это я тебе обещаю, — сказал он, увлекая любимую страстным поцелуем.

Когда Темпест тает его объятиях, прижимаясь к нему своим соблазнительным телом, — он уже дома.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Возможно, имеется в виду знаменитый Амфитеатр Астлея (Astley's Amphitheatre) — английский цирк; существовал в Лондоне с 1780 по 1895 год. Назван по фамилии владельца цирка Ф. Астлея. В 1794 году Амфитеатр сгорел дотла, но Астлей отстроил его заново. Девять лет спустя в Амфитеатре снова вспыхнул пожар, после чего на смену сгоревшему деревянному пришло здание с каменными перекрытиями. Оно было построено по проекту Джона Гендерсона Грива и названо Королевским амфитеатром искусств. Диаметр манежа достигал сорока четырех футов; за манежем, отделенная от него оркестровой ямой, располагалась сцена. Удачное сочетание сцены с цирковой ареной и возможность обращать часть арены в партер позволяли давать в Амфитеатре Астлея, помимо чисто цирковых и эстрадных программ, также театральные представления. (Здесь и далее примеч. пер.)

Каролина Лэм (1785–1828) — британская аристократка и писательница, возлюбленная лорда Байрона. Описала свой роман с ним в произведении «Гленарван» (1816), вышедшем анонимно.

Баллок, Уильям (около 1773–1849) — ювелир, собиратель редкостей, автор трудов по естественной истории. В 1795 году Баллок обосновался в Ливерпуле, где открыл Музей редкостей. В 1809 году Уильям Баллок перевозит свое собрание в Лондон и открывает так называемый Ливерпульский музей на улице Пикадилли. Успех позволил Баллоку в 1812 г. выстроить специальное здание для своего музея. Оно располагалось на той же Пикадилли и получило название Египетского зала. По заказу Баллока автор проекта Питер Фредерик Робинсон использовал в архитектуре здания и внутренней отделке мотивы архитектуры древнеегипетских храмов, а стены были украшены изображениями пирамид, Нила, египетских богов. Баллок приобрел также ряд предметов, принадлежавших сверженному императору Наполеону, и в 1816 году открыл в Египетском зале «Наполеоновскую выставку». Гвоздем выставки была пуленепробиваемая карета, в которой Наполеон перемещался во время своих военных походов по Европе.